

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЫРГЫЗСТАН

3/ ОКТЯБРЬ 2016

Художественный и общественно-политический
журнал писателей Кыргызстана

Издается с января 1955 г.

Главный редактор А.И. ИВАНОВ

Редакционная коллегия:

В.В. КАДЫРОВ

Б.Т. КОЙЧУЕВ

Т.Т. МУРАТАЛИЕВ

С.Г. СУСЛОВА

(зам. главного редактора)

В.И. ШАПОВАЛОВ

Представляем фотографии писателя и фотохудожника
Сергея Дудашвили.

На первой обложке: фотография водопада Барскаун.

На четвертой – фотографии реки Кок-Кия, Нарынская область, и
озера Сары-Челек, Джалал-Абадская область.

Адрес редакции:

720301, ГСП. Бишкек, ул. Пушкина, 70

Телефон 62-16-05

Глубокоуважаемый Президент Кыргызской Республики, дорогой Алмазбек Шаршенович!

Редакционная коллегия журнала «Литературный Кыргызстан» поздравляет Вас с 60-летием – знаковой датой в Вашей жизни, а также в жизни общества и государства.

Нам приятно сознавать, что Ваш жизненный путь начался с успешных шагов в литературном творчестве, с публикаций в нашем журнале стихов, снискавших читательские симпатии и показавших литературный профессионализм автора.

Талантливый поэт, переводчик, Вы оставили заметный след в молодой литературе нашей Родины, прежде, чем масштабные преобразования государственности призвали Вас к деятельному участию в экономической и политической жизни – как крупного предпринимателя, как создателя Социал-демократической партии Кыргызстана, как активного патриота и государственного руководителя.

В течение многих лет, будучи одним из уважаемых представителей делового мира страны, являясь председателем «Литфонда» КР, Вы поддерживали литературу Кыргызстана – деятельность Союза писателей Кыргызской Республики, работу журналов «Ала-Тоо» и «Литературный Кыргызстан», в составе редколлегии которого были пятнадцать лет.

Позвольте, дорогой Алмазбек Шаршенович, пожелать Вам в Вашей светлой будущности здоровья, счастья и столь же выдающихся результатов целеустремленного труда, в том числе и в творчестве, которыми отмечена ныне Ваша жизнь.

К нашим поздравлениям присоединяются авторский коллектив журнала, литературная общественность и широкие читательские круги.

**Редколлегия журнала
«Литературный Кыргызстан»**

ПРОЗА

Олег Бондаренко. Единственное развлечение на островке. Услышать песню. Свобода времени. <i>Рассказы</i>	5
Юрий Башманов. Опыт. Улыбка Джоконды. Человеческий фактор. <i>Рассказы</i>	30
Алла Пятибратова. Модификация льда. Такая долгая осень. <i>Рассказы</i>	42
Александр Иванов. Палата номер семь. <i>Рассказ</i>	66

ПОЭЗИЯ

Михаил Рогожин. <i>Стихи</i>	93
Алтынай Иманбекова. <i>Стихи</i>	101
Эпос Манас. Отрывок из главы «Женитьба Манаса на Канькей». Перевод С. Сусловой.	108

ОЧЕРКИ. ПУБЛИЦИСТИКА

Леонид Дядюченко. На семи ветрах. <i>Очерк</i>	139
Виктор Кадыров. Индокитай. <i>Путевые очерки</i>	149
Юрий Кузнецов. Белый рояль на Неве. Турист из Африка. <i>Очерки</i>	180
Зайнидин Курманов. О культуре предков. <i>Статья</i>	197

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. КУЛЬТУРА

Дария Буржубаева. Главное – жить, трудиться и быть человеком.	201
Лайли Укубаева. Восстание 1916 года. Взгляд из настоящего	208
Коротко об авторах	224

ПРОЗА

РАССКАЗЫ

ЕДИНСТВЕННОЕ РАЗВЛЕЧЕНИЕ НА ОСТРОВКЕ

Андрею Рябченко, моему другу

– Ну вот, приехали, – сказал первый пилот с явным неудовольствием и принялся корректировать курс по карте. – Придётся садиться. Во-от сюда.

На навигационном дисплее, согласно указанным координатам, возникла маленькая точка – одинокий скалистый островок в безбрежном океане, на котором в годы «холодной» войны был построен военный аэродром.

Второй пилот раздражённо повёл плечами.

– И надолго это?.. – недовольно спросил он.

– До завтрашнего утра. Таково распоряжение с земли, и ничего тут не поделаешь. – Первый вздохнул и по бортовой связи вызвал в кабину пилотов старшую бортпроводницу.

– Сколько летаю, никогда не сталкивался ни с чем подобным... – Ворчание второго пилота можно было понять: у него в аэропорту назначения была запланирована одна интересная встреча.

В кабину бесшумно вошла вышколенная стюардесса.

– В общем так, милочка, – сообщил ей командир экипажа. – По требованию диспетчера мы вынуждены совершить незапланированную посадку на запасном аэродроме посреди океана. Это какой-то остров, совсем без удобств. Но у нас нет выбора: на Солнце произошла беспрецедентная магнитная буря, и, соответственно, высока вероятность выхода из строя

бортового компьютера. Сейчас по всей Земле задержаны тысячи и тысячи рейсов, а борта, которые в воздухе, должны немедленно сесть. Мы приземляемся через пятнадцать минут. На острове нас примут, предоставят ночлег и ужин. Продолжение рейса – завтра в девять утра. Пожалуйста, подготовьте пассажиров.

Первый пилот проводил взглядом бортпроводницу и мельком взглянул в окно. Повсюду, насколько хватало глаз, простирался океан – сине-бирюзовый, бесконечный, с крошечными барашками волн и чёткой линией горизонта. Над океаном, без облаков, сияло особо яркое в этих краях и на этой высоте солнце – виновник нынешней непредвиденной задержки...

***

Садись, в общем, без проблем. Правда, полоса оказалась маловата для Боинга, но опытный командир справился с этой задачей; сама по себе полоса была достаточно неплоха для законсервированного военного объекта и, несмотря на прошедшие годы, поддерживалась в рабочем состоянии, так что прибытие нежданного воздушного судна выдержала на все сто.

Ещё на подлёте к острову пилоты увидели всё его «хозяйство» – десяток-другой одноэтажных домиков с утеплёнными крышами, водонапорную башню да автоматический маяк на краю утёса. Всё. И больше ничего – ни деревьев, ни водоёмов, только скалистые, продуваемые всеми ветрами берега.

Боинг припарковался в самом конце лётного поля, за дощатым строением аэродромных служб. Пилоты выключили ревущие драконоподобные двигатели и, в наступившей тишине, вышли в пассажирский салон. Люди были обо всем в курсе, но пребывали в недоумении, им хотелось получить разъяснения непосредственно от командира; имелись, конечно, и протестующие, но в целом народ подчинился судьбе, тем более, что близился вечер и предлагалось провести ночь в более-менее человеческих условиях – в местных домах, в качестве гостей. До утра – не страшно. И потом, как-никак, всё же приключение...

Выходили из самолёта цепочкой, под присмотром внимательных стюардесс, по старенькому трапу годов эдак сороковых-пятидесятых, какие сейчас можно увидеть разве что в кино. Оба пилота спустились первыми. На краю аэродромной

площадки они увидели толпу местных жителей – их было на удивление много, явно больше сотни человек, наверное, все-все-все жители островка собрались сейчас в районе аэродрома, чтобы посмотреть на прибытие воздушного судна.

Аборигены были одеты довольно непритязательно, в какие-то старомодные наряды, но главное – на их лицах читалась неподдельная радость, и видно было, с каким воодушевлением они готовились встретить вновь прибывших.

К пилотам с радушной улыбкой направились двое местных представителей начальственного вида.

– Добрый день! – поздоровался один из них. – Разрешите представиться: я губернатор этого острова, а это, – он кивнул на своего спутника, – заведующий аэродромным хозяйством и по совместительству интендант; он также мой помощник.

Интендант приветливо кивнул.

– Нам сообщили по радио о вашем прибытии, мы успели подготовить полосу, – продолжал губернатор. – И готовы принять всех ваших людей, обеспечить их кровом и горячим питанием. Надеюсь, они будут довольны. Никого не обделим! – хозяин острова буквально светился от желания оказать помощь.

– Ну, а вас со вторым пилотом мы приглашаем к себе, в наше скромное жилище... – И губернатор показал рукой на небольшой, с виду уютный домик с островерхой крышей вдали, стоявший отдельно от остальных построек. – Вы будете нашими почётными гостями.

Он кивнул встречающим, и те с радостным визгом бросились к столпившимся на поле пассажирам во главе с несколькими стюардессами. Людей похлопывали по плечу, обнимали и буквально разрывали – каждому из аборигенов хотелось заполучить прибывших непременно к себе, в свой дом, они даже спорили, кто кому достанется; пассажиры лишь молча и участливо наблюдали за этой трогательной сценой.

– Итак, идёмте! – губернатор сиял. – Насчёт самолёта можете не беспокоиться, наши техники его осмотрят и позаботятся о нём. Хотя, судя по всему, в особом уходе он не нуждается...

Подхватив под руку первого пилота, здешний начальник увлёк его в сторону посёлка. Лётчик едва успел оглянуться, чтобы бросить взгляд на оставленную машину и на кучу народа, разбившегося на группки и расходившегося кто куда.

...Вечер вступал в свои права, и здесь, на этом крошечном клочке суши посреди океана, он казался особенно краси-

вым и загадочным – наверное, от иссиня-розовых сумерек, и ещё от налёта чего-то свежего, необычного, что лишь усиливало вкус...

***

До ужина ещё оставалось время, и губернатор с интендантом показали пилотам весь островок.

– Две квадратные мили, джентльмены, – сообщил хозяин обоим лётчикам. – Всего две квадратные мили. Растительности почти никакой. Но зато здесь гнездятся чайки, сотни тысяч птиц – вот в том конце острова. И на южной стороне есть лежбище морских котиков. Когда ветер меняет направление, сюда доносится их рёв, и это, поверьте, создаёт умиротворяющее настроение...

– Что же здесь делают люди? – поинтересовался первый пилот.

– Военный объект, пусть и бывший, – коротко пояснил здешний начальник. – Многие живут тут с семьями... И потом рыбу ловим. И всякие морепродукты. Это – от нечего делать, потому что, строго говоря, припасов у нас выше крыши, раз в пару лет правительство с материка по старой памяти присылает нам по морю сотни тонн продовольствия и всего необходимого; грузовое судно также привозит почту и забирает больных, если таковые имеются. Но вообще здесь здоровый климат...

– А связь?

– Радио есть. Служебное. Интернета, как вы понимаете, нет. Телефоны не работают – слишком далеко от большой земли. Теоретически можно пользоваться спутниковой связью, но на практике мы прибегаем к ней лишь в исключительных случаях; очень дорого.

– И корабли сюда, что ли, не заходят?..

– Да кому мы здесь нужны... Остров стоит в стороне от морских путей. И, как вы сами заметите, жизнь здесь течёт неторопливо... Забот особых нет, развлечений, по сути, нет... По крайней мере, можно помедитировать, расслабиться...

Оба местных патрона смотрели с утёса вдаль, на темнеющий горизонт, и свежий океанский бриз развивал их начальственные космы. Пилоты также подошли к краю скалы, осторожно заглянули вниз, в пропасть, к подножию неприступных стен, созданных природою, и долго любовались фронтом воинственного прибора.

Над головами людей вились и кричали чайки...

– Ну ладно, хватит, – подытожил губернатор. – Нам пора возвращаться в «город». Мы там вам приготовили сегодня особое блюдо – мраморное мясо дельфина с тушёной морской капустой. Надеемся, понравится...

***

Ужин был плотным и, скажем так, несколько необычным. Кроме дельфина, подавали суп из морского червя, вареники с медузой и кукумарией и крабовые палки-ёлки; на десерт принесли весёлые оладушки из электрического ската, которые светились на тарелке и слегка потрескивали при прикосновении к ним.

О делах на «большой земле» и всяких новостях – о том, что может быть воспринято как новости, – заговорили ещё на природе, во время обхода владений. Местных интересовало всё: политика, экономика, новые шоу, гаджеты и спортивные достижения. Обсудили также проблемы замусоривания океана и опасного сближения астероидов с Землёю, не осталась в стороне и сегодняшняя ситуация с магнитной активностью светила.

Разговор продолжался за ужином и после. Когда все обоюдные волнующие темы уже были обговорены, губернатор, отхлебнув из бокала морского коктейля, озорно подмигнул и предложил заговорщическим тоном:

– О, джентльмены! А не перекинуться ли нам в картишки?..

Пилоты добродушно переглянулись.

– Право, может быть, не стоит... Уже так поздно, а завтра – в полёт...

Но на самом деле спать не хотелось никому: островитянам от излишнего возбуждения, а лётчикам – из-за смены часовых поясов.

– Вы сами смотрите, джентльмены, – сказал губернатор, – уговаривать не будем. Просто хотим сообщить о традиции. У нас здесь такая традиция: гости меряются силами с хозяевами за карточным столом; собственно говоря, это наше единственное развлечение уже много-много лет, и – поверьте! – мы ждём его всегда с нетерпением.

Первый пилот улыбнулся:

– Это может затянуться.

– Будем играть только до полуночи, пока не пробьют

часы. Не так уж и долго. Ну, и... конечно, ограничим ставки. Введём лимит – мы люди осторожные, – босс аборигенов чуть ли не с мольбой заглянул гостям в глаза. – Главное не выигрыш, главное – сам процесс, участие! Как же я люблю новых игроков...

– Вы во что хотите играть – в покер?..

– В покер родной... Самый замечательный вид карточно-го поединка. Настоящая игра для джентльменов! Можете вы- бирать его разновидность: тexasский холден, омаха, китайка... Мы играем в любую.

– Гм... Тогда лучше классика. – Первый пилот невольно обратился памятью к студенческим годам. – Когда-то я слыл лучшим игроком на факультете. С удовольствием вспомню молодость. Но, господа, об условиях мы договорились!..

Люди расположились в уютном холле просторного бре- венчатого дома, перед камином. В очаге потрескивали нату- ральные поленья, которые периодически подкладывал в огонь здешний молчаливый служитель – он же официант. На столе возвышалась бутылка хорошего коньяка из хозяйских запасов; правда, лётчики почти не пили, лишь пригубили из вежливо- сти, в отличие от губернатора, которому алкоголь потихоньку ударял в голову, судя по покрасневшемуся лицу.

Появился стол с зелёным сукном – его притащили из со- седней комнаты интендант с официантом. Расставили стулья. Принесли несколько нескрытых колод карт – на выбор.

– Играем кэш? – уточнил губернатор.

– А у вас тут какая валюта на острове?..

– Мы принимаем какую угодно. Разницы нет.

– Хорошо... – Первый пилот порылся в карманах. – У меня с собой дорожные чеки. В той стране, в которую мы ле- тим, они в ходу.

– Согласен. – Второй пилот также выложил на стол сим- патичную пачку чеков, отложенную для известных дел. – А я-то думал: пригодятся они или не пригодятся?..

Губернатор, довольный, вытащил из пиджака большой ключ от старинного несгораемого шкафа, стоявшего в даль- нем углу комнаты.

– Отлично, – сказал он. – Тогда предлагаю играть на фишки. Банкиром будет вот он, – и ткнул пальцем в официан- та-служителя. – Он, кстати, мой адъютант, и я ему полностью доверяю.

Адъютант без лишних слов отмерил нужное количество

извлечённых на свет божий фишек, и остаток сдал губернатору обратно; их вновь положили в сейф.

Губернатор разменял на фишки некоторое количество стареньких, замусоленных, но крупных по достоинству банкнот.

– Извините, – как бы оправдываясь, пробормотал он. – Касса у нас не такая уж и большая, и она редко пополняется...

***

Первый пилот радовался от души, наблюдая за игрой островитян. Ему лично играть нравилось. Что же касается хозяев, то те в чём-то проявляли себя как дети. Нет-нет, они понимали организационно-психологические особенности покера и пытались играть с внешним достоинством, не выдавая своих чувств; но в том-то и дело, что лишь пытались – намётанный взгляд их партнёров из крупного безжалостного мегаполиса без труда выхватывал такие детали, о которых аборигены, возможно, и не подозревали.

Какой-нибудь огонёк в глазах или облизывание пересохших от волнения губ, слишком неумный азарт или неумело скрываемое огорчение – всё это улавливалось лётчиками, которые на поверку оказались более опытными игроками. Губернатор и интендант вроде бы вели себя правильно во время игры, но при этом что-то наивно-детское, затаённое никак не отпусало их ни на минуту.

Оба пилота почувствовали это довольно быстро и просто обменивались взглядами друг с другом, понимая один другого так, как обычно и бывало за штурвалом во время самых сложных и непредсказуемых полётов.

Играли от души – и, кажется, это искренно нравилось всем.

– Пас! – коротко бросал второй пилот, сбрасывая карты и уступая тем самым дорогу командиру экипажа – он чувствовал, что карта лучше у того.

По существу игра складывалась так, что сражались пара на пару.

Первый пилот уравнил:

– Колл!

Интендант от волнения закурил. А губернатор плеснул себе ещё коньячку; лицо его стало красным от натуги и волнения.

– Давайте откроем... – И он чуть трясущимися руками вы-

ложил на стол пять фигур: двух королей, двух валетов и даму.

Первый молча открыл стрит и пододвинул выигрыш к себе:

– Извините, господа, так уж получилось...

Обоих лётчиков, к тому же, забавляли сами игральные карты, точнее, то, что на них было изображено: маленькие силуэты самолётиков соответственно чёрного и красного цветов, а фигурами, по возрастаню, служили авиационный техник, стюардесса и пилот в лётной фуражке. Джокером был крупный, эффектно поданный пассажирский авиалайнер; хозяйева с самого начала предложили было играть без джокеров, но гости при виде эдакой красоты решили их оставить.

На рубашках всех карт плавали облака.

Это было приятно и так знакомо...

– Почему у вас столь необычные карты? – поинтересовался ещё в самом начале один из лётчиков.

– Самолёты – для нас всё... Это наша жизнь. Даже не корабли. А то, что приносит нам радость по воздуху, – отвечал губернатор.

И вновь прикладывался к бутылочке...

***

В общем, играли по маленькому, фишки переходили из рук в руки, но с каждым новым кругом постепенно, мало-помалу удача всё же начала перетекать на сторону обоих пилотов. Сказывался, безусловно, их опыт или, правильней сказать, их «прожённость» и в некотором роде циничность, нахрапистость в игре, чего были лишены местные.

Губернатор же с интендантом вели себя, в конечном итоге, слишком по-простому, не говоря уже об алкоголе, отвоёвывавшем своё шаг за шагом. Не ощущая шаткости своего положения, хозяйева настойчиво делали новые ставки, то и дело обращаясь к банкиру с просьбой поменять на фишки всё новые и новые купюры.

Первый пилот хмыкал про себя.

Ему было немного совестно – и при том безумно интересно.

***

Часы пробили полночь. Игроки как раз закончили очередной круг и пересчитывали свои приобретения и потери. Первый пилот вопросительно поднял бровь:

– Ещё разок?..

Интендант запротестовал:

– Но мы оговаривали время до двенадцати ночи!..

Губернатор поднял руку:

– Джентльмены, в принципе игра идёт неплохо, и у нас есть все шансы отыгратья. Если мой коллега, – кивок в сторону интенданта, – не будет возражать, мы можем установить дополнительное время. Ненадолго. С учётом наступившей ночи.

Все дружно закивали – сна ни у кого не было ни в одном глазу.

– Но!.. – Губернатор сделал ударение на этом «но». – Но... Нам желательно пересмотреть прежние договорённости. Новая игра – новые правила. Например, предлагаю снять ограничения по ставкам. Будем играть безлимитно.

– Справедливо, – согласился первый пилот, похлопывая по столбикам фишек, высившимся перед ним. – Мы не против того, чтобы вы попробовали взять реванш.

– Игра есть игра, – философски заметил его товарищ по самолёту.

– В таком случае просим разменять на фишки всё, что остаётся от нашего островного общака...

– Да, конечно, а мы с коллегой со своей стороны готовы играть на деньги с наших кредитных карточек – хотя я надеюсь, что до этого дело не дойдёт. Я понимаю, что на острове от кредиток толку нет, но, если позволите, при необходимости можно выписать долговые расписки; сумма на карточках вполне их покроеет. Под честное слово, – и командир воздушного судна покровительственно улыбнулся.

– Идёт... – пробормотал губернатор, в который раз заглядывая в заметно опустевший несгораемый шкаф – так, на всякий случай.

Время пошло, и напряжение в этой ночной игре с каждым разом только возрастало...

***

– Рэйз! – сказал губернатор, и лоб его обильно покрылся испариной. От волнения.

– Позвольте, джентльмены, пояснить: наличные деньги у нас закончились, но это не значит, что мы не в состоянии продолжать игру. Правда, коллега? – губернатор искал под-

держки у интенданта, который рассудительно кивнул в ответ головою. – У нас на острове полно материальных запасов! Например, авиационное топливо и ГСМ. Это вас вполне может заинтересовать, а нам – как вы сами понимаете – расходувать его некуда...

– Вы готовы его поставить? – глаза командира экипажа едва заметно заблестели.

– Готовы!..

Губернатор в который раз заглянул в свои карты, и видно было, что он уверен в составленной комбинации. После последнего прикупа он особенно осмелел.

Интендант «болел» за своего шефа, поддерживая его эмоционально... Сам он в этом туре вышел из игры. Но не подал поля боя.

Первый пилот встретился взглядом со вторым. Тот как бы невзначай мигнул.

Он прекрасно знал, какие карты на руках у командира экипажа.

– Если позволите, я хотел бы уравнять ставку... Колл. Колл! – Лётчик выдержал паузу. – Кажется, мне придётся поставить на кон свою годовую зарплату... Вот и настал черёд долговых расписок. Вы их примете?

Губернатор, весь бледный, мокрый, кивнул.

В отличие от него, лётчики ни на минуту не теряли самообладания.

В глубине души первый пилот сильно надеялся на то, что губернатор сейчас откроет карты.

Но островитянин медлил...

– Разрешите, я посоветуюсь с партнёром, – сказал наконец здешний шеф. – Пойдём, поговорим. – И, положив карты рубашкой кверху, он взволнованно подхватил под руку своего напарника. Оба они отошли в сторонку и о чём-то зашептались. Видно было, как вздулись вены на губернаторской шее.

Периодически губернатор смахивал пот.

Первый пилот задумчиво уставился на пять оставленных неприятельских карт...

В камине всё ещё потрескивали дрова. В деревянном холле было тепло и уютно. За окном чернела южная беспросветная ночь. А адъютант-официант из местных, он же банкир, молча сидел за отдельным столиком, наблюдая за всем происходящим в комнате – и во взгляде его читалась тревога...

Через минуту начальник острова полез в сейф и достал оттуда пачку каких-то документов.

Вернулся.

Сел за стол.

Положил на зелёное сукно принесенные бумаги...

– Вот что, джентльмены, – сообщил он. – Мы тут перего-
ворили... Подумали... Пока я не готов открывать карты. Игра-
ем дальше. Я решил повесить ставку.

– Вот, с вашего позволения... – продолжил он. – Я явля-
юсь не просто губернатором острова. Я его законный владе-
лец. Вот бумаги, подтверждающие моё право собственности.
У нас с государством разумное распределение обязанностей:
законсервированный военный аэродром числится за военны-
ми, но вся земля, на которой он расположен, – моя... Короче,
я ставлю на кон этот остров, джентльмены. Я сказал. Можете
изучить документы.

В холле губернаторского дома наступила абсолютная,
гробовая тишина. Очень хорошо было слышно, как гудит огонь
и нагретый воздух в дымоходе.

Командир воздушного судна непроизвольно сглотнул
слюну...

– Позвольте и мне посоветоваться. – Он встал, застегнул
на все пуговицы лётную форму и строго взглянул на своего
второго пилота: – Отойдём.

Конечно, никто не мог слышать, о чём беседовали воз-
ле камина два серьёзных джентльмена с крылатого Боинга.
О том знал лишь губернаторский дом – старый, деревянный,
просторный, жарко натопленный, олицетворяющий собой всё
бытие, всю историю этого уголка земли, забытого богом.

А дом услышал следующее:

«Коллега, – шёпотом, – спасибо, что Вы позволили мне
вести в этом круге... Мы ведь сегодня вместе, заодно... Вы ви-
дели мои карты – у меня флеш-рояль . Такой расклад пришёл
мне впервые в жизни. Даже не верится, что такое бывает!..
Выигрыш – практически наверняка. Мы с Вами не можем, не
имеем права проиграть! Я предлагаю не пасовать, а принять
ставку... Поддержите меня...» – И далее неразборчиво.

Губернатор ждал и в нетерпении жевал кончик незажён-
ной сигары.

Лётчики вернулись к столу...

Первый пилот проверил сохранность своих карт – не тро-
гал ли их кто, на всякий случай, – и торжественно произнёс:

– Мы принимаем ставку. Колл. Против Вашего острова – наш самолёт. Боинг, на котором мы прилетели. Игра должна быть закончена, господа.

– Право же... – Губернатор побледнел и как-то осел в кресле. – Ставка-то хорошая, но... Самолёт же всё-таки не Ваш... Он принадлежит авиакомпании...

– Я понимаю Ваши сомнения. И готов пояснить: действительно, юридически воздушное судно имеет владельца; но в данный момент оно находится в моём полном распоряжении, и я могу сделать так, что оно фактически будет обслуживать Вас и Ваш остров – в случае если мы проиграем, конечно. Мы доставим пассажиров по месту назначения и вернёмся. Причём это останется незамеченным для служб слежения. Возможна инсценировка. Возможны некоторые другие способы, но в конечном итоге данный борт будет числиться пропавшим – с минимальным количеством жертв, скажем так, только с пилотами. Я понимаю, что это незаконно, но это вынужденный шаг – в сложившихся обстоятельствах. Зато Вы получите в своё пользование целый авиалайнер. Он будет базироваться на Вашем острове, а мы – оба пилота – просто перейдём к вам на службу. Жители острова быстро оценят все выгоды нашего договора, поверьте. И Вам придётся довериться нам... Но, повторяю, – лишь в том случае, если удача повернётся к нам задницей.

Губернатор слушал, выпучив глаза. Пот струился по его озадаченной физиономии.

– Я не очень хорошо понял, как Вы собираетесь скрыть угон... – начал он. – Но... Но... Короче... Будем считать, что Ваша ставка принята. Давайте, джентльмены, раскрываем карты.

Командир экипажа величаво выпрямился и движением победителя выложил на стол, картинками вверх, все пять карт пиковой масти: десятку, валета, даму, короля и туза. Затем спокойно взглянул в лицо сопернику, даже не считая нужным перевести взгляд на то, что открыл губернатор.

Между тем начальник острова осторожно, одну за одной выкладывал на зелёное сукно двойки разных мастей: трефовую, червовую, пиковую и бубновую... С изображёнными на них крошечными самолётиками... Затем помедлил несколько мгновений и – добавил к ним джокер. На карте широко раскинул крылья величественный, сияющий на нарисованном солнце пассажирский самолёт. Марки Боинг .

И поискал глазами глаза первого пилота...

Первый наконец соизволил рассмотреть расклад карт своего партнёра по игре.

Уставился на джокер...

На красиво выписанный, блестящий даже на рисунке ави-агигант.

Обмякнув, откинулся на спинку стула...

Рассеянно поднял глаза. Поймал взгляд губернатора. И на какую-то долю секунды вдруг увидел совершенно чужое лицо, как бы незнакомое – тот человек, в губернаторском об-личье, рассматривал лётчика холодно и отстранённо, с рас-чётливым интересом, и притом будучи совершенно трезв.

Первый пилот сидел, обессиленный, не в состоянии по-шевелиться...

– С Вашего позволения мы пойдём... – вымученно прого-ворил он, бессознательно ища понимания у своего коллеги по экипажу; тот стоял тихонько в стороне, как громом поражён-ный. – Поздно уже...

Попытался было встать.

– Куда Вы? – спокойным голосом спросил губернатор. – Обговоренное время ещё не вышло.

– Но нам больше не на что играть...

– Ну, почему же?.. У Вас есть ещё лётная форма. И – стю-ардессы...

Первый пилот лишь бездумно, как болванчик, тряхнул го-ловою...

***

...Пилоты проснулись поздно, незадолго до девяти. Че-реп раскалывался от головной боли, тело ломило, будто с похмелья. Первый растерянно осмотрел гостевую комнату, в которой пришлось заночевать, и, спотыкаясь, направился к шкафу, где висела вчерашняя, поношенная одежда губерна-тора.

Неуклюже попытался в неё влезть...

Заправил рубашку не по росту...

Одеваясь, заметил на тумбочке заветный ключ. Да, это был он, знакомый по ночным событиям ключ от губернатор-ского сейфа, со всеми его ценностями и бумагами.

С улицы, на расстоянии – даже сквозь толстое двойное стекло, – донёлся шум прогреваемых реактивных двигателей. Видно было, как огромная неповоротливая стальная птица,

ещё вчера принадлежавшая экипажу, тронулась с места и плавно покатилась в направлении взлётно-посадочной полосы.

Остановилась...

Замерла, как бы в ожидании...

– Что они делают?! – изумился командир воздушного судна. – Срочно! Бежим на поле!! Они же всё разобьют!!!

Оба лётчика выскочили из комнаты и, застёгиваясь на ходу, бросились бегом в сторону аэродрома.

Самолёт между тем пока стоял на месте и, видимо, начал принимать пассажиров, которые растянулись цепочкой чуть ли не от самого посёлка.

Пилоты, задыхаясь от быстрого бега, выскочили на лётное поле. Кроме них, там ещё, в стороне, толпилось множество людей: местные? не местные? Да, они все были в поношенных нарядах аборигенов, но – первый сразу узнал, почувствовал, что это не островитяне, а те, кто летел вчерашним рейсом; командир запомнил кое-кого в лицо.

Все пассажиры – получается, что уже бывшие пассажиры, не те новенькие, которые шли вместо них на посадку, – были грустны. Первый пилот возмущённо и расстроено бросил на ходу:

– Что случилось-то?!

– Они нас обыграли в карты... – протянул летевший прежде старик из эконом-класса. – Обобрали всех до нитки... И билеты на рейс, с местами, и багаж, и даже нашу одежду – всё забрали себе... Подчистую... Ночью... У каждого, кто был на борту... Эти местные... Ах, как же нам теперь быть?..

Пилот промчался мимо цепочки островитян, шедших целыми семьями по направлению к самолёту, – все в новеньких, современных костюмах и платьях, какие достались им по результатам игры, – и подбежал к трапу. У входа в самолёт стояла старшая стюардесса – из их команды.

– Командир... – смутилась она. – Я рада Вас видеть. Но нам нужно попроситься... Вы ведь понимаете, мы теперь остаёмся с новым экипажем... Вам не стоило делать ставки на бортпроводников...

– Позови его!!!

– Кого?

– Губернатора! Губернатора позови!!! – первый пилот перешёл на крик.

Старшая стюардесса грустно улыбнулась и, не став спорить, нырнула в глубину салона. Вскоре из дверей выглянул – и потом спустился по трапу человек, который вчера представлялся как губернатор.

В красивой лётной форме, полученной им ночью, он выглядел стройно, подтянуто, мужественно, свежо. К тому же он постригся и побрился и теперь больше походил на настоящего пилота, чем сам первый пилот.

– Хорошо, что Вы пришли, – приветствовал он лётчика. – Я должен Вам пожелать удачи и напомнить, что в несгораемом шкафу, ключ от которого я Вам оставил, Вы найдёте всё, что может в дальнейшем пригодиться: документы на владение островом, деньги, карты, фишки... Мы ничего не берём с собой.

– Боже мой... Но как же Вы полетите? Нужно уметь управлять этой машиной!..

– Не беспокойтесь. И я, и мой коллега-интендант имеем лётные лицензии, налетали в воздухе немало часов, так что поведём Боинг без проблем. Счастливо оставаться. – Он отдал честь и стремительно рванул вверх по трапу.

За ним в салон поднялись последние улетающие жители острова, и бортпроводница, махнув на прощание остающимся, заперла металлическую дверь.

Первый пилот обалдело смотрел, как белоснежный авиалайнер аккуратно двинулся по полосе, вырулил, развернулся всей своей громадой и, изрыгая потоки горячего воздуха из реактивных сопел, стал наизготовку.

Оба лётчика – и первый, и второй – от греха подальше отошли к дощатому строению аэродромных служб.

Боинг взревел, тронулся и быстро-быстро стал набирать скорость.

Оторвался – в общем, при недостаточно длинном разбеге, это надо было уметь так красиво провести взлёт; взмыл над скалистыми берегами островка, сделал в воздухе разворот, покачал на прощание крыльями и взял курс на север.

Обескураженные пилоты стояли и провожали самолёт глазами.

Народ – оставшиеся на земле пассажиры потихоньку подошли к новым начальникам и окружили их плотным кольцом.

– Что же нам теперь делать? – насупившись, задала вопрос молодая женщина с двумя детьми.

– Что-что... – Командир посмотрел на неё хмуро и, вместе с тем, решительно. – Учиться играть в карты. Времени, как я полагаю, у нас теперь будет достаточно, очередной борт прилетит, скорее всего, нескоро. Мы должны в совершенстве овладеть этим искусством. Чтобы в следующий раз победить – во что бы то ни стало.

Он оглянулся, задрал голову и долго-долго глядел на маленькую точку над горизонтом, постепенно исчезающую в синеве.

УСЛЫШАТЬ ПЕСНЮ

До

Я услышал песню. О, блин, мама-интернет! Это потрясно! Слов нету!.. Тонкая вещица – нет, тончайшая, ласковая и нежная. Проникшая в сердце. Запавшая в душу. Вызвавшая смятение...

Да-да.

Я как раз ехал в машине, точнее, стоял в пробке. По пути на работу. И думал о чём-то своём – наверное, как не опоздать. И тут она – бац! Я даже не сразу понял... А когда понял – то стал вслушиваться. Внимательно. С благоговением. Слушать – и пить. Мелодию. Аранжировку. Стихи. Голос – необыкновенный, небожительский, женский. Слушать – и наслаждаться.

Не знаю, что произошло со мной... Такое впечатление, что я ждал эту песню всю жизнь. Блин, мама-интернет, как же мне её не хватало! Да-да, я сразу задумался – о себе, о жизни, о мире, в котором живу. И понял – есть вещи, осознать которые можно лишь подойдя к черте, и чертой этой может стать что угодно. Ну, хотя бы песня.

Жаль только, что прозевал имя исполнителя и автора: кто поёт? кто играет? чья музыка? Отвлёкся в начале. А вдруг сейчас повторяют в эфире?!

Не повторили...

Да.

Я с трудом доехал до офиса. Прошёл за стол. Не обращая внимания на коллег. Включил комп. Мама-интернет! Столько работы! Столько работы!.. А мне – не до текучки. Мне бы ещё раз услышать её или, на худой конец, наиграть... Мотив вертится в голове... Но так просто не насвистишь, не даётся, да-да...

Ты окрылён. И, вместе с тем, озадачен. Рабочий день в разгаре – а ты, вместо того, чтобы заняться делами, лазишь по сети. Стремишься найти способ определить песню. Через поисковик. Через специальные программы-приложения. Ругаешься: блин, да что же это такое, какой в данном случае существует алгоритм?

Должен же быть, да-да!..

Коллеги смотрят на тебя с удивлением. Обычно ты не такой! Но тебе сегодня ни до кого нет дела. Ты – ищешь. Переживаешь. Горишь. Ты – велик и возвышен. Ты светел. Из-за единственной песни.

И – тебе не даёт покоя вопрос, где и как её найти.

А она крутится и крутится, крутится и крутится... Мама-интернет! Да...

Вызывают к начальнику. Молодой человек идёт – механически, не думая ни о чём другом, лишь пытаюсь припомнить такты, мечтая, чтобы они сами собой сложились в мелодию в голове.

Заходит в приёмную. Скользит глазами по девице-церберше.

И – в начальственную дверь.

Шеф говорит: садитесь... Послушно присаживается: да-да. А сам в песне.

Шеф радостен. Объявляет: проект строительства нового здания городской оперы, который наша компания подала на конкурс, победил! Поздравляю! Ведь это Ваш проект!

Молодой человек рассеянно кивает. Ах, блин, чуть-чуть не прозвучал в голове тот самый мотив! Как же он был близок! Как близок! Да...

Шеф беспокоится: Вы меня не слушаете?.. Я говорю – Ваш проект отобран среди ста лучших! Вы теперь будете заниматься только им! Мы даём Вам группу сотрудников-помощников, начнётся следующий этап разработки. Соответственно другая зарплата, личный кабинет. Компания гордится, что такой архитектор работает именно у нас...

Его собеседник погружён в себя. Отстранённо соглашается с шефом во всём.

Да-да...

Начальник сбив с толку.

Его подчинённый отвечает: м-м, я теперь ясно вижу недостатки собственного проекта... Может быть, его надо было сделать по-другому... Здание должно быть, как песня! Я, кажется, понял каким! Я сделал его не так!.. Да-да!

Шеф хмурится. Он недоволен. Бурчит: идите работайте. И подумайте о моих словах. Для нашей компании начинаются новые дни... Нельзя всё так бросать...

Молодой человек уходит, задумчивый, натывается на мебель.

Песня играет в нём.

Он слушает – и расцветает.

Теперь много знает нового. Да.

Фа

«Да!»

«Что «да»?»

«Я сказала: да! Я согласна!»

«Э-э... О чём ты?»

«Ты что, придурок?! Ты же сделал мне вчера предложение! И я обещала подумать!!!»

«Ах, да...»

«Ты меня уже задолбал своими капризами в фейсбуке».

«Извини».

«Так что? Я сказала: да».

«Ах, это...»

«Ты вообще нормальный? Ты радоваться должен! Сколько лет мы переписываемся в соцсети!»

«Да-да, конечно... Я просто занят сегодня».

«Пошёл к чёрту!»

«Извини... Действительно вылетело из головы. Столько дел».

«Короче, захочешь – позвони. А я у меня сейчас нет настроения с тобой общаться».

«Я позвоню... Я позвоню... А! Ты не знаешь какую-нибудь модную сейчас песню, которую все крутят по радио? Такую классную, что проникает в самое сердце?»

«Ты... Ты болен? Зачем тебе это? Ведь сам сказал, что у тебя полно дел».

«Просто спросил... Так ты знаешь про песню?»

«Пошёл к чёрту!»

«Ну да...»

Соль

– Ты что будешь?

– Кофе. И всё.

– Кофе?! Так ведь обед!

– Я не хочу есть, спасибо. Да-да.

– Ну, как знаешь... А я закажу себе салат, суп и стейк.

Стейк – пицца для настоящих мужчин. Коими мы с тобой и являемся.

– Я не голоден... Точнее, еда не лезет. Мама-интернет!

Столько проблем!

– Отвлекись. Пока принесут заказ, хочу с тобой поговорить. Помнишь, я тебе посоветовал вложить деньги в акции «Хрентон групп» и судоходной компании «Буль-буль компани Лтд»?

– Да-да...

– Так вот, ты сегодня финансовую сводку просматривал?

– А надо?

– Надо бы. Курс по этим позициям растёт какими-то невероятными темпами. Ты богат!

– М-да...

– Ты меня не понял? Вложение очень удачное! Сейчас, после обеда, вернёмся в офис и отследим внимательно дина-

мику курса. Я думаю, надо продавать – только дождись благоприятного момента. А вот и суп! И твой кофе...

– Да-да...

– Что ты всё заладил: да-да. Очнись, друг! Эй... Что с тобой? Ты меня вообще слышишь или как? Э, ты где?!. Да...

Ля

Я слышу песню.

Ту самую.

Обалдеть!

Вскакиваю, растерянный...

Оглядываюсь. Вслушиваюсь. Поют вживую. Это не запись.

Поёт явно какая-то девушка.

Где-то недалеко.

Ищу.

Вскакиваю из кафе. Ноль внимания на друга; он поражен, сбит с толку. Сейчас мне не до него...

Перебегаю через улицу – кафе-то на набережной, столики под открытым небом. Там, дальше, начинается море, пляж. Через парапет.

Светит солнце. Много отдыхающих. Но мне не до них.

Я мчусь...

К парапету. Точно – девушка, сидит прямо на нём, забралась с ногами. И поёт.

Самозабвенно поёт. Ни на кого не обращает внимания. Впрочем, и прохожие тоже не замечают её.

Я – заметил.

Я.

Да-да!

Блин, мама-интернет!..

Подхожу и слушаю.

Любуюсь.

Это тот самый голос.

Та самая исполнительница. Передо мной.

Та самая песня...

Да!

Си

Ты попросил:

– Спой ещё!

Она улыбнулась:

– Другую песню?

Ответил:

– Эту! Пока эту. А потом можно и другую... Да-да.

Она запела вновь.

А ты слушал.

И улетал... Да.

Девушка встала и подставила лицо солнцу.

Подняла руки – чтобы выразить в пении себя, – и пошла.

Прямо по парашюту.

Вдаль.

Ты тронулся за ней...

– Не возражаешь, если я рядом?..

Она рассмеялась:

– Город – свободная территория! Иди, куда хочешь!

И вновь пропела куплет.

– Что это за песня? – с восторгом спросил ты. – Кто её написал?

– Я, – ответила певица. – Это моя!

– А можно это будет и моя песня? – ты с надеждой задал вопрос.

– У нас свободная страна. Песня, которая нравится, принадлежит всем!

И она пошла дальше, напевая и радуясь жизни.

А ты следовал за нею как самый верный и самый надёжный ученик... Да-да!

До

Друг, проглотивший свой стейк, встаёт из-за столика и с сомнением смотрит на тех двоих, что не спеша удаляются по набережной.

Потом бросает взгляд на часы. Время! Конец перерыва! Нельзя опоздать в офис. И потом – ещё надо успеть просмо-

треть биржевые сводки... Может, и впрямь сейчас поскорее продать акции, пока курс на высоте?

Вот это удача! Вот это доход!

Друг, жмурясь на солнце, поглядывает в сторону молодого человека и девушки. Девчонка, что ли, поёт? Да, а молодой человек слушает. Идёт за ней... Ну, что тут скажешь? Одна надежда, что он быстро одумается...

В офис надо скорей...

Друг вздыхает и поспешает на соседнюю улицу.

Идёт, торопится и думает: а ведь сегодня хороший день. Да-да!..

СВОБОДА ВРЕМЕНИ

– Итак, гм, поздравляю Вас, Вы приняты на работу в нашу компанию. – Вице-президент по-отечески улыбнулся и искренне, благожелательно посмотрел на меня; привстав из-за стола, пожал руку. – Нам нужны, гм, специалисты Вашего уровня!.. Чуть позднее я Вас официально представлю директору по кадрам, и Вы пройдёте все формальности, связанные с оформлением на должность. А сейчас... Сейчас, гм, у меня к Вам остался ещё один вопрос, последний... Я понимаю, что он деликатного характера, но – и Вы поймите меня правильно, это связано с организацией деятельности офиса: по какому часовому поясу Вы, гм, живёте?..

– В наше время этот интерес кое-кому может показаться странным, – улыбнулся, в свою очередь, я. – Вы ведь знаете, что по Конституции я имею право на свободу времени и не обязан отвечать на вопросы подобного рода, это касается лишь моей совести.

– Да, конечно-конечно! – вице-президент, казалось, почувствовал себя немного неловко и примирительно замахал руками. – Можете не говорить! Можете не говорить!.. Это Ваше неотъемлемое право гражданина, гм...

– Но, – продолжил я, – разумеется, из уважения к Вам лично я отвечу – ведь нам предстоит теперь работать вместе и, возможно, не один год. Я выбрал для себя время острова Таити. Всю жизнь мечтаю побывать на Таити, это у меня идея-фикс и рано или поздно она сбудется... Ну, а пока... Пока живу, как таитяне, – и я спокойно взглянул в глаза вице-президенту.

– Гм... – Мой новый работодатель, судя по всему, был слегка озадачен; как-то неуверенно, даже нервно мотнул головой. – Такое предпочтение, честно сказать, мне раньше не встречалось... Ну да, я понимаю – Вы ведь креативщик. – Вице-президент помедлил. – А ведь... Ведь остров Таити расположен где-то неподалеку от линии перемены дат? В начале всех земных временных поясов или в конце?..

– В самом конце, таитяне одними из последних на планете встречают новый день и провожают его тогда, когда в других местах Земли уже вечер дня следующего, – разъяснил я. – Разница с временем по Гринвичу минус десять часов. А со здешним официальным часовым поясом – и того больше.

– Ах, вот как... Гм. – Представитель моей новой компании задумался на миг, и чувствовалось, что он хочет что-то сказать – но себя контролирует. Я уловил, каким-то шестым чувством, что он обескуражен.

Вице-президент прокашлялся. В глазах его промелькнула грустинка.

– Я думаю, это не всегда и не во всём будет гармонизировать со слаженной работой остального коллектива... – начал было он, но вовремя спохватился. – Да-да, конечно, мы постараемся подстроить организацию рабочего времени под Ваши временные потребности. Гм. И ещё... Ещё... Гм, Вы не будете против, если я занесу эту информацию в базу данных?

– Если это Вам нужно – нет проблем.

Руководитель открыл какую-то программу на компьютере. Выбрал интересующий раздел, вчитался, вбил сведения...

– Вот, – показал он, и я склонился. Для удобства вице-президент чуть развернул монитор ко мне. – Здесь данные на большинство из нескольких тысяч сотрудников нашей компании – кто какой часовой пояс выбрал для себя, для своей жизни и деятельности. Видно Вам?.. Мы стараемся учитывать эту информацию в работе, чтобы было возможно координировать рабочий день. Гм. Проблема в том, что не все сотрудники предоставляют такую информацию – как Вы понимаете, мы не вправе требовать от них обнародовать то, что они не хотят предавать огласке. Поэтому приходится негласно вычислять, кто какого времени придерживается, делать замеры по часам, сверки и т.п. Но, ясное дело, эта информация закрытая, и если выяснится, что мы отслеживаем того или иного сотрудника, то могут быть неприятности... Гм... С правами человека нынче не шутят...

– Я понимаю, я понимаю, – успокоил я вице-президента. – Можете на меня положиться. Я-то своё временное расписание Вам открыл, зачем его скрывать, если оно облегчит планирование работы всей компании в целом.

– Вот... – мой собеседник вздохнул. – Хорошо, что Вы так лояльны в этом вопросе. А вот часовой пояс некоторых сотрудников нам так и не удалось установить достоверно... Ну, не спрашивать же их об этом в лицо! Приходится самим для себя отмечать в базе условную цифру... В каких-то случаях совпадает, в каких-то – нет...

– Гм. Гляньте-ка, – и он открыл страницу статистики на мониторе. – Видите? Здесь представлены данные в разрезе всех часовых поясов мира – в сопоставлении со списочным составом наших сотрудников. Подавляющее большинство – 37% живёт по Гринвичу, как и наш Президент. 16% – среднеевропейское время, 15% – московское, 12% – часовой пояс Нью-Йорка и ещё 8% – Калифорнии... Вот, видите? По 2% выбрали для себя Токио и Шанхай, они приходят на службу соответственно к восьми утра – в смысле когда в этих городах восемь.

– Угу, угу... – я заинтересованно просматривал таблицу. – А Вы... Простите, если я спрошу... Это ведь Ваша фамилия? Непальское время? Правильно я понял? Часовой пояс Непала?..

– Да, – скромно ответил вице-президент и потупил глаза. – Я очень уважаю культуру и традиции непальского народа, и в Катманду живёт один известный гуру – мой духовный наставник. Он научил меня по-настоящему медитировать и контролировать свою внутреннюю энергию... Гм. Кстати, Вы знаете, что часы в Непале различаются с часами в Индии на 15 минут?..

– Нет, не знал, – честно признался я, и в этот миг просигналил вызов по внутренней связи.

Мой новый шеф ответил на звонок.

– Да, господин Президент, слушаю... – с серьёзным, сосредоточенным выражением лица говорил он. – Совещание? По поводу правительственного заказа?.. Да-да, конечно! У меня всё записано, и материалы на рассмотрение готовы... По моим часам, совещание начнётся через тридцать минут... Почему через семь часов? – это ведь будет уже конец дня! Ах, разница во времени с Гринвичем... Гм... Но если я останусь, то, во-первых, придётся отложить отъезд в командировку, ко-

торый давно намечен, и во-вторых, я буду вынужден задержать помощников и платить им сверхурочные... Да... Да... Я понял, господин Президент. Сделаю. Всё сделаю. Можете не сомневаться. Исключительно из уважения к Вам, господин Президент.

И он отключил связь.

Взглянул на меня – с каким-то, едва ощутимо, виноватым видом, как будто я подслушал то, что посторонним знать не полагалось, и выпрямился.

Соединился через переговорное устройство с секретаршей:

– Милочка, гм, моя поездка переносится на завтра или, теперь уже, на послезавтра, прошу Вас урегулировать вопрос с отлётом.

Ещё раз бросил на меня взгляд – как бы оправдываясь, и, чуть ли не про себя, пробурчал:

– Вот ведь как бывает сегодня... Гм.

Встал из-за стола.

Вышел ко мне.

Ещё раз приветливо улыбнулся.

И сказал:

– Ну, что же, не смею Вас больше задерживать... Пойдёмте, я Вас провожу немного, чтобы Вы не заплутали в наших коридорах; да и мне – в другой корпус.

Мы оказались за пределами начальственного кабинета. Вице-президент пожал мне на прощание руку и напомнил:

– Итак, жду Вас завтра к началу рабочего дня... Пожалуйста, гм, будьте пунктуальны.

– Непременно, – ответил я. И уточнил: – В восемь ноль-ноль по тайтянскому времени.

Мы вежливо раскланялись и разошлись. Вице-президент направился в одну сторону – по своим делам. Ну, а я – в другую, по своим.

РАССКАЗЫ

Опыт

Пик Хан-Тенгри вонзался в тёмно-синее небо своей марморной громадой. Снежные флаги над вершиной придавали ему грозный и торжественный вид.

Это был третий семитысячник для большинства альпинистов из нашей команды, но предыдущий высотный опыт разбивался о могучее величие Хана. Мы поднимались по снежному склону и время от времени непроизвольно оглядывались на тренера, будто ища моральной поддержки. Денисов шёл последним, высота давалась ему очень трудно, но его присутствие вселяло в команду надежду на благополучный исход восхождения. Оно сглаживало психологическое давление, производимое семитысячным гигантом.

Ближе к вечеру, когда силы были на исходе, мы остановились на ночёвку. В снежном склоне вырубили горизонтальные площадки, установили палатки и начали готовить чай.

Тренер шёл очень медленно, каждый шаг давался ему с большим трудом, сказывались годы и травмы, полученные на прежних восхождениях. Подойдя к нам, он снял рюкзак и начал осматривать ледопад на пике Чапаева. Немного отдышавшись, он хриплым голосом произнёс: «Здесь ночевать нельзя».

С легким ропотом мы потушили примусы, свернули палатки, упаковали рюкзаки и нехотя пошли наверх.

Приближалась ночь, погода испортилась. Сильный ветер взбивал снежную позёмку, дышать становилось всё труднее, каждый шаг давался с трудом.

Наконец мы остановились в подходящем для лагеря месте, сняли рюкзаки, вырубали площадки, но палатки ставить не стали, ожидая подхода тренера. Он поднялся, долго не мог говорить, тяжело дыша и с тревогой осматривая склоны пиков Чапаева и Хана, потом с надрывом крикнул: «Здесь ночевать тоже нельзя!»

Уставшие и злые, не скрывая своего недовольства, мы вынуждены были идти дальше.

Наступила ночь. Мы были на пределе. Остановились, сбросили рюкзаки и стали ждать Денисова.

Третью стоянку он опять забраковал. Посоветовавшись, мы выслали наверх двух альпинистов для поиска более безопасной площадки. Через час они вернулись, измождённые, все залепленные снегом.

Вверху начинались ледовые стены, и места для стоянки не было.

Выбора у нас не оставалось. Мы стали готовиться к ночёвке. Места, чтобы поставить все палатки, не хватало, пришлось расширить ледяной грот. Мы сделали какое-то подобие снежной пещеры и, вконец измученные, забрались в спальные мешки.

На высотных восхождениях подъёмы обычно поздние. Нужно получше отдохнуть перед дневными нагрузками, да и торопиться особо некуда. На большой высоте пять-шесть часов работы сильно выматывают организм.

Но в этот раз тренер разбудил нас в шесть часов. Не выспавшиеся, недовольные, мы вылезли из пещеры и из палаток. Не особо радовала сверкающая белизна окружающих вершин. Не так восхищала величественная панорама пика Победы. Мы с неохотой начали разводить примусы. Тренер спешил покинуть опасное, с его точки зрения, место.

И вдруг со страшным грохотом оборвалась огромная глыба льда с пика Чапаева.

Мы находились на небольшой возвышенности прямо под ледопадом.

Огромная масса льда неслась в нашу сторону.

Все начали кричать, бегать по ограниченному пространству, но изменить что-либо было невозможно. Лавина ударила в нашу возвышенность, волной сорвало палатки и посбивало нас с ног.

Нам необыкновенно повезло.

Ударившись о возвышенность, лавина свернула вправо... Утро было ясное и солнечное. Вся тропа, которую мы протоптали на снежном склоне, просматривалась до самого ледника.

Когда облака снежной пыли развеялись, перед нами открылась жуткая картина: последний лагерь, который мы готовили для ночёвки, был полностью сметён лавиной, а на первой площадке, где мы устанавливали палатки, лежала глыба льда величиной с дом.

Не сговариваясь, все тридцать человек нашей команды молча подошли к Денисову и встали на колени. Он скромно сидел на рюкзаке, рукой держался за подбородок и внимательно разглядывал предстоящий путь подъёма...

Через два дня на месте нашей ночёвки лавина навечно похоронила Виталия Куропаткина, альпиниста из команды «Скифов».

Улыбка Джоконды

Памирские вершины своей суровой красотой привлекают альпинистов со всего мира. Самая желанная из них – пик Коммунизма, 7495 метров над уровнем моря – высшая точка Памира. Началась эта история, о которой я хочу рассказать, на четвертые сутки после того, как наши ребята из киргизской сборной ушли на штурм этой величественной пирамиды. Связь пропала через два дня, вероятно, испортилась рация, часто наши старые “виталки” давали сбой.

Вроде бы поводов для беспокойства не было, конец августа на Памире славится отличной погодой, а в команде были мастера высшей пробы – Королев Валера, человек, сотканый из юмора и стали, Дармин Женя – скалолаз от Бога, Терентьев Андрюха – медлительный, но надежный ворчун. Такие ребята могли работать в самой суровой обстановке. Но горы бывают коварно непредсказуемы. В отсутствие информации о восходителях в базовом лагере поселилась тревога. Не радовали потрясающие виды белоснежных гигантов. В августовской сини неба, в обычное время вызывавшей в душе прилив умиротворенности и тихой грусти, сейчас чудилась какая-то скрытая угроза. Вечером четвертого дня никто не спешил забраться в спальные мешки. Допоздна засиделись в базовой

палатке, пили чай, вели разговоры ни о чем. Рассказчик часто прерывался на полуслове и надолго задумывался. Когда сам находишься на маршруте, тревоге и страхам нет места. Выполняешь серьезную работу, пройденные отвесные участки скал и ледопадов вызывают прилив счастья, непонятного живущим на равнине. Но когда ты сидишь в базовом лагере, а ребята работают на горе, страхи удесятятся.

Ближе к полуночи за палаткой раздались тяжелые шаги. Все насторожились и даже встали. В палатку ввалились два иностранца. Вид у них был предельно изможденный. Они тяжело дышали и не могли произнести ни слова. Молодой иностранец без сил упал на лавку и жестами начал просить воды. Прошло несколько минут, прежде чем они немного пришли в себя, и тот, что постарше, начал что-то эмоционально объяснять на немецком языке. Он жестикулировал, много говорил, но наше школьное знание немецкого оставляло желать лучшего. Пришлось идти в лагерь москвичей. Они, столичные ребята, не в пример нам, отличались образованностью и эрудицией. В первой же палатке нашелся переводчик. Немного поворчав, он вылез из спальника и начал надевать ботинки. Когда мы вернулись в палатку, молодой немец крепко спал, положив голову на стол. Второй сидел на ящике, слегка покачиваясь, борясь с собой, чтобы не упасть. Он оказался отцом семейства. С сыном, дочерью и ее женихом они совершали туристический поход на памирское плато. Подъем происходил по ребру Бородинки. Уже перед самым выходом на плато (около 6000 метров над уровнем моря) дочь сорвалась со снежно-ледового склона, пролетела метров триста и сильно травмировалась. У нее были сломаны нога, ключица и повреждены внутренние органы. Ей трудно было дышать, глубокие вдохи вызывали острую боль и даже потерю сознания. Своими силами немцы смогли спустить ее до высоты 5 300 метров. Там начались скалы, для спуска по которым у них не было ни сил, ни снаряжения, ни опыта. Пришедшие просили о помощи.

Мы принесли спальники, поролоновые коврики, уложили немцев спать, а сами начали готовить спасательный отряд. Москвичи, украинцы, красноярцы, киргизы – каждая команда выделила в отряд по несколько человек. Мы собрали снаряжение, аптеку, продукты, транспортировочную акью-сани, и в четыре часа утра начались спасательные работы. К пострадавшей мы подошли к обеду. После профессионального осмотра врач вынес суровый приговор: сломанные ребра по-

вре-дили легкие, начался отек, на этой высоте жить девушке осталось несколько часов. Безопасный спуск по скалам занял бы не менее 12 часов, еще три часа – до вертолетной площадки, «вертушка» могла прилететь только утром. Шансы спасти пострадавшую нулевые. Был еще один вариант: между скальным ребром и ледопадом шел узкий снежно-ледовый кулуар. Но днем и до середины ночи, пока мороз не скует ледяные глыбы, он постоянно простреливался лавинами и обвалами с ледопада памирского плато. Когда ситуацию объяснили отцу, он сел на снег и обхватил руками голову, потом посмотрел на нас и сказал: «Решение должна принимать Гертруда, ей исполнилось восемнадцать лет». Герта спокойно выслушала вердикт, не изменившись в лице и не заплакав, что поразило даже видавших виды ветеранов альпинизма. Она тихо произнесла: «Кулуар».

Начали готовить план спуска. Решили, что группы по два человека расседоточатся по скалам вдоль кулуара и готовят места страховки. От одного места до другого были натянуты веревки-перила, вдоль которых должна была двигаться акья. После прибытия акьи с пострадавшей на место страховки ее должны быстро перестегнуть с одних перил на другие и отправить на очередной пост. Все зависело от скорости спуска: чем быстрее все будет происходить, тем больше шансов на спасение девушки. В сопровождающие акьи решили назначить жениха Герты. Он был самым отдохнувшим из команды, и это было логично с нашей точки зрения.

Но после того, как доктор перевел ему наши планы, он, отчаянно жестикулируя, почти с визгом начал кричать, что они с Гертой не зарегистрированы официально, что он «не обязан умирать из-за этой дыры» и что мы не имеем права его заставлять. Пусть отец с братом спускают девушку. Доктор, не сдержавшись, плюнул в лицо этому «жениху», выругался по матери (в первый раз за всю экспедицию мы услышали мат от этого интеллигентного человека) и отошел в сторону. Было видно, что он борется с собой, чтобы не врезать в челюсть этому мерзавцу. Отцу с братом, поднявшимся вместе с нами к пострадавшей, самим требовалась помощь. От перенапряжения они еле стояли на ногах, было серьезное опасение за их здоровье. Доктор осмотрел оставшуюся команду, он был начальником спасательного отряда, подошел ко мне и сказал: «Юра, ты пойдешь, как самый легкий».

Мы больше часа ждали, пока ребята подготовят места

страховки. Все это время я сидел рядом с Гертой и разглядывал ее лицо. Оно было нетипичным для немки. Смуглая кожа, пухлые щеки, карие глаза. Герта была, по моему мнению, красавицей. Несмотря на терзавшую девушку боль, на ее лице не было следов страдания, в глазах, казалось, светилась тайная ирония, а в уголках губ пряталась легкая улыбка. Она напомнила мне Джоконду. Такой же волнующий взгляд и загадочная улыбка, только пейзаж вокруг был иным: справа нависали огромные ледяные глыбы, влево уходил снежно-ледовый гребень к пику Москва. Он упирался в семитысячник, красавицу-вершину Евгения Корженевская.

Но мы с Гертой не отвлекались на обозрение этих прелестей. Я смотрел ей в глаза и пытался прочитать ее мысли. Мне была непонятна улыбка Моны Лизы на лице умирающей девушки. Об опасности спуска по кулуару не думалось – очень надежные ребята взяли за дело, да и ситуации в жизни мне встречались много серьезнее.

Перед началом спуска Герта неожиданно попросила, чтобы я ее поцеловал. Улыбнувшись, я выполнил ее просьбу. Началась работа. Все было отлажено, как в швейцарских часах. Акья летела по почти вертикальному склону, взбивая снег. Снежная пыль залепляла лицо, дышать было трудно, на перестежках я едва успевал очистить от снега лицо Герты и протереть свои защитные очки, и снова устремлялся вниз. Чтобы снять нервно-возбужденное состояние, я орал какие-то песни и, задыхаясь, бежал за акьей. Внизу показался конус выноса старой лавины, за ним была черта безопасности. И вдруг над серединой кулуара оборвалась ледовая глыба. По пути она сорвала со склона лавину, и эта снежно-ледовая масса с грохотом понеслась за нами – своими будущими жертвами. Мы ничего не могли предпринять. Я был привязан к акье, акья пристегнута к страховочной веревке. Возможности маневра у нас не было. Скорость лавины намного превышала нашу. Я уже спиной почувствовал ударную волну, когда впереди нас два парня спрыгнули со скал в снег, схватили акью и потащили ее к скалам. В этот же момент меня сбило волной снега. Я упал на Гертруду, нас засыпало и куда-то потащило в снежном месиве. Я утратил чувство времени, секунды казались вечностью. Вдруг наступила тишина. Я лежал на Герте, придавленный слоем снега. Двигаться я не мог, но дышалось легко. Моя голова попала на ее спальник, в нем оказалось достаточно воздуха. Если бы не это обстоятельство, мои легкие были

бы забиты снежной пылью и я бы неминуемо погиб. Страх не было. Я знал, что нас быстро откопают. Так оно и произошло. Герта, к счастью, тоже не пострадала. Я упал своей пуховкой ей на лицо – это спасло ее от удушья. Парни, рискуя жизнью, успели утащить нас от центра лавины, где летели ледяные глыбы. Нас зацепил только снежный, менее опасный край лавины. Один из них отделался легкими ушибами, второго сильно ударило о скалы. Но он быстро пришел в себя. Доктор вправил ему вывихи, и парень без посторонней помощи спустился в базовый лагерь. Все закончилось благополучно. Гертруде смерть уже не угрожала. Сброс высоты позволил ей легко дышать, к тому же за девушкой из Душанбе уже вылетел вертолет. Мы ждали его на поляне возле озера.

После пережитых событий жизнь для меня заиграла новыми красками. Небо казалось намного синее, чем прежде, снежные склоны гор засверкали еще ярче, скудные высокогорные цветочки вокруг озера умиляли меня своей нежной прелестью. Пришла информация от наших ребят с пика Коммунизма. Сообщение о том, что у них все в порядке, кроме рации, передали вышедшие на связь с нами красноярцы. Они, спускаясь с вершины, встретили нашу штурмовую группу.

Я опять сидел рядом с Гертой и вглядывался в ее лицо. Оно было все такое же спокойное, только улыбка стала более выразительной. Вдруг она глазами попросила позвать переводчика. После первых же слов девушки я прервал Гертруду, сказав, что за ее спасение не нужно благодарить, ведь это долг каждого альпиниста и просто человека. Гертруда покачала головой и сказала: «Меня не смутил поступок жениха, у нас это обычное явление. Меня потрясло то, что сделали вы, те, кого мы считали дикими советскими «медведями». Я благодарю вас за то, что вы показали, каким должен быть человек».

Человеческий фактор

Баня – вещь необыкновенно привлекательная, а для альпиниста-высотника она представляет собой что-то сакральное. Многодневные изнуряющие восхождения, мороз, недостаток кислорода, ветра, разрывающие легкие, выматывают не только тело, но и душу. Часто человек доходит до грани физического и психического срыва. В этих условиях банька превращается и в психотерапевта, и в лучшего на свете

лекаря. Поэтому в каждой экспедиции народ пытается из подручных средств соорудить это чудо человеческой мысли.

Каких только бань не приходилось встречать в горах! Это и разнообразны палатки с нагретыми на примусах камнями, и, если доступен вертолет, то более крепкие сооружения из фанеры. Доводилось париться в снежной пещере, обложенной перкалевыми палатками.

Банька, о которой пойдет речь, врезалась в мою память своей оригинальностью и произведенным эффектом.

Мы совершали восхождение на один из Памирских семитысячников. Были уже завершены все акклиматизационные выходы, сделаны заброски продуктов в высотные лагеря. Остался генеральный штурм вершины.

Перед решающим восхождением мы спустились для отдыха в Алайскую долину.

После двух недель пребывания в снегах травка на «поляне эдельвейсов» казалась райскими кущами. Но для полного счастья душа настойчиво требовала банного тепла.

Недалеко от нашей стоянки находился международный альпинистский лагерь. По всем логическим размышлениям, там просто обязана была быть баня. После недолгих расспросов мы выяснили, что банька в альплагере действительно есть. Она представляла собой армейскую «вшигонялку», приспособленную умельцами для более благородного дела. На двух камнях установили бочку для горячей воды. Помывочное отделение отгораживала полиэтиленовая ширма. Предбанником являлась вся Алайская долина с великолепным видом на семитысячную громаду пика Ленина. Но сердцем этого чуда был дизельный парогенератор.

Наши первые восторги и предвкушения начали таять, когда мы стали искать хозяина этого дивного сооружения.

Банщик Петрович и, по совместительству, прислуга за все, оказался фантомом. Все его только что видели, но его нигде не было. Мы бегали по всему лагерю, заглядывали в каждую палатку, были в столовой, на складах. Везде он только что был и отовсюду он только что исчез. Кто-то из персонала лагеря посоветовал нам сидеть на месте, и он обязательно на нас выйдет. Так и произошло...

Петрович, как и большинство Петровичей, оказался невысоким мужичком средних лет в стадии легкого подпития. Его переполняло чувство собственной значимости. После нашего

радостного приветствия и посвящения в суть вопроса он нас резко осадил: «Нет горючки».

Мы начали робко объяснять, что две недели обмораживались, потели, напрягались изо всех сил, а возле аппарата стоит много бочек. Может, наскребем соляры на процедуру? Петрович почесал небритый подбородок и с каким-то душевным надрывом произнес: «Для аппарата горючки навалом, для оператора нет. Утром закончилась».

Мы с замиранием поинтересовались, чем можно запросить оператора. Петрович оживился, глаза заблестели. Четким отрывистым голосом он произнес: «Рекомендована водка, но можно заменить любым спиртосодержащим раствором в эквиваленте».

На наш вопрос: сколько потребуется горючего, чтобы вернуть к жизни двадцать пять киргизских альпинистов, он лаконично ответил: «Литр».

Мы схватились за сердце. На высоте 3 700 метров, в конце экспедиции, когда из аптечек выпиты все спиртовые растворы, а шприцы в контейнерах затосковали без дезинфицирующей влаги, литр водки являлся целым состоянием. Наши унылые рассуждения об этом Петровича не разжалобили. Он резонно произнес: «Работа ответственная. Люди не вши. Тут всякое может случиться».

Мы интересуемся: «Что же тут может произойти?»

Советская военная техника самая надежная в мире, работает без сбоев и под водой, и в космосе. Петрович немного подумал и сказал: «А человеческий фактор?»

После затяжных переговоров мы сошлись на пятистах граммах водки и выделении оператору помощника, в обязанности которого входила вся неквалифицированная работа по обслуживанию банного агрегата.

Радостные, мы побежали в лагерь собирать контингент и искать горючее.

С первым делом мы справились быстро. Через пять минут весь народ собрался в радостном ожидании.

Второе было намного сложнее. НЗ водки оставался только у завхоза. Но по сравнению с нашим завхозом Плюшкин и Гобсек были просто младенцами. За банку тушенки приходилось унижаться по полчаса, а уж о водке никто бы не решился даже заикнуться. Но такое неординарное мероприятие, как баня, растопило каменное сердце нашего сурового завхоза.

И вот с оживленным народом и драгоценным продуктом мы предстали перед Петровичем.

Он трепетно взял бутылку «Русской» фрунзенского розлива, что особенно увеличивало ее ценность, и процесс пошел.

В качестве помощника, как самого молодого, выделили меня. После краткого инструктажа Петрович завел генератор, передал бразды правления в мои руки, а сам пошел заправлять драгоценным топливом. После первого приема живительного нектара он расположился на куске поролона и, довольный жизнью, стал наблюдать за нашими действиями.

Процесс был нехитрый: в зависимости от массы, по одному или по двое, жаждущие нирваны впахивались в термос, после чего дверь снаружи затягивалась винтами – и открывался кран подачи пара. Температура регулировалась постукиванием.

Для этого внутри парной находилась специальная колодушка из арчи.

Медленное постукивание означало просьбу добавить парку. При частых ударах требовалось закрутить кран. Три сильных удара – просьба открыть дверь.

Десять-пятнадцать минут пребывания в этом своеобразном крематории дарили людям столько счастья, что было невозможно без зависти смотреть в глаза прошедшим процедуру.

Все шло своим чередом. Народ потихоньку возвращался к жизни. Петрович блаженствовал на поролоне. Я впускал и выпускал очередников, а солнышко клонилось к закату, перекрашивая величественный семитысячник из ослепительного белого в розовый, красный, а потом и багряный цвет.

Постепенно все перепарились, перемылись и, разомлевшие, отправились в свой лагерь.

Пришла моя очередь получить порцию блаженства. К этому времени наступили глубокие сумерки. Петрович уже употребил всю фрунзенскую амброзию. Речь его была еще осмысленной, но давалась с некоторыми затруднениями.

Я поднял его с царственного ложа и медленно повел к аппарату.

В дороге он клялся мне в любви и уважении и обещал попарить меня так, что я запомню его на всю жизнь.

Последние слова Петровича оказались пророческими.

Не только я, но и мои дети и внуки будут помнить этого многозначительного человека.

Когда мое утомленное тело проникло в парную, сердце как-то тревожно екнуло. Но я это отнес на приступ клаустрофобии. Уютно расположившись на лавочке, я расслабился и закрыл глаза, они все равно были бесполезны в кромешной тьме.

Петрович завинтил дверь, добавил на дизель газу и моя душегубка начала наполняться желанным паром.

Какое-то время я несказанно наслаждался жизнью. Мне казалось, что достигнута вершина человеческого развития, так как смысл жизни уже обретен. Но эти ощущения длились недолго. Очень быстро стало припекать.

Я очнулся от грез, нащупал колотушку и начал подавать условные сигналы. Все мои усилия оказались напрасны. Ожидаемой реакции не последовало. Жар становился нестерпимым, меня охватила паника. Я метался по алюминиевой камере, обжигаясь о стены, орал, бился в истерике. Попытался выбить дверь, но все было бесполезно. Советская техника без всякого урона выдержала все мои натиски. Ко мне пришли ужас и отчаяние.

Такой смерти в горной экспедиции не смог придумать даже самый изощренный мозг.

Каким-то чрезмерным усилием воли я смог взять себя в руки. Немножко успокоился и начал размышлять. Петрович, скорее всего, отключился, на его помощь рассчитывать не стоит.

Товарищи меня искать не будут, я жил в отдельной палатке и уже успел со всеми попрощаться перед сном.

Оставалась надежда на праздно шатающегося иностранца. Но это была очень слабая надежда. После недолгих размышлений я сконцентрировался и начал искать путь к спасению.

После ужаса маячившей вблизи смерти уже не так остро ощущался нарастающий жар. Я тщательно ощупал дверь, и в нижней части обнаружил небольшую щель. Видимо для притока воздуха была вырезана часть резиновой прокладки, обеспечивающей герметичность камеры. Из этой щели поступала слабая струя морозного памирского воздуха.

Это вселило в меня надежду и до конца развеяло панику. Я нащупал обретенную в панике колотушку и острым концом начал расширять отверстие в прокладке. Резина была пересу-

шенная. Под напором арчи и бесконечного желания жить она быстро крошилась и увеличивала мои шансы на спасение. Довольно быстро раскрошилась вся прокладка. Холодный воздух уже дул ощутимо. Через образовавшуюся щель даже начал проникать лунный свет.

И вдруг наступила тишина.

После многочасового дизельного грохота наступившая тишина сработала катализатором. Я понял, что в дизеле кончилась солярка, а это уже окончательное спасение. Пришла эйфория. Спасен! Буду жить!

Буду совершать восхождения! Буду целовать девчат! Эйфорию сменила нервная вакханалия. Я уселся на лавочку и во все горло начал орать песни. В них было все. Высоцкого сменял Окуджава со своими отгремевшими пушками, был Визбор и патриотические песни про БАМ. Звучание песен было не очень музыкальным, но зато надрывистым и громким.

Через какое-то время меня отпустило. Посидев немного в тишине, я обнаружил, что начинаю дрожать. Попробовал себя успокоить, думая, что это нервная дрожь. Но все оказалось прозаичнее. На улице дул холодный ветер с пика Ленина, термос быстро остывал. В щель вокруг двери со свистом врвался морозный воздух. Вскоре я трясся всеми молекулами своего организма.

Безуспешно попытавшись докричаться Петровича, я начал усиленно согреваться растиранием и физическими упражнениями, которые позволяло делать ограниченное пространство.

Как раньше меня радовала податливость старой резины, так теперь она вызывала ненависть за то, что так быстро рассыпалась. Щель невозможно было заткнуть. Из нее неустанно дул охлажденный ледниками воздух.

Так мое чрезмерное нагревание сменилось постепенным замораживанием. Одно успокаивало: до смерти замерзнуть не успею. Хоть и в горах, но все же середина августа.

Все когда-то кончается. Морозный воздух выветрил горючее из оператора. Петрович очнулся и вспомнил про меня.

После освобождения я долго объяснял охрипшим голосом Петровичу все, что о нем думаю. Он молча слушал и грустно смотрел на опустевшую бутылку.

Когда мои тирады иссякли, он посмотрел мне в глаза и поучительно-философски произнес: «Я же вас предупреждал. Человеческий фактор!»

Алла ПЯТИБРАТОВА

РАССКАЗЫ

МОДИФИКАЦИЯ ЛЬДА

Не поднимая головы, она быстро шла по тротуару, обшаривая глазами пространство вокруг себя. В кармане лежали два полуржавых гвоздя и синяя пуговица. Это всё, что сегодня нашлось на земле. Богатая добыча, усмехнулась она, и тут увидела монетку. Неопределённо хмыкнув, сунула её в карман.

Дома она разложила находки на кухонном столе, налила в кружку воды из чайника, присела и надолго застыла, вцепившись взглядом в пуговицу. Глаза её затуманились, на клеёнку капнула слеза. Стоп, одёрнула она себя, это потом, сейчас нужно что-нибудь приготовить.

Она смахнула находки в ладонь, немного постояла и, вздохнув, бросила гвозди и пуговицу в мусорное ведро, а монетку оставила на столе, подумав, что проку от неё столько же, сколько от ржавого гвоздя.

Что-нибудь приготовить. Эта необходимость каждый день неотвратимо вставала перед ней, как высокая волна, от которой не увернуться. Сегодня и размышлять-то было незачем: кроме пачки макарон и кочана капусты, в доме ничего не осталось.

– И как соединить эти продукты? – спросила она себя вслух. – Да очень просто. Макароны отварить, что же ещё? Будем без масла есть, пора бы уже привыкнуть. А капустуestroгаю на салат, без вариантов...

Она уже заканчивала резать капусту, когда раздался резкий звонок в дверь.

– О, Господи! – испуганно вскрикнула она и стала облизывать порезанный палец. – Надо снять его к чёрту!

Снять электрический звонок, пугающий её своим громким звоном, она собиралась уже не первый год, но всё откладывала. Ужасно не хотелось заниматься этим самой, электричества она побаивалась.

– Кто тут трезвонит, как сумасшедший? – ворчала она, открывая дверь.

– Сашка! Что вытаращила глаза? Это я, Дед Мороз!

В коридор шумно ввалилась её подруга со школьных лет Анна и сразу полезла обниматься, радостно повизгивая.

– Где ж ты, зараза, пропадала столько месяцев? Мы тут без тебя совсем закисло! Привет, привет! – Саша с удовольствием чмокала Анну в щёки. – Давай, давай, заходи скорей, рассказывай, где тебя носило. И ведь не позвонила ни разу, подруга называется!

– Даже оправдываться не буду, Сашуля. Просто прости, и всё, – сказала Анна, тяжело дыша и вытирая ладонью пот на круглом лице. – Где носило, расскажу, не поверишь! Столько всего... Ладно, сразу двигаем на кухню. Пить хочу ужасно. Ставь чайник!

– Поставлю. Только знаешь... – Саша замялась.

Анна внимательно посмотрела на неё и нахмурилась.

– Всё знаю, Сашенька. Ставь, не сомневайся!

Гостья, кряхтя, притащила из коридора объёмистую полосатую сумку и с ходу начала выгружать из неё баночки, кулёчки, коробочки. И, наконец, торжественно поставила на завалянный стол большую банку кофе и довольно рассмеялась, взглянув на онемевшую Сашу.

– Обалдеть! – Саша осторожно, словно боясь разбить, взяла банку кофе и стала её вертеть и обнюхивать. – Откуда дровишки, богатенький Буратино?

Анна снова засмеялась, звонко хлопнула в ладоши и с удовольствием потёрла их.

– Давай праздновать, радость моя!

Но Саша её не слышала. Она брала то одну банку, то другую, подносила к близоруким глазам, читала надписи вслух, повторяя и будто смакуя их. Названия были родными. Особый восторг вызвала килька в томате. У Саши неожиданно потекли слёзы.

– Саш, да ты чего!?

– Боже мой, Анька! Могла ли я подумать, что счастье может свалиться на голову в виде банки с килькой в томате?

– Ты еще про кофе забыла, – хихикнула Анна, но осеклась.

Саша уже не плакала, а рыдала взахлёб. Анна растерянно бормотала:

– Сашка, да что же это такое... Ладно, ладно, поплачь, конечно... Это просто истерика, просто истерика... Чёрт! Ну и жизнь! – и, схватив какую-то банку, она шархнула её об стенку. Саша тут же замолчала. – Всё? Вот и отличненько! Ставь чайник, десятый раз тебя прошу!

Саша подчинилась. Чего пока было в избытке, так это газа. Кто его знает, что будет завтра, а сегодня ещё можно было без проблем вскипятить чайник. Ну, хотя бы это, горько усмехнулась она. Есть газ, есть килька в томате, есть даже кофе. Что ещё нужно для счастья? Неужели для счастья нужно так мало? Или это уже много? Хотела спросить у Анны, но решила отложить. Сначала нужно поговорить о чём-нибудь хорошем.

– Расскажи что-нибудь хорошее, – попросила она.

– Хорошее? Да запросто! Эх, жаль, выпить нечего! Без выпивки про хорошее, боюсь, не вспомню, – Анна засмеялась.

– Ну, почему же нет? Есть. Водка, целых две бутылки!

Анна округлила глаза и подняла брови, показывая высокую степень изумления, потом в радостном порыве хлопнула подругу по плечу и воскликнула:

– Ушам не верю! Сашка, ты же никогда не пила водку, сама же говорила, что твой организм её не переносит! Аль смирился?

– Да нет, Анечка, не пью. Водка – это ж деньги. Электрику, сантехнику, ну и прочей подобной братии. Я натурой, ты же знаешь, не расплачиваюсь. Ну, чего хохочешь?

Анна вытирала глаза, продолжая всхлипывать. Она и сама не понимала, что её так рассмешило. Махнула на Сашу рукой и пошла в ванную умываться. Вернувшись в кухню, она сказала:

– Ничего не меняется в этой стране. Только вот страны нет.

Саша не ответила. Понять, что страны нет, она до сих пор не могла. И пока не встречала того, кто это понимал бы. Вот же – всё на месте, как и было, ничего никуда не делось... Она вздохнула.

– Слушай, Ань, давай я сначала сына из садика приведу, а потом уж пить будем, хорошо? А то меня сразу развезёт... Отдохни пока.

– Я с тобой, – встрепенулась Анна.

– Хочешь на город посмотреть? Или... на свой дом?

– Да, хочу! Нет! Не хочу! Не хочу видеть, каким он стал без меня. Помнишь, какой он был? Не дом, а сказка. Столько сил в него вложено... Даже не хочу видеть, во что его новые хозяева превратили...

– Да брось ты! Ничего с ним за два года не случилось.

– Случилось, случилось! Он ведь теперь не мой! Своими руками, предательница, чужим отдала. Продала за копейки! И что? Купила халупу под Воронежем. Я там и не бываю почти, так, наездами. Мотаюсь по городам и весям. С этими сумками, будь они прокляты!

– Тихо, тихо, успокойся... Пойдём-ка, прогуляемся. Обувайся давай!

Они пошли в садик пешком. Анна вертела головой по сторонам, с жадным любопытством всматривалась в лица прохожих и удивлённо восклицала время от времени: ничегошеньки не изменилось!

– А чего ты ожидала? Что должно было измениться? Должно было развалиться всё до руин за два года?

– Ты что! Два года – это срок. Целая страна развалилась в одночасье. А тут всего лишь город... И как ты выживаешь?

– Выживаю, – Саша пожал плечами.

– Тебе тоже надо челночить. Вся бывшая страна в челноках. По-другому сейчас никак...

– Надо бы, – согласилась Саша. – А ребенка в сумке с собой таскать?

– Да знаю, знаю! Мужичка бы какого-нибудь непьющего найти, в няни его нанять...

Подруги остановились, посмотрели друг на друга и приснули.

***

К двум часам ночи они выпили всего полбутылки водки. Но всё же охмелели. Они сидели на кухне, вспоминали прошлую, как казалось теперь, вполне себе счастливую жизнь. Рассказывали друг другу про жизнь настоящую. И только про будущую жизнь говорить не хотелось.

– Слушай, а давай ещё кофе выпьем? А то меня что-то развезло совсем...

– Давай, – легко согласилась Анна. – Соскучилась по кофе?

– Не то слово... Даже не помню, когда в последний раз покупала. Знаешь, сколько такая баночка в наших «комках» стоит? Почти всю мою нынешнюю зарплату. На сдачу, правда, можно ещё хлеба купить.

Анна сокрушённо качала головой.

– Ты давно на работу вышла?

– Да как сыну три исполнилось... Недавно. Пока только на полставки. А сынулю пришлось сдать в садик, – Саша всхлинула. – Третью неделю с ним мучаемся. Плохо ему в садике, не может он с чужими...

Анна неожиданно засмеялась.

– Ой, извини! Вспомнила опять, как он банку с килькой рассматривал. А это рыбкин домик, а как она туда залезла, а как она там дышит? Бедный ребёнок, он никогда не видел консервы!

– Да видел, забыл просто, маленький же ещё. Я покупаю иногда. Сейчас в «комках» уже много чего есть. Да и на базаре. Покупать только не на что.

– А помнишь, как мы мечтали: пусть только всё будет, а купить найдём на что... даааа... Вы уже привыкли к национальной валюте?

– Привыкли, куда ж деваться. Это не самое страшное...

– А что самое?

– А всё остальное! – не задумываясь, ответила Саша. И подруги снова рассмеялись.

Они просидели ещё часа два и допили бутылку. Глаза у обеих слипались, языки заплетались.

– Давай ложиться, а то я щас рухну. Я тебе в зале постелю, а сама с Егоркой лягу. Завтра... нет, уже сегодня, суббота ведь, можно будет целый день сидеть.

Анна уснула сразу. А Саша, несмотря на усталость и хмель, долго ещё ворочалась, призывала сон, но его отгоняли воспоминания.

Проспали они до одиннадцати. После позднего завтрака решили сходить на базар. На экскурсию, как выразилась Анна, и, конечно, чего-нибудь прикупить «вкусненького», ребёнка побаловать.

Анна раздувала ноздри, вдыхая знакомые с детства запа-

хи. Она, как и Саша, прожила в этом городе всю жизнь, и знала на базаре каждый закоулочек. Она подходила к прилавкам и по-хозяйски осматривала товар.

– Только не пробуй! – поторопилась предупредить Саша.

– Теперь за это платить придётся...

– Что?! – вскинулась Анна. – Платить за пробу? Шутишь? Чтобы на южном базаре да за это платить! А ты говоришь, что ничего не изменилось!

Саша только развела руками. Когда на базаре начали заводить новые порядки, ей они тоже казались дикими. Но привыкла быстро и уже воспринимала как норму. И перестала думать о том, что, может быть, когда-нибудь вернётся всё, что было так привычно.

– Саш, смотри, это же Соня!

Анна, радостно улыбаясь, рванулась в сторону их общей знакомой, которая шла под руку с пожилой женщиной. Саша едва успела схватить подругу за рукав.

– Стой, стой! Не надо!

– Это ещё почему? – возмутилась Анна.

– Да понимаешь... такая история... В общем... она тебя не узнает. Она и меня-то уже перестала узнавать.

– Как это? А что случилось?

– Ну... с головой у неё что-то. Когда все наши деньги разом превратились в пыль, она переживала жутко, даже травиться пыталась. Откачали. Но с тех пор она не в себе... Помнишь, как она мечтала кооперативную квартиру купить? Откладывала по копеечке...

Анна помнила. Соня сэкономила на всём, ходила годами в одном платье, варила для себя и матери дохлые супчики... Подруги часто приглашали её на посиделки, чтобы накормить и напоить. Анне стало грустно, глаза наполнились слезами, но она сдержалась и только спросила:

– Ты сама-то как пережила?

– Пережила, – коротко ответила Саша.

Ей не хотелось вспоминать, но память уже всколыхнулась. Все её сбережения на книжке сгорели с такой скоростью, что она и предпринять ничего не успела, пополнив собой армию граждан бывшей великой страны, враз оказавшихся в дураках. И нищими.

Сашу передёрнуло, когда она вспомнила, как каждый день отстаивала дикие очереди в сбербанк, чтобы снять деньги, выдававшиеся уже маленькими порциями. И как потом бе-

гала по городу в поисках продуктов, которые ещё можно было купить на обесценившиеся бумажки. Ноль от приличной суммы, которую её родители и потом она сама складывали годами, красовался в сберкнижке уже через полмесяца...

– Саш, ты слышишь меня? Давай домой пойдём? Не хочу больше гулять, – чуть не плача говорила Анна. – Хватит с меня на сегодня. Пошли водку пить!

– Сопьёшься, подруга, – вздохнула Саша.

– Может, и сопьюсь. Но не сейчас. Когда-нибудь мы будем с улыбкой или с лёгкой грустью вспоминать великое «челночное» время. Челноку ещё и памятник поставят, вот увидишь! И будет это баба, со всех сторон обвешанная набитыми сумками, даже в зубах сумка будет...

– Почему же баба?

– А кто ж ещё! Мужики, Саш, бедные наши, долго не выдерживают. Сыпятся. У меня вот чисто бабская команда, мужики уже все отвалили, недолго помотались. И знаешь, что их быстрее всего ломает? Тягомотина, тоска и унижения. А бабе чего ж сделается? Она всегда это терпела... Ладно, пошли уже! Слушай, а чего вон тот мужичок так на тебя пялится? Знакомый, что ли? Ничего себе так, тощенький, но приятненький... Побрить бы его только, а то усы какие-то дурацкие...

– Где? А, тотот... Не знаю, – Саша мельком глянула на мужчину за прилавком, засыпанным самодельными конфетами, резко развернулась и быстро пошла мимо рядов, Анна едва поспевала за ней, спрашивая, чего это она вдруг так погнала. Саша не ответила.

***

Сидели они до утра. Всё, что наготовили, незаметно за разговорами съели. Но было такое ощущение, что ещё ничего и не рассказали друг другу.

– Знаешь, Сашка, что сейчас нам с тобой надо? – в десятый раз пьяненько спрашивала Анна. – Что ты киваешь? Не знаешь же ни фига! А надо нам сделать это... как его... выгодное теловложение. Ферштейн? Вижу, что не ферштейн... Объясню для особо отсталых. Нужно мужика найти такого, который сможет оплачивать всю нашу с тобой поганую жизнь... Чтобы она не была такой поганой, понимаешь?

Саша кивала, но мыслями была далеко. Она думала, как было бы хорошо продать квартиру и рвануть куда-нибудь по-

дальше от этой непонятной жизни, построить избушку в лесу на берегу озера или речки, чтобы вокруг было полно деревьев и травы и чтобы не было людей...

Она очнулась, заметив, наконец, что Анна машет рукой перед её глазами.

– Эй, девушка, ты где? Ты меня не слушаешь совсем, что ли? Я говорю, что тебе с твоим личиком и фигуркой найти благодетеля нет проблемы. Это для меня, кобылы рыжей, мужика во всём белом свете не сыскать... А ты! Ну, глянь на себя! Красотка, умница, утончённая натура... Ну, не комсомолка и не спортсменка, да, зато стихи пишешь... Не пишешь? А чего так?

– Сил нет на стихи, полностью на суровую прозу перешла.

– А книжки, небось, так запоем и читаешь?

– Нет, – Саша грустно улыбнулась. – И на них сил нет, засыпаю моментально.

– А я у тебя на столе книжку видела, роман какой-то, про лёд...

– Какой ещё лёд? – удивилась Саша. – Нет у меня таких романов.

Она сходила в зал и принесла книжку, с интересом её разглядывая.

– Не помню, откуда она у меня... Какой же это роман? Это что-то научное. Так, валяется просто. Наверно, сынулька картинки тут раскрашивает...

– А я вот заглянула, прочитала пару страниц. Представляешь, лёд бывает разным. И ещё, оказывается, есть такой лёд, который не тает, а только плавится.

– Серьёзно? Очень ценные для нас с тобой сведения.

– Да ладно тебе, ледышка.

– Не, Ань, я не ледышка, я лягушка. Чего ты глаза вытаращила? И ты тоже лягушка. Мы с тобой стая лягушек.

– С какого перепугу? Брр!

– Да это же в переносном смысле, балда! Помнишь притчу? Лягушка сбивала, сбивала лапками молоко, оно превратилось в сметану, лягушка смогла выбраться из кувшина, и так спаслась. Вот и мы с тобой лапками трудимся изо всех сил. Только знаешь, в чём прикол? Не в молоке мы с тобой барахтаемся, а сдаётся мне, что по воде лапками лупим... И тут вопрос только один: надолго ли наших лапок хватит.

– Печально, – согласилась Анна. – Что-то ты совсем ду-

хом упала, Сашка. Прямо этот... дисси... а! декаданс голимый. Ладно, пусть вода. Но она же в лёд может превратиться, а он не тает!

Саша с улыбкой смотрела на подругу. Анна никогда не отличалась оптимистическим взглядом на жизнь и утешительницей не была, а вот припечатать могла или сказать что-то, как отрубить. Что-то в ней изменилось.

– И чего ты так смотришь? Не узнаёшь? Да, наверно, странно... Живём, как через колючие кусты продираемся, раны сплошные кровоточат, а внутри я вроде как мягче стала... А ты чего ходишь головой вниз и глазами по земле бегаешь?

Саша от неожиданного вопроса дёрнулась. Она не думала, что это так заметно со стороны.

– Да, наверно, привычка, Ань. Дурная.

– А, понятно. Только не привычка это, девушка, а самый натуральный психоз. Знать бы ещё, что это такое, – хихикнула Анна. – Давай выпьем за нас? Чтобы сил хватило и терпения продержаться.

– И чтобы хуже не было, – добавила Саша. И Анна согласасно закивала головой.

***

Она прошлась по комнатам, прикидывая фронт работ. Хозяин велел убрать к приходу гостей. Последнюю уборку она делала три дня назад, и было ещё вполне чисто.

– Можно не пылесосить, – сказала она вслух. – Полы помыть и раковины почистить, и хватит!

Продукты хозяин приносил сам, а готовил кто-нибудь из его друзей. На кухню женщин не пускали, чему Саша не уставала радоваться. Готовить она не слишком любила, особенно на большую компанию. И на посиделки никогда не оставалась, несмотря на настойчивые приглашения. Чётко держала барьер. Но оставшуюся от пиршества еду и неиспользованные продукты потом забирала. Это входило в оплату её труда.

– Ах, да! Опять чуть не забыла! – Саша хлопнула себя по лбу. – Надо же, наконец, купить эти чёртовы подушки!

Она взяла из ящика тумбочки деньги, которые хозяин оставил на подушки и на такси. Придётся идти за ними в тот магазин, где могут отдать подешевле, а это почти семь остановок. Можно неспешным шагом дойти минут за сорок, хоть прогуляться, по городу она теперь ходила редко.

Две связанные шпагатом большие подушки неожиданно оказались тяжёлыми. Но Саша решительно закинула их за спину и неторопливо пошла обратно, прикидывая в уме, сколько удалось сэкономить на покупке и такси.

Она прошла уже почти половину пути, проклиная и подушки, и своего соседа, и своё дурацкое стремление экономить на всём, и весь город, неожиданно ставший чуждым, и прохожих, которые шли себе мимо налегке...

Её обогнал мужчина, и она узнала по спине своего давнего приятеля.

– Вася! Что ж ты убегаешь, друг мой? – закричала она ему вслед. Он обернулся, криво улыбнулся и показал на часы. – А, понятно, торопишься, значит, ну, беги, беги... Испугался, дурачок, думал, я на тебя свои подушки взвалю? Как же, поди тебя поймай...

Она ещё долго бурчала под нос, не слыша себя и не понимая смысла произносимых слов. Это бурчание словно подталкивало её, заставляло, не останавливаясь, идти вперёд, тащить свою согнувшуюся от тяжести спину.

– Я ослик, дайте мне морковки! – в какой-то момент громко сказала она, засмеялась, и плевать было, что на неё оглядывались и ухмылялись.

Вечером хозяин не стал зазывать её в гости, и ей не пришлось отказываться в очередной надоевший раз. Уложив сынишку, Саша прилегла на диване и, уставившись в потолок, начала думать ни о чём – отпустила мысли в свободное плаванье, и они, путаясь и перемешиваясь в хаотичную кашу, которая именовалась потоком сознания, унесли её куда-то далеко, туда, где кроме неба и звёзд ничего уже и не было...

– Ну, понеслась... На земле бы разобраться, – вздохнула Саша, но возвращаться всё же не торопилась. В тех далях ей было лучше, ничего не нужно было решать. Она успокоилась и задремала. И тут в её голове взорвалась бомба.

Саша вскочила, дико озираясь по сторонам. Проснулся и заплакал Егорка. А звонок продолжал громко трезвонить.

– Я тебя убью! Прямо сейчас! Да заткнись ты уже! – крикнула Саша и побежала в кухню за ножницами.

К двери она подошла уже почти спокойно. Ножницы бросила на стол, спросила «кто там?», но открыла, не дождавись ответа. Стоявшую на пороге женщину Саша не узнала.

– Что ж вы так трезвоните? Что вам угодно?

– Вы меня не узнали? Я ваша соседка из дома напротив. Что так долго не открываете?

Женщина шагнула вперёд, и Саша вынуждена была отойти в сторону.

– У меня к вам дело.

– Ну, проходите в комнату и подождите, я ребенка успокою, – нехотя предложила Саша.

Эту женщину она помнила смутно, была соседка, кажется, психиатром. Укачивая сына, Саша размышляла, стоит ли ей собраться и изобразить любезность или сойдёт так, как есть.

Подойдя к залу, Саша постояла, выжала улыбку, но тут же скривилась, вздохнула и решительно вошла.

– Я вас слушаю, – сказала она сухо непрошеной гостье.

– Думаю, вы поняли, что мне от вас нужно.

– Нет.

– Думаю, к вам сейчас много людей приходит... У меня та же проблема.

– Какая?

– Думаю, вы знаете.

Она думает! Препротивная тётка, вынесла приговор Саша. Что же ей надо? Долго она ещё будет голову морочить?

– Так я вас слушаю.

– Дело простое. Уезжаю. А вы же знаете, какие дикие очереди за контейнерами. Слышала, вы помогаете. Вы же дружите с вашим соседом, – женщина говорила вкрадчиво, буравя Сашу пронзительным взглядом.

Саша слушала вполуха, не отводя глаз от тонких губ говорящей. Могла бы и сама догадаться, что ей нужно.

– Я не дружу с соседом. Просто иногда убираю его квартиру. За плату, разумеется. И помочь, извините, ничем не могу.

Точнее было бы сказать – не хочу, поправила себя Саша. Она действительно два раза помогла своим близким знакомым получить контейнеры без очереди и взяток, попросив соседа – начальника железнодорожной станции.

– Почему? Что вам стоит?

Рассказывать, чего ей это стоит, Саша не собиралась. Первый раз ей сошёл с рук, сосед помог и вроде бы забыл. А после второго сказал: а давай обед сегодня сготовим у тебя, ко мне друзья придут, посидим. У Саши, как ей показалось, в душе развернулся ёж. Она скривилась, успев отвернуть лицо.

– Ну, что ж, – выдавила она, помолчав, – почему бы и нет...

Мясо в казане жарил приятель соседа с длинным нерусским именем, которого все звали Мишей. Другой быстро резал овощи на салат. Ещё двое курили в лоджии, развалившись на стареньком диване. Женщины на посиделки не приходили. Наверно, у соседа где-нибудь ещё была потайная квартира для встреч, а эту он использовал как комнату отдыха для мужской компании.

Саша сидела в кухне, без интереса наблюдая за процессом готовки.

– Может, ты переоденешься? – спросил Миша, неодобрительно посмотрев на её потёртые джинсы. – Вспомни, что ты женщина. Я могу тебе помочь...

Он многозначительно замолчал. Саша фыркнула и демонстративно положила ногу на ногу. Миша сверкнул чёрными глазами.

– Я могу тебе помочь, – повторил он. – Что, сильно гордая? Как проживёшь одна? Такое время...

– Время всегда такое, – промямлила Саша. Поддерживать разговор ей не хотелось. Сейчас про ребёнка напомним, всё предсказуемо и тоскливо.

– Я тебе совсем не нравлюсь?

– Я к вам хорошо отношусь, – сказала Саша, не покривив душой. Из всех приятелей соседа, приходивших на посиделки, Миша был самый не противный.

– А чего тогда? Я ж не просто так. Хорошо жить будешь, всем обещечу. О ребёнке подумай...

Сашу передёрнуло. До чего ж вы все скучно одинаковые, подумала она, или мне одной так везёт?

– А, может, ты это... холодная? Как это по-русски... из льёда...

– Изо льёда, – машинально поправила Саша. – Да, я льдинка, льдина, льдиница!

Она засмеялась. Миша скосил на неё глаза и опять неодобрительно покачал головой.

– Шутишь? Дура ты, женщина! Сидишь злая, неприветливая... Другая бы счастлива была, ноги бы мне целовала... А ты как эта... как же её...

Миша замер над казаном, вспоминая подходящее слово, которым можно было бы заклеить не желающую лобызять

его ноги женщину. Саша громко рассмеялась, представив себя ползающей у его ботинок с высунутым языком. В ответ Миша ограничился вздохом.

Через пару часов, когда подобревшая от сытной еды мужская компания начала расходиться с намерением пойти немножко поработать, Миша долго надевал ботинки, ожидая, когда, наконец, все выйдут. Саша напряглась, понимая, что сейчас ей от ответа на конкретный вопрос не отвертеться. Ей ужасно захотелось уйти из дома, но выход был перекрыт.

Миша, наконец, натянул второй ботинок и, завязывая шнурки, как бы между прочим сказал:

– Я зайду вечером? Ребёнку конфет принесу. А с тобой коньячку выпьем. Положишь меня потом... да хоть на этом коврике...

Миша глупо хихикал и выжидающе смотрел на неё. Саша неопределённо пожала плечами. Он заулыбался, пригладил чёрные усы и вышел, оглядываясь на неё и вроде бы всё чего-то ожидая.

В дверь он тихо постучал часов в десять вечера, когда Саша уже спала. Укладывая сынишку, она отключилась, не успев допеть ему колыбельную. Но стук сквозь сон услышала. С трудом поднялась и, не открывая глаз, пошла к двери.

– И кого это чёрт принёс на ночь глядя, – ругалась она вполголоса.

Кое-как нащупала выключатель в коридоре. Вспыхнувший свет раздражал её ещё больше. Дверь едва приоткрыла. За ней стоял Миша и торжественно держал в вытянутой руке бутылку, видимо, с коньяком.

– О, нет! Зачем? – простионала Саша. – Быстро заходите!

Миша прошёл в кухню. В руках у него был большой бумажный пакет, из которого он стал выгружать на стол какие-то банки, фрукты, конфеты... Она молча наблюдала, ещё толком не проснувшись.

– Завтра загружу твой холодильник. Привезу мяса, картошки. Торговля моя хорошо сейчас идёт. Наши конфеты, сама знаешь, на свадьбы и похороны закупают килограммами, настоящие-то дорогие. Хочешь, завтра по базару вместе походим, платье тебе красивое купим? И пацану что-нибудь. Что ему надо?

Миша говорил без остановки, что-то спрашивал, но ответа не дожидаясь, только бросал на Сашу торопливые взгляды.

А она уже пришла в себя и с интересом посматривала на стол, заметив среди яблок и персиков большую плитку шоколада.

Он плеснул коньяку в чайные чашки и одну протянул ей. Саша выпила махом и взяла шоколадку. Содрав обёртку, сразу поняла, что шоколад не настоящий, но не слишком огорчилась, отломив приличный кусок и тут же сунула в рот.

– Из чего его сделали? – спросила она, поморщившись.
– Хотя логично закусывать дерьмовый коньяк дерьмовым шоколадом. Согласны, Миша?

Миша на слово «дерьмовый» не отреагировал. Саша уловила его напряжение. Видимо, он размышлял, можно ли уже завершить стадию ухаживания и перейти к делу.

– Что ж, спасибо за угощение! Уже поздно, ужасно хочу спать, – сказала Саша, с удовольствием наблюдая, как перекосилось лицо её ночного гостя. И продолжила приторным голосом: – Вы меня простите, Миша, но я в самом деле жутко устала. Давайте посидим как-нибудь в другой раз.

Вот такой облом, мальчик. А ты садистка, сказала самой себе Саша. И стала складывать фрукты обратно в пакет. Миша перехватил её руку.

– Не надо, оставь! – грубо сказал он. Оттолкнул её и быстро пошёл в коридор. Молча обулся, не поднимая глаз, но когда Саша уже закрывала дверь, крикнул: – Дура!

– Знаю, – ответила Саша.

Она налила в чашку коньяку, проглотила одним глотком, погасила в кухне свет и села возле стола. От спиртного её сразу повело. Она уронила голову на какую-то банку, всхлипнула, потёрла ушибленное место и тоненько заскулила...

Сосед не появлялся целую неделю. Саша прислушивалась. И как только он пришёл, постучалась.

– А, Саша, заходи. Почему не убралась, вон пыль на полу... Быстренько помой, а то друзья скоро придут. Ну, давай, давай, шевелись!

Саша протянула ему ключи от его квартиры. Он машинально взял, уставился на неё непонимающе.

– Я больше не смогу у вас убирать, – сказала она и, не попрощавшись и не оглядываясь, вышла...

– Ну, так как, поговорите с соседом? Вам же это ничего не стоит.

Саше ужасно захотелось наругать её, но она сдержалась и сказала сквозь зубы:

– Я никого ни о чём просить не буду.

– Понятно, – сказала тётка, скривив губы, и надолго замолчала.

Саша искоса поглядывала на неё, ожидая, что она встанет и уйдёт. Но та упорно сидела и демонстративно разглядывала книжные полки.

– Ваш сосед взяточник, его посадят, – наконец сказала она ухмыляясь.

– Наверно, – безразлично ответила Саша.

– А знаете, я ведь наблюдаю за вами.

– В смысле? – вскинулась Саша.

– Из моих окон отлично просматривается ваша лоджия. И по утрам я вижу интересные картинки...

Саша стала лихорадочно вспоминать, что такого она делает по утрам в своей лоджии. Но только и вспомнила, что иногда, чтобы проснуться, выходит туда помахать руками и не всегда при этом надевает штаны. Она засмеялась. Тётка смотрела на неё с удивлением.

– Послушайте, я ужасно хочу спать. И говорить, по-моему, больше не о чем, – сказала Саша, решив, что имеет полное право не извиняться.

Тётка фыркнула, медленно поднялась и так же медленно направилась к двери, остановилась на пороге и с минуту бесцеремонно рассматривала стоящую перед ней Сашу.

Саша поёжилась, демонстративно сложила руки на груди и так же, в упор стала смотреть на непрошеную гостью.

– А вы злая! – с наслаждением констатировала тётка.

– Стараюсь! – с удовольствием ответила Саша.

Закрыв дверь на оба замка, она пошла в ванную и долго мыла руки с мылом, потом почистила зубы, но и этого ей показалось мало. Щедро смочив ватку лосьоном, она протёрла руки до самых плеч.

***

Дождь то усиливался, то утихал, в паре с ним трудился ветер, ожесточённо колотя железякой по крыше. Саша высунула голову из-под одеяла, прислушалась к звукам непогоды за окном и нырнула обратно. Какое счастье, что не нужно вставать! Такое крохотное уютное счастье, и его можно придержать, прижав телом к тёплой простыне.

Ей приснилось, что она стоит у раскрытого окна, подста-

вив голову лёгкому ветру, словно пальцами перебирающему её волосы. Саша проснулась. Рядом стоял Егорка и гладил её по голове.

– Ты моё солнышко, проснулся? Кушать, наверно, хочешь?

Мальчик молча залез к ней под одеяло и прижался. Саша обняла его. Тогда спим дальше, только подумала она, как раздался звонок. Она испуганно вздрогнула, но решила не вставать, даже если трезвонить не перестанут или разнесут дверь.

– Обязательно есть кто-то, кому хочется всё испортить! Сегодня я не пойду у тебя на поводу, – неизвестно кому сказала Саша и закрыла глаза.

Встали они уже почти в полдень. Саша заглянула в банку с кофе, подаренную Аней, и радостно потёрла руки. Сегодня определённо счастливый день. А на обед сварю картошку, решила она. Будем есть с подсолнечным маслом и зеленью.

– Эх, к картошке селёдки бы! – сказала сыну Саша. – И тогда был бы полный набор счастья!

И тут она вспомнила про кильку в томате. Банку она упрятала про запас «на чёрный день».

– Но сегодня разве такой день? – спросила себя Саша и выглянула в окно. Ну, да, холодный дождь, тяжёлые тучи, но это же не повод считать день чёрным.

Саша достала из шкафчика банку и положила её на стол, решив поразмышлять о ней, как иногда приговаривала, «вокруг да около».

– Насколько бы проще сейчас была бы моя жизнь, Анюта, привези ты не одну, а две банки кильки, а лучше три, – сказала Саша банке и пошла умываться.

Пока чистила картошку, она вспоминала, как два месяца назад провожала подругу. Неделя её отдыха пролетела, и нужно было, как выразилась Анна, снова отправляться на передовую.

Они просидели за разговорами почти до утра. Анна уговаривала Сашу хорошенько подумать, продать квартиру и рвануть к ней, а «там видно будет».

– Все уезжают, нечего тут оставаться, настроение же у тебя чемоданное, Александра, – повторяла Анна.

– Чемоданное, – соглашалась Саша. – Да уехать-то нетрудно. Собрал чемоданчик и поехал. А дальше что? Сараюшку, как ты, купить в глухой деревне, свиней там разводить?

– Ну, зачем свиней... Вместе мотаться будем, денег зара-

ботаем, квартиры купим в городе, – напористо говорила Анна, но Саша улавливала в её голосе неуверенные нотки и сама подливала сомнения в рассуждения подруги.

– Да как же и где, Анечка, мы их заработаем? И в каком городе квартиры на свои копейки купим, а?

– Ну, ты это... как волнорез, ей-богу. Что тебе ни скажи, всё вдрызг об тебя разбивается, – упрекала Анна. – Ты хоть помечтать дай, всё вроде легче на душе...

– Легче? Тогда ладно, мечтай, конечно. Только у меня от таких разговоров мозги закипают...

– Ты сама загнала себя в тупик, Сашка! Выход же должен быть! Смотри, все куда-то рванули... Чего ты ждёшь? У тебя и друзей здесь уже не осталось. Досидишься!

Саша злилась, но соглашалась, что Анна права.

– Ехать куда-то ты боишься... Ну, тогда, дорогая моя, тебе только один вариант и остаётся...

– Знаю, знаю! – перебила Саша. – Опять ты про выгодное теловложение?

– Ну а чё? Как выживать-то, Сашка? Вон сосед твой, богатенький начальник, или вон тот щупленький с усами, я же видела, как он на тебя смотрел... Ну, торгаш, и что? За них, торгашей, сейчас и нужно держаться. Ладно, ладно! Не злись! Подумай хотя бы. Ты девочка взрослая...

Ещё Саша вспомнила, как Аня накануне отъезда размазывала пьяные слёзы по лицу и страшно ругала всех «идиотских начальников», которые развалили страну и всё, что только можно, и по милости которых «мы все теперь сидим в глубокой заднице». Саша молчала, но кивала, потому что думала так же.

Обнимая подругу на прощанье, Саша обещала обо всём хорошенько подумать и держать чемодан наготове.

... Картошка сварилась. Саша слила воду, разложила тарелки и вилки, а сама всё поглядывала на банку с килькой в томатном соусе, одиноко лежащую посреди стола. Закипел чайник, и она сделала себе кофе. Потом достала консервный нож и положила его рядом с банкой.

ТАКАЯ ДОЛГАЯ ОСЕНЬ

Ну, зря. Зря согласилась. Как чувствовала, не хотела подходить к телефону. Долго ждала, пока он замолчит. А через полчаса, когда затрезвонил снова, нехотя подошла, положила ладонь на трубку, борясь с желанием не поднимать её, но любопытство всё же победило. Да ладно, какое там любопытство, просто привычка всегда отвечать. И часто потом об этом жалеть.

– Добрый день! Это Женя? – послышался в трубке женский голос.

Не дожидаясь ответа, женщина продолжила торопливо:

– Мне ваш номер дала Светлана Васильевна. Она моя... то есть наша общая знакомая. Помните? Она сказала, что только вы мне сможете помочь. Не отказывайтесь, пожалуйста! Мы уезжаем послезавтра, больше обратиться не к кому. Пожалуйста!

Вот как! Женя удивилась.

– Светлана Васильевна? Она же уехала почти три года назад. Вы с ней общаетесь?

– Нет, с тех пор, как уехала, нет. Она дала ваш номер, когда я её провожала, и сказала, что я смогу обратиться к вам, если надумаю уезжать. Вот, надумала... Повезло, что ваш номер не изменился за это время.

Вам, может, и повезло, подумала Женя. Ей захотелось положить трубку. Или сказать, что не туда попали. Ах, нет, этого уже не скажешь, поздно. И Жене моментально стало тошно. А если просто бросить трубку?

Она продолжала молча слушать женщину, запутавшуюся в длинных объяснениях. Голос был умоляющим, а это всегда её напрягало, Женя долго не выдерживала и соглашалась на всё, лишь бы её ни о чём не умоляли. И сейчас она чувствовала – ещё немного и сдастся.

В трубке стало тихо. А потом зашмыгало, захлопало.

– Послушайте... э... как вас зовут? Елена? Вы там что, плачете? Не надо. Да, я понимаю, что не из-за меня. Хотите зайти? Ну, хорошо, заходите...

Она не стала говорить, что вообще-то это лишнее. Можно было сразу всё оставить, без всяких знакомств. Хочет сначала посмотреть условия, что ли, усмехнулась Женя. Вряд ли они понравятся. Но выбора у неё нет, придётся смириться. А, впрочем, она уже давно, конечно, смирилась. Иначе не стала

бы звонить и вот так прыгать вниз головой с вышки, не зная, есть ли внизу вода.

Почему всегда все уверены, что я не смогу отказать, злилась на себя Женя. Может, попробовать отвертеться, когда придёт эта Елена, придумать какую-нибудь «уважительную» причину? Какая причина могла бы потянуть на уважительную?

Стук в дверь раздался уже минут через семь после телефонного разговора. Значит, насчёт «вниз головой» я права, подумала Женя. И открыла дверь.

Молодая стройная женщина была промокшей от дождя, короткие светлые волосы слиплись, с чёлки капало на лицо. Женя хотела пошутить, что слёз, видимо, было слишком много, но осеклась, увидев тёмные припухшие глаза.

– Заходите быстрее! У вас зонта, что ли, нет? Такой дождь льёт...

– Зонт есть, просто не взяла, думала, бегом, бегом, не успею промокнуть...

Нежданная гостья снимала мокрую куртку, туфли и всё что-то бормотала глухим голосом, словно и его пропитало дождевой водой.

Женя повела гостью на кухню, начала варить кофе, слушая её вполуха и думая о своём. Она не хотела знать, кто эта незнакомка, куда уезжает, с кем. Это был посторонний человек, вошедший в её жизнь, может быть, всего на час. Потом он уйдёт, скорее всего, навсегда. И в памяти Жени не останется даже его образа, его сотрёт этот дождь.

Дожди! Вот что не давало покоя Жене. Почему они все уезжают, когда идёт осенний дождь? Или так ей казалось? Но её память хранила лишь эту картину – осень, низкое пасмурное небо, они под дождём бегут к такси, суетливо обнимаются, молча, потому что уже сказаны все прощальные слова. Торопливые, не согретые душевным теплом, потому что в душе ничего не осталось, кроме терпкой горечи, прописавшейся там на долгие годы вперёд.

Может быть, дождь нужен был для того, чтобы скрыть их слёзы, или, наоборот, скрыть, что слёз нет?

Друзья и знакомые уезжали семьями и поодиночке. Будто кто-то незримый отдавал приказ, и все снимались с места одновременно. Потом на какое-то время движение затихало, только нет-нет, да и срывался кто-нибудь нетерпеливый, а остальные чего-то выжидали. И вот снова поступала команда

«приготовиться!», и кто-то нажимал на курок стартового пистолета...

– Часть мы успели раздарить, но ещё так много осталось, – услышала Женя. – Мы долго сомневались, стоит ли уезжать, ведь здесь вся жизнь, дом, друзья... Но потом они стали понемногу разъезжаться, разъезжаться, разъезжаться, разъезжаться...

Женя замерла в ожидании, сколько ещё раз гостя повторит это слово, словно камешком брошенное в воду. Ей показалось, что и Елена затуманенными глазами наблюдает за кругами на воде – разъезжаются, первый круг, разъезжаются, второй, третий... С каждым кругом близких людей рядом становилось всё меньше.

– И мы решили, что и нам пора, – наконец вынырнула она.

– В Германию? В Россию? – спросила Женя, вдруг поняв, что она всё время молчит.

– В Израиль. У моего мужа мама еврейка.

Женя стала вспоминать, кто из её окружения уехал в Израиль, насчитала человек семь-восемь и сбилась.

– Мы пытались их пристроить, но сейчас они никому не нужны. Стали неподъёмным грузом, обузой. Те, кто уезжает, не знают, куда их девать. Дарят, просто раздают, раздают... но их так много, – Елена говорила извиняющимся тоном.

Знаю, кивнула Женя. И решила, что пора спросить:

– Сколько их у вас?

Елена ждала этого вопроса, сразу напряглась, опустила глаза, начала нервно разглаживать юбку. Ну, всё, напряглась и Женя. Сейчас назовёт какую-нибудь безумную цифру. Она дёрнулась, со стуком поставила чашку, выплеснув на стол немного кофе, схватила тряпку, долго вытирала клеёнку, исподволь поглядывая на гостью, которая, казалось, вместе с ней тоже вытирает мокрое пятно, но только глазами.

– Так сколько? – уже спокойно спросила Женя. – И в чём? В мешках, в коробках?

– В коробках... 55 или 56, где-то так, – слабым голосом сказала Елена. И быстро добавила: – Но они небольшие... коробки...

Она смотрела на Женю со страхом, ожидая, что прямо сию минуту её вежливо попросят пойти к чёрту вместе со всеми своими коробками. И в её глазах опять была мольба.

Женя не выдержала, отвернулась. Господи, и откуда ты свалилась на мою голову, беззвучно прокричала она.

Первые коробки появились в её доме лет пять назад, когда решила уехать подруга Таня. Она собиралась долго, поэтому коробок оставила не так много, сложив туда, как она сказала, только самое-самое, то, что отдать чужим никак было невозможно.

– Так я буду хоть спокойна, что пристроила в хорошие руки, – повторяла Таня. – Непременно заберу когда-нибудь, когда наступят лучшие времена. Устроюсь, а потом заберу.

Тогда Женя услышала это впервые – про «устроюсь и когда-нибудь заберу». Потом эту фразу, как заклинание, повторяли все. Они верили. И Женя верила – да, когда-нибудь, конечно.

А потом они уезжали. Садись в такси, махали из окна рукой, повторяли: когда-нибудь, когда-нибудь... И бесследно растворялись во времени вместе со своим заклинанием. Пропадали. Ни писем, ни звонков. Только коробки.

– Очень много, да? – опять виновато спросила Елена.

– Ну... не буду лукавить, многовато, конечно. У меня одна комната заставлена коробками, вы ведь уже четвёртая оставляете...

– Вы меня простите, ради бога! Такое неудобство... Но я просто в отчаянии!

– Так, давайте договоримся – раз уж я согласилась, не будем теперь про неудобства и прочее. И перестаньте извиняться.

– Да, да, конечно! Я вам так благодарна! И простите ради... Хорошо, больше не буду, – Елена запнулась, а потом затараторила с облегчением: – Как только мы устроимся, я вам тут же напишу! Или лучше позвоню. А потом, при первой же возможности, приеду и как-нибудь всё заберу. Вы не сомневайтесь, обязательно приеду и заберу.

– Когда наступят лучшие времена? – спросила Женя.

– Что? Ну, да, наверное, – неуверенно улыбнулась Елена.

Женя кивнула и тоже улыбнулась.

Проходили девяностые, год за годом. А они всё уезжали и уезжали. И все даты отъездов слились в одну, залитую осенним дождём. Казалось, даже оставленные ими коробки пахли сыростью, хотя Женя понимала, что это ощущение обманчиво.

И она продолжала терпеливо ждать обещанного возвращения. Хотя даже не знала, а живы ли они там, куда уехали. На каждый телефонный звонок сердце откликалось трепетом. Но звонков «оттуда» всё не было.

– Так, значит, завтра после пяти? – ещё раз уточнила Елена.

Она махнула рукой и начала спускаться по лестнице. Женя, стоя в дверях, провожала Елену глазами и вслушивалась в её приглушённое бормотание: «Боже мой, боже мой, ну зачем всё так... как же я вам благодарна... вот и мы уезжаем... боже мой...».

Смеркалось. Женя зажгла в зале свет. Подошла к закрытой двери другой комнаты, постояла немного, даже подержалась за ручку, но решила, что ещё недостаточно темно, чтобы туда зайти. Когда в комнате несколько месяцев назад перегорела лампочка, она даже обрадовалась и не стала вкручивать новую.

При свете эта комната напоминала склад. Никакой мебели, кроме маленькой табуреточки, здесь не осталось, Женя всё потихоньку перетаскала в зал, освобождая место для новых коробок

Они стояли вдоль стен, постепенно вырастая вверх, чуть ли не под потолок. Одинаковые и безликие. Они отобрали у неё часть места под крышей, оставив ей для жизни другую комнату, чуть побольше.

– Приют для бездомных коробок, – грустно посмеивалась Женя. – Какое счастье, что хотя бы кормить вас не нужно!

Сколько их тут было, она никогда не считала. Роль цифр взяло на себя слово «много». Завтра здесь появится ещё 55 или 56 коробок, «где-то так», и их тоже незаметно поглотит слово «много», ведь ему всё равно, сколько цифр в него вмещается.

Женя всё же не удержалась, приоткрыла дверь и заглянула. Скоро совсем стемнеет, а пока сквозь тонкие шторы ещё просачивался слабый свет уходящего вечера. За окном что-то своё продолжал бормотать дождь, уже совсем тихо, словно убаюкивал сам себя.

Она вернулась в кухню. Налила в чашку холодного кофе, присела за стол и стала вспоминать. Как они уезжали. Воспоминания всплывали, как размытые картинки. Будто она листала альбом со снимками, сделанными неумелым фотографом. Женя старалась разглядеть лица, уловить мимику, но даже не пыталась вспоминать голоса, её память не смогла их удержать, они стёрлись первыми.

Чашка на столе уже была едва видна. Женя зажгла свечу и пошла в свой «приют для бездомных». Постояла на пороге,

подняв свечу выше головы. Этого можно было и не делать. Даже в темноте видны были коробки, расставленные по всей комнате и вдоль стен.

Каждый вечер она приходила сюда, усаживалась на табуреточку и говорила. И ей самой, и коробкам было всё равно, в какую сторону потечёт разговор, попутно вбирая в себя обломки её воспоминаний.

– Завтра придётся вам потесниться, придут новые постояльцы, – сказала Женя, поставив на пол подсвечник и присев. – Временные постояльцы, как и вы.

Она хотела добавить ещё «и чужие», но подумала: какая теперь разница. Встала, походила по свободному от коробок пространству, прикидывая, что и куда можно передвинуть так, чтобы поместить ещё 55 или 56, «где-то так». Женя хмыкнула.

– Ладно, завтра посмотрим...

Она снова села и задумалась. И сама не смогла бы сказать, о чём. Как-то обо всё сразу. Дождь убаюкивал, и её стало незаметно клонить ко сну. Она едва не свалилась на свечу, встрепенулась и тихо сказала, обращаясь к коробкам:

– А, может, лучшие времена наступят прямо завтра?

Ответа Женя не ждала. Подошла к тому ряду коробок, который назывался «Танин», открыла одну из них, вытащила книгу и поднесла к свече. Это оказался Шиллер на немецком языке.

– Ну, Танюш, ты же знаешь, я не читаю на немецком... – сказала Женя книге. – Ничего, в другой раз найду что-нибудь...

Она положила книгу обратно. Походила вдоль рядов и остановилась возле того, который назывался «Элкин».

– Привет, Элла! Ну, как ты? Завтра придёт Елена, она тоже уезжает в Израиль. А что если вас поставить рядом? Пожалуйста, так и сделаю. Кто знает, может, вы там пересечётесь. Будете вспоминать дом, и ты, наконец, напишешь мне... Но сегодня, извини, я не к тебе...

Из коробки в ряду, который назывался «Светлана Васильевна», Женя достала сразу две книги, но не стала смотреть на обложки. Обычно она открывала книгу, где откроется, и читала вслух с любого места, пока хватало сил или пока не начинали слезиться уставшие от слабого света глаза.

Она примостила свечу повыше и раскрыла книгу. Маленькое пламя дрожало, и текст расплывался. Но Женя всё равно начала читать, иногда поднимая глаза и оглядывая внимавшие ей коробки. И так текло время.

Когда она вконец устала, свеча уже почти догорела. Пожелав доброй ночи, Женя пошла в свою комнату. Книгу она оставила на полу, решив, что завтра ещё почитает.

Она так и не узнала ни её названия, ни автора, ей было всё равно, как она называется и кто её написал. Достаточно было того, что книга была про лучшие времена.

Александр ИВАНОВ

ПАЛАТА НОМЕР СЕМЬ

Рассказ

Расслабленно растянувшись поверх побуревших от времени одеял на больничных кроватях, мужики блаженствовали. В офтальмологическом отделении московской городской больницы все палаты восьмиместные, там шум и гам, а им подфартило, у них палата всего на четыре койки. Причем, одна из них фактически пустовала: неоперабельный, проходивший здесь курс терапии больной – юркий, горбоносый и молчаливый, даже не назвавший своего имени, появлялся только на утренние процедуры, а потом исчезал по договоренности с медперсоналом до следующего утра. Остальных это вполне устраивало, и никто не лез к нему с расспросами.

В больничной палате, как в купе поезда, люди сходятся и расходятся быстро. А потому – чего финтить, скрывать, двусмысленничать? Сложившаяся меж тремя мужиками, случайно оказавшимися рядом, атмосфера доверия и неназойливой откровенности здорово помогала им переносить тяготы больничной жизни. Тем более, что были они почти одного, солидного, возраста, относились до пенсии к разряду руководящих работников среднего уровня, так что многое изначально их связывало.

Откровенность возникает или тогда, когда собеседники вместе пуд соли съели, или когда ясно, что после краткого пребывания вместе они никогда больше не встретятся и все сказанное здесь же и умрет. Говорили, о чем попало: о неустойчивости семейной жизни и пережитых ими разводах, об отношении к президенту и резком падении рубля, о детях-иждивенцах и войне на Украине, о больничных передрыгах...

Каждому из них уже сделали операцию на больной глаз, где катаракта была созревшей, заменив износившийся хрусталик на новый, искусственный. Через день сняли повязку, и теперь им оба глаза служили вполне нормально.

– Эх, продержаться бы нам в таком составе, без подселений, денька два-три, чтобы не дергаться, чтобы нервишки после операции восстановились, тогда бы, глядишь, и наше зрение стало соколиным, – с надеждой подал мягкий настойчивый голос Клим Петрович, добродушный толстяк, чья роскошная рыжеватая шевелюра рассекалась от висков к затылку кинжальными залысынами.

– Нервишки нервишками, а вот как быть, если искусственный хрусталик не успеет прижиться в своем гнезде, а? – не то спросил, не то возразил ему старший из них, Виталий Валерьевич. Был он грузен, щербат, страдал одышкой и словоохотливостью. Свое мнение старательно подкреплял примерами. – Несколько лет тому назад моей жене, почти ослепшей на один глаз из-за катаракты, тоже, как и нам, делали операцию. Успешно сделали. Поставили японский хрусталик. Уж до чего она боязлива, трусиха несусветная, иголкой нечаянно уколется – и в крик на всю квартиру. А тут все-таки глаз... Но даже не пискнула. Когда повязку с него сняли, и ей отчетливо открылось все вокруг, чуть в пляс от радости не пустилась. И сразу: хочу скорее домой. Домой! Оно понятно, весна, земля требует заботы, а у нас дача. Врач возмутилась, рано, дескать, выписывать. Так моя настояла! Ну, и что же, спросите? Ехала на электричке, какая-то компания молодежи ворвалась в вагон, толкнули ее нечаянно – хрусталик из глаза выпал. Пока сообразила, пока добралась до больницы, время было потеряно. Никак уж не восстановить. Ходит теперь с единственным зрячим глазом.

Тут же третьему их товарищу, Якову Лукичу, вспомнился случай с его давним знакомым. Вскоре после операции на катаракту тот помчался к своей возлюбленной похвастаться чудесным исцелением от недуга. А у нее камин. Как назло, дровишки закончились. В поленице только чурбаны. Карагачевые, сучкастые. Но силушка в нем играет. Резкий взмах топора – и он со звоном вонзается в древесную плоть и увязает в ней. Ему бы остановиться, так нет, взмахивает опять, теперь уже топором вместе с чурбаном, обрушивая их со всей мощью на поставленное для этого бревно. Ну, обрушил, расколол. При этом хрусталик, только американский, а не япон-

ский, падает из глаза на землю. Слава Богу, у него обошлось. Машина оказалась под боком. И хирург, когда примчался в больницу, был на месте.

– Все спешка, все людям невтерпеж, все норовят обогнать самих себя и перед другими выставиться эдакими-разэдакими, – ворчливо проговорил Виталий Валерьевич. – Слушались бы врачей – никаких эксцессов бы не было.

Клим Петрович буркнул в ответ что-то невнятно согласительное, а Яков Лукич вдруг спохватился:

– Кстати, мне врач рекомендовала как можно больше ходить. Кто со мной за компанию?

Желающих не нашлось. Накинув поверх рубашки легкую кожаную куртку с капюшоном – на дворе стоял шалый, с ветрами, солнцем и дождем апрель, – Яков Лукич отправился на прогулку. Но едва он, спустившись со второго этажа, где находилась седьмая палата, вышел на крыльцо, как гулять расхотелось. Из лохматых сизых туч яростно хлестанул густой дождь. По залитым асфальтом дорожкам потекли ручьи. Пришлось позорно ретироваться.

Наплыв больных в тот день был необычайный. То ли больнице требовалось план выполнять, то ли в сутолоке медперсоналу легче за каждую мелочь брать мзду, но санитары тащили и тащили из запасников кровати, выстраивая их вдоль коридора и сужая его сверх всякой меры. Какая уж по нему прогулка!

Оставалась лестница, которой пользовались крайне редко: два лифта – пассажирский и грузовой – работали исправно. Яков Лукич прикинул, что несколько ходок до пятого, последнего, этажа и назад вполне заменят ему прогулку по больничному двору.

Подходя к лестнице, он услышал какую-то возню и возмущенный женский голос:

– Убери лапы, а то по морде схлопочешь! Кому говорю – убери!

– Я при исполнении, – ухмыляясь, отвечал медсестре долговязый охранник, продолжая ощупывать ее в районе талии. – Начальство велело проверять вас всех на выходе, чтоб ничего не уперли, вот я и проверяю. Расстегни-ка плащ... – Тут он заметил свидетеля и нехотя отступил. Воспользовавшись этим, девушка шмыгнула за дверь.

Яков Лукич приосанился и, медленно и важно пройдя мимо охранника, стал подниматься. В голове у него созрел

план. Он впервые порадовался тому, что, собираясь в больницу, оделся не как-нибудь, а вполне достойно. На нем была светло-коричневая, из тонкой лайковой кожи куртка, черные шерстяные брюки классического покроя и итальянские туфли знаменитой фирмы «Лайф». И сам он, высокий, крепко сложенный, с породистым лицом, еще не утратил руководящего вида. Все-таки сказывалась долгая работа начальником департамента Минсредмаша.

При спуске Яков Лукич начал считать ступеньки. Сначала про себя, а затем вслух. И чем ниже, тем громче, чтобы охранник хорошо его слышал. Тот сидел на стуле и с беспокойством наблюдал за ним. Тупость в охраннике преобладала над наглостью. Это облегчало задачу Якову Лукичу.

– Не может быть! Неужели украли? Ужасно! – воскликнул он, очутившись внизу. Воскликнул как будто бы сам себе, для внутреннего потребления. – Нет, надо еще раз проверить. – И опять потопал вверх, провожаемый встревоженным взглядом охранника.

– Раз, два, три, четыре, пять... – четко неслось над лестничными пролетами. Охранник не понимал, что все это значит. Неизвестность пугала его.

Меж тем по мере возвращения Якова Лукича цифры не только росли, но и звучали все более угрожающе.

– Ага, всего сто шестнадцать. А еще вчера было сто двадцать. Любезный, – сдвинув густые, с легкой проседью брови, обратился он к оробевшему охраннику, – а где остальные четыре ступеньки? Куда они подевались?

У охранника челюсть отвисла, обнажив ряд мелких острых зубов, среди которых тоже была явная недостача.

– Не-не-не знаю, – пролепетал он. – Про лестницу мне ничего не-не говорили.

– Ты договор подписывал? Так посмотри его внимательно. За все окружающие тебя предметы ты головой отвечаешь. Черт знает, чем занимаешься, а государственный объект несет потери. Придется с тобой разбираться! – и, не слушая несвязные оправдания охранника, Яков Лукич отправился в свою палату.

Его соседи, Клим Петрович и Виталий Валерьевич, дремали, сладко посапывая. Сквозь щелястые рамы с улицы просачивался влажный прохладный воздух. Приглушенный

рокот, напоминающий шум морского прибоя, доносился из коридора и ближайших палат. Якова Лукича потянуло ко сну.

Но тут как-то внезапно, с шумом распахнулась дверь в палату, и в ее проеме нарисовалась невысокая, миловидная женщина лет сорока пяти. Она лихо вкатила коляску на резиновом ходу, в которой восседал гладколицый мужчина, незряче уставившийся в пространство перед собой.

Все трое больных, как по команде, из положения лежа быстро перешли в положение сидя со свешенными с кровати ногами. Бесцеремонность сначала ошеломляет, а затем вызывает отторжение.

– Это что еще за явление Христа народу? – с явным неудовольствием поинтересовался Виталий Валерьевич.

Его вопрос так и повис в воздухе, словно перевернутый ручкой вниз серп луны.

– Где здесь свободная койка? Ага, наверное, вот эта, – женщина остановилась у пустующей койки, которая числилась за юрким горбоносим молчуном. – Здесь мы с тобой, Лева, и обоснуемся.

– Но позвольте заметить, – предостерегающе поднял указательный палец Яков Лукич, – у этого больного, хоть сейчас он и отсутствует, в тумбочке вещи, лекарства, да и постельное белье, кажется, свое. А если что-нибудь пропадет? Учтите, вам придется отвечать.

На миловидном лице, обрамленном черными завитками волос, появилась растерянность.

– Что же делать?

– Искать место в другой палате. У нас полный комплект. Правильно я говорю?

Товарищи Якова Лукича дружно закивали головами.

– Но все кругом занято, даже в коридоре. Старшая медсестра меня сюда послала.

Яков Лукич пожал плечами.

– Разворачивайся, Люся. Поедем домой, – тихо и бесстрастно проронил сидящий в коляске мужчина. – Говорил же тебе: зряшна твоя затея с больницей.

Люсю как подбросило.

– Сиди и не чирикай, достал уже! – резко прикрикнула она. И тут же, чуть ли не заискивающе: – Успокойся. Побудь здесь. Я сейчас все улажу.

Не успела уйти, а уже вернулась. За ней вплыла широкая

и большегрудая старшая медсестра. По-хозяйски оценив обстановку, распорядилась:

– Так, тумбочку пока не трогать, постельное белье возьмешь у кастелянши, заменишь и укладывай своего муженька на кровать. Когда, говоришь, операция? Прямо сегодня? Будем его готовить. А вас, – она обратила свой начальственный взор на остальных, и они вмиг притихли, как под дулом пистолета, – прошу не вмешиваться. Кого и куда помещать – это наша забота. Командуйте там, у себя. Иначе выпишем, будете долечиваться дома.

И уплыла, колыша телесами. Мужики и рта не успели раскрыть. Да и что скажешь? В целом-то, как ни крути, она права.

Меж тем Люся быстро обновила постель, притиснула коляску вплотную к кровати и помогла мужу перебраться на нее. Движения у нее были отработаны, как у станочницы, чувствовалось, подобным ей приходится заниматься каждый день. Достав из сумки бутылку с каким-то соком, напоила его. От сдобной булочки он отказался: спать хочу. Повернулся на бок, спиной к Люсе, и чуть слышно стал посвистывать носом.

– Вы уж меня простите за бесцеремонность, – вздохнув, обратилась она к мужикам, наблюдавшим, как ловко и бережно эта миловидная хрупкая женщина обихаживает своего супруга. – Намучилась я, уговаривая его ехать в больницу. И когда, наконец, мы сюда попали, так боялась, что он взбрыкнет и все поломает. А моих сил на следующий заход не хватит. Вот и в палату к вам влетела, даже не поздоровавшись. Извините.

– Ничего, всякое бывает, – снисходительно ответил Яков Лукич, который еще не отошел, как и его товарищи, от стремительного вторжения в их палату нового больного. – А что с ним?

– Последняя стадия катаракты у Левы, на оба глаза. Слепой совсем.

Виталий Валерьевич от возмущения зацокал языком.

– Разве можно так запускать? Природа милостива, дает время, чтобы возникшую эту болезнь подлечить и жить нормально, а вы...

– Да если бы во мне дело, – словно оправдываясь, заговорила Люся, – он же упрямец, каких мало. Год назад вышел на пенсию и намертво прилип к дивану и телевизору. Чуть ли не сутками лежал и пялился на экран, лежал и пялился. С перерывом на курево, конечно. Когда один глаз у Левы стал сдавать, я убедила его сходить в поликлинику, к офтальмологу.

Оказывается, нужна операция. Леву от страха аж передернуло. Какая операция? Зачем? Худо ли бедно, но он же видит! Опять диван и телевизор. Даже на улицу не выходил. Я на двух работах, чтобы дома достаток был. А он только лежит и командует. Первый глаз полностью сел. Я ему об операции, а в ответ ругань слышу. Ты, мол, смерти моей хочешь. Скальпелем в глаз залезут, сердце у меня остановится – вот будешь радоваться. И все в таком духе. Сколько раз я в эту больницу ездила, с кем только ни консультировалась! Хотя путь-то не близок – почти двести километров. Рассказываю ему, ссылаясь на именитых врачей, что никакой опасности для жизни нет, но он твердит свое: ты их подговорила, в капкан меня заманиваете. От постоянной лежки ноги начали сохнуть. Ходить вообще перестал. Я разрываюсь между ним и работой, да еще и попреки взамен благодарности. Дважды удавалось убедить его: надо ехать в больницу. Вроде согласен. С врачами договорюсь, такси закажу. В последний момент бац, бац – и все поломает. Истерики закатывал такие, что готова была бежать куда угодно. Но муж ведь! Жалко. Не бросишь же. Кому он нужен, слепой-то? Все терпела ради него же, дурака. Пока, наконец, мне удалось перебороть...

– А как, как вам это удалось? – почти разом вскричали все трое, пораженные ее рассказом.

– Сама даже не знаю, – призналась Люся, обводя их черными, с искринкой глазами. – Говорят же: вода камень точит. Но для меня до сих пор удивительно, что мы в больнице и сегодня (упросила, умолила!) будет операция. Если б можно было бы за него лечь на операционный стол, я бы давно это сделала.

– Памятник вам, Люся, надо ставить, – не скрывал своего восхищения Яков Лукич. – Сколько в вас терпения, жертвенности! Я думал, что такие женщины уже полностью перевелись. Кругом одни фуфындрышки. Обычно жены, как узнают о серьезной болезни, о предстоящих тратах, сразу к мужикам охладевают. А уж в больнице и вовсе не появляются.

– Ну и правильно, нечего им здесь делать! – тяжело поворачиваясь в сторону Якова Лукича и побряхтывая, заключил Виталий Валерьевич. – Мы же не инвалиды, спокойно без подпорки обходимся. Иммунная система требует напряжения, нагрузки. А коли тебе подставили шею, ты сел, да еще и кейфуюешь, потом вовсе неохота слезать. Хотя от этого сам страдать будешь. Нет, я против подобной жертвенности. Вон, лежит ее

результат, – он мотнул головой на спящего Леву. Тот перестал храпеть, почмокал губами и затих, то ли погружаясь в беззвучные сновидения, то ли прислушиваясь к разговору в палате.

– У меня такое впечатление, – посмеивался Яков Лукич, в чьем голосе привычно звучали победительные нотки, – буд-то я предлагаю скинуться на памятник Люсе, а тебе, Виталий Валерьевич, жалко денег и потому ты ищешь отговорки. Ведь ясно, как божий день, ясно, что без ее забот, настойчивости он так бы и сох на диване и в мумию превратился. А теперь, глядишь, обретет человеческий облик.

– Утку, давай, Люся, утку! И поскорей! – раздалось из-за ее спины.

Она засуетилась, кинулась к одной из принесенных сумок, достала пакет с посудиною и умоляюще глянула на мужчин:

– Прошу вас, выйдите на минутку. Я потом проветрю палату и позову.

Вся троица, пусть с неохотою, но повиновалась, гуськом потянувшись к выходу. Вдогонку доносилось:

– Чего тянешь? Где утка? Вот я тебе врежу, тогда поторопишься.

– Нишкни, агрессор. Дано болеть – умей терпеть.

Походив по коридору, они присели на единственный освободившийся диван – возле туалетной комнаты.

– Сплошное везенье с соседством, – брезгливо поморщил мясистый нос Виталий Валерьевич. – Обложили нас, братцы, со всех сторон.

– Да уж, – Яков Лукич тоже был озадачен. – Слепой, к тому же не ходячий, да еще с женой-сиделкой... Покой нам только снится.

Молчавший до этого Клим Петрович не выдержал:

– Зачем вы все нагнетаете? Привередливость и брюзжание – первые признаки надвигающейся старости. Лучше посмотрите, какая прелестная женщина будет теперь при нашей палате. Заметьте, сколько в ней грации, какие глаза, какая улыбка! Она скрасит нам больничное время...

– ... тем, что будет выносить из-под мужа то утку, то горшок, быстренько выставляя нас за дверь, – с иронией закончил Яков Лукич. – Я просто поражен твоей способностью идеализировать действительность. Умерь свои восторги! Будь реалистом! Для нас наступает пора тяжелых испытаний.

Клим Петрович с силой потер пальцами лоб, словно у него зачесались мозги.

– Странная, Яков, у тебя логика! То ты готов вознести Люсю на пьедестал, воздвигнуть ей памятник, то сам же тяготись ее жертвенностью.

– О, это разные вещи: отдавать должное тому, как женщина жертвует собой ради мужа, и совсем другое – присутствовать при этом. Я предпочитаю принципы в чистом виде, без дурных запахов.

– Что ж, с тобой все ясно, – обиженно проговорил Клим Петрович. – Тогда иди, погуляй на свежем воздухе. Дождь, кажется, кончился.

Яков Лукич, прищурившись, посмотрел на товарища. Присвистнул:

– Ну и ну! Уж не влюбился ли ты? – И, не получив ответа, продолжил: – Только учти, Люся, по-моему, из тех, кто жертвует собой ради мужа, даже если сердце давно остыло, а потом начинает опять любить его, поскольку слишком много сил ему отдано. Впрочем, почти все мы такие: чем больше на что-то тратимся, тем крепче привязываемся к этому.

– Но жертва всегда мечтает сбросить тирана. Разве не так? – возразил Клим Петрович. – Самопожертвование заканчивается ненавистью к тем, кому приносят себя в жертву.

– Как интерес-но! Ни разу я не был свидетелем рождения любовного треугольника, да еще в таком возрасте. Хотя теперь наслаждаюсь, – Виталий Валерьевич оживился, забыв даже о соседстве с туалетом. Подступившая было одышливость сначала сказывалась на его речи, но он легко справился с ней. – Жаль только, что до выписки осталось всего ничего. Упавшее в почву зерно не успеет взойти.

– Будет вам подсмеиваться надо мной, – засмутился Клим Петрович, его кинжальные залысины покраснели. – Сменили бы лучше тему. Кстати, вон, смотрите, к нашей палате знакомая санитарка с каталкой пожаловала. За Левоу, наверное.

Эта санитарка, Наташа, в разное время отвозила каждого из них в хирургическое отделение. Худая, длинная, с рыжими, небрежно торчащими из-под белой шапочки космами, она была угрюма и неразговорчива. Поездка в операционную не очень-то приятное для больных действие, но все же это лучше, чем проводы в последний путь. В такой момент особенно хочется, чтобы медперсонал относился к тебе с пониманием, со-

чувствием, живого общения хочется. Но Наташина душа отгорожена от объектов своего труда глухим забором. Попробовал Клим Петрович, чтобы снискать ее расположение, заявить, что доберется до операционной сам, без мускульных усилий женского персонала, так тут же был отбрит: «Не положено!». Цепкие, сильные руки подхватили его и мгновенно погрузили на каталку. Онемев, он унял свои благородные порывы.

Лева оказался на удивление податлив и бессловесен. То ли он отдал все силы на мысленную борьбу с вмешательством скальпеля в хрупкую структуру своего глаза еще до больницы, то ли осознал глупость и нелепость сопротивления добрым намерениям жены, но он, очутившись в каталке, только произнес полушепотом: «Будь что будет. Скорей бы...» И затих. И сжался, съезжился, на четверть уменьшившись в размерах. Лишь крупные капли пота да бившая тело противная дрожь выдавали его чувства во время операции.

После возвращения в палату Лева слегка расслабился. Полагалось три часа лежать на спине и не ворочаться. Но это такой пустяк! Главное - опасность позади, теперь его жизни ничто не угрожает.

– Ну, вот, мужики, я и отстрелялся, – бодреньким голосом заявил он, слыша шевеления соседей. – Зря мне говорили, будто операция очень болезненная и рискованная. Для меня это, как слону дробина. Предлагал сделать по пути и на второй глаз, но нельзя, боятся. Только через месяца три, говорят.

– Так ты, гляжу, еще и в героин метишь, – с коротким смешком отозвался Яков Лукич. – Хвастаться подвигами, которые не совершал, гораздо проще, чем обеспечить себя и собственную жену, чтобы она не кувыркалась на двух работах.

– Во как! Небось, Люська уже нажаловалась. Ух, я ее!.. – вскинулся, было, Лева, но тут же, вспомнив о необходимости полного покоя, мягко опустил голову на подушку. – Кстати, где она?

Яков Лукич и Виталий Валерьевич переглянулись, без слов поняв друг друга. Что ж, момент еще не наступил. Зачем разыгрывать, волновать человека, которому нельзя двигаться? Яков Лукич резко переменял тон разговора.

– Пошла, наверное, проветриться и задержалась. А тебя быстрее обычного прооперировали. Не переживай, найдется твоя Люсенька.

– Лучше бы она здесь сидела, в палате, – заворчал Лева. – Чего шляться-то? Вдруг мне срочная помощь понадобится?

Да мало ли что. Считай, только-только из-под ножа. К тому же еще и неходячий. В больницу меня брали с условием, что Люся постоянно будет при мне.

– Успокоо-йся. Понадобится, сами хоть медсесе-тру, хоть врача быстренько вызовем, – заверил его Виталий Валерьевич.

Из соседней, восьмиместной, палаты, где подобралась шумная бедовая мужская компания, донесся раскатистый хрипловатый басок:

– С глаз моих повязку сняли,

Стал я соколом глядеть.

Обниму подружку Валю

Я покрепче, чем медведь.

Несколько голосов со смехом подхватывают:

Эх, раз да еще раз

Искры сыплются из глаз.

Перепутал Валю с Машей,

Что подруги моей краше,

Получил такой отпор –

Не забуду до сих пор.

Эх, раз да еще раз

Зря снимал повязку с глаз...

Чадушка, возможно, имела продолжение, но тут вмешалась старшая медсестра:

– Ну-ка прекратите орать! Концерт окончен. Всю больницу мне всполошили. Вот пропишу вам уколы от дурости или по смирительной рубашке на брата, тогда будете знать.

Вяло поспоротивлявшись, певцы сдались.

– Кстати, а когда мне снимут повязку? – после небольшой паузы спросил Лева.

– Завтра, – Яков Лукич зевнул, прикрыв рот ладонью. – Хотя какая тебе разница? Чтобы мимо унитаза не мочиться? Или сутками в телевизор глазеть? Удивляюсь, как Люся тебя еще терпит.

– Эх, ничего-то вы в женщинах не понимаете, – тихая снисходительная улыбка скользнула по гладкому лицу Левы. – Их только на коротком поводке удержать можно. Разбалуеть – пиши пропало. Вот уж где пороки самой природой заложены. Любое послабление, любые поблажки – питательная среда для этих пороков. От женской распущенности страдаем не только мы, но и они сами. А Люсе это не грозит. Благодаря мне она в жестких рамках. Постоянно занята неотложными

делами, ей не до мирских соблазнов. Вот ведь женщины часто клянутся в любви. Правильно? А как проверить, чтобы не промахнуться? Нужны испытания. Не подбрасывает жизнь, нам надо самим их создавать. Чего, например, не любить мужика, если он богат, хорош собой и здоров как бык? Однако убери что-то из этой триады – вот и начнется проверка, извините, на вшивость.

– Ты посмотри, Виталий Валерьевич, какой блистательный теоретик по части женской любви и верности в нашей палате завелся! – с издевкой заметил Яков Лукич, поворачиваясь с одного бока на другой, лицом к оппоненту.

– Почему теоретик? – обиделся Лева. – Для меня только один закон – практика. Зачем болтать, если сам не проверил? А относительно Люси... У нас с ней страсть полыхнула еще лет шесть назад. Да... Это было нечто! Она же красавица!.. К тому времени я овдовел, а Люся, разведенка, жила в семье своей дочери. Вскоре перебралась ко мне. Сама признавалась: каждый день был для нее словно праздник. Любое ее желание я старался выполнять. На руках носил. Почувствовала она себя принцессой. Покрикивать на меня стала. Особенно, когда я ушел в пенсионеры и денег поубавилось. Дальше тянуть было нельзя. Сославшись на болезнь, необходимость в дорогих лекарствах, я предложил ей устроиться на работу. А тут меня еще катаракта прихватила. Расходы у нас росли. Смотрю, не охладевает ко мне. Уже сама вторую работенку нашла. Решил не спешить с операцией. Пусть поупирается. Проверять, так проверять. Прикинулся, будто с ногами плохо, коляску затребовал, чтоб меня возила. В общем, испытывал по всем статьям. Не сбегала. Выдержала. Вот так.

– Ну, и сволочь же ты! – возмутился Виталий Валерьевич и одышливо закашлялся, хватаясь за грудь.

Яков Лукич, который к этому времени из положения лежа перешел в положение сидя, с холодным любопытством, как на музейный экземпляр, взирал на Леву.

– Скажи, пожалуйста, а в тебе хоть капелька любви к жене сохранилась? – поинтересовался он.

– А как же! – воскликнул Лева. – Теперь, когда я в Люсе уверен, когда с ней не боязно даже старость встречать, любовь во мне только окрепилась.

– Ничего не понимаю. – Яков Лукич покачал головой. – То ли ты заблудшее дитя, то ли чудовище.

Лева был озадачен такой реакцией.

– За что вы, мужики, набросились на меня? Я вам душу открыл, хотел поделиться своим опытом...

– Лучше бы не открывал. Последнюю жалость к себе ты убил, – переглянувшись с Виталием Валерьевичем, жестко сказал Яков Лукич.

– Ой, господи, испугали! Жалельщики фиговые... – Лева хотел еще что-то добавить, но тут появилась запыхавшаяся и раскрасневшаяся Люся, с полным пакетом фруктов и пирожков. Увидев прооперированного мужа, она растерялась.

– Так ты уже здесь?..

– Вот зараза! – громыхнул Лева! – Пока болталась черт знает где, меня чуть не зарезали. Вся операционная была в крови. Еще немного – и спасти бы не удалось. К твоей радости.

– Перестань, Левочка, о чем ты говоришь? Как тебе не стыдно! – Люся наклонилась и бережно, краешком губ, подальше от закрывающей глаз повязки, поцеловала его в щеку.

Продемонстрировав соседям свою власть над женой, Лева успокоился. А она стала рассказывать, что больница, оказывается, находится неподалеку от Большого театра, и потом, когда Лева поправится, они обязательно сходят с ним на какую-нибудь оперу: там ведь, главное, слышать, а на остальное одного зрячего глаза вполне достаточно. Через полгода прооперируют второй глаз, тогда и на балет можно пойти.

Наконец, появился и Клим Петрович. По его лицу блуждала потаенная улыбка. Перед этим он на какое-то время задержался в коридоре, чтобы не войти в палату одновременно с Люсей. И все равно то, что с ним творилось, полностью погасить не удалось. Его товарищам сразу все стало ясно. Но они, как настоящие партизаны, ни словом, ни жестом не выдали их общей тайны.

Какой тайны? – может поинтересоваться читатель. Дело в том, что очень уж им хотелось проучить Леву, сбить с него спесь. Рассказ Люси, в который они безоговорочно поверили, настроил их против него. Конечно, никто из этой троицы не отличался ангельским поведением с женами, всякое бывало, но чтобы вынуждать женщин горбатиться на себя, да еще хамить им – нет, такого они допустить не могли. Это было совсем не по-мужски, возмущало их, и они решили по-своему наказать Леву. Пусть он поймет, наконец, что Люся с ним только из жалости, что в любой момент она готова уйти, хлопнув дверью, и ей, самое главное, есть куда и с кем уйти. Поставленный в такие условия Лева, думали они, наверняка изменит свое

отношение к жене. Такова была цель намеченного мужиками розыгрыша.

На роль его соперника Яков Лукич, естественно, предложил Клима Петровича. Кому и заводить «бурный роман» с Люсей, как не ему, весьма к ней равнодушному? Клима Петрович сопротивляться не стал. Конечно, у него жена, хоть они уже почти разведены, хоть такая интрижка ему, в общем-то, ни к чему, но ради Люси, женщины восхитительной, ради ее будущего он согласен участвовать в розыгрыше.

И вот, когда Леву повезли на операцию, Клима Петрович предложил Люсе прогуляться по Тверской. Та глянула на него недоверчиво: уж не ослышалась ли? За последние годы, варясь в котле бытовой суеты, она отвыкла от такого рода приглашений. Затюканность, как ржа, проникает в человека. Внимание постороннего мужчины смутило ее. И лишь когда Клима Петрович, бережно взяв Леву за локоток и по-птичьи склонив голову на бок, повторил свое предложение, она сдалась. Только бы не опоздать к возвращению Левы в палату, а то он страшный шум на всю больницу поднимет, попросила Люся. Клима Петрович твердо заверил: успеем!

Он был коренным москвичом, жил близ центра и знал здесь каждый переулок, знал, где какой музей, памятник или театр, модный салон или выставочный зал. Но тут не размахнешься. Собственный опыт подсказывал ему, как долго длится операция. На это он и ориентировался. Они прошли до Пушкинской площади, посидели в экзотическом кафе «Continent +», где живые откормленные петухи ежечасно оралли свое «ку-ка-ре-ку», чтобы потом, когда проштрафятся, отправиться в разделочный закуток кухни, а оттуда – на стол клиентам в качестве жаркого.

Прогуливаясь, затем сидя в кафе, Клима Петрович с удовольствием рассказывал своей спутнице обо всем, что их окружало, легко смешивая реальные и выдуманные истории. И при этом с обожанием смотрел и смотрел на Люсю, будто старался запомнить ее на всю жизнь. Ей льстило такое внимание, она понимала, что нравится ему.

При возвращении в больницу они договорились, что непременно будут находить возможность хотя бы для кратких уединений. Им еще столько предстояло сказать друг другу!

Естественно, товарищи Клима Петровича сгорали от нетерпения: как складывается подготовка к задуманному ими ро-

зыгрышу? Времени было в обрез, да и раздражение против Левы поднималось неотвратимо, словно кипящее молоко.

Втроем они заняли освободившуюся скамейку в небольшом закутке, который образовался на изгибе больничного коридора.

– Ну, что, все в порядке, все идет по нашему плану? – заговорщически, вполголоса спросил Яков Лукич, сделав ударение на слове «нашему».

– Мне кажется, она тоже равнодушна ко мне, – с удовлетворением произнес Клим Петрович. – Я даже не ожидал, что у нас так ладно сложится.

– Эй, о чем ты говоришь? – возмутился Яков Лукич. – Сколько тебе годков-то? Пенсионер несчастный. Развел тут, понимаешь ли, сантименты... Тебе поручено сыграть сцену, которая вызвала бы ревность у Левы и заставила его пересмотреть свое отношение к Люсе. Вот главное. А ты подлаживаешься под Ромео.

– Ни под кого я не подлаживаюсь, – обиделся Клим Петрович. – И вообще... Это мое личное дело.

Яков Лукич помедлил, остывая. Сухо поинтересовался:

– Ей-то ты хоть открыл карты?

– О чем? А... про розыгрыш... Нет, конечно. Еще нет.

– Вот видишь, – разочарованно протянул Яков Лукич. – А мы на тебя надеялись...

Виталий Валерьевич, который сидел, посмеиваясь и потирая руки, наконец, вмешался:

– Да что вы в бутылку лезете? Спорите ни о чем. Даже хорошо, что у Клима с Люсей симпатия взаимная. Все получится естественно, без натяжки. Лева не заподозрит подвоха, примет это за чистую монету. Ревность в нем разыграет – только держись!

– Я смотрю, вам не известно, чем розыгрыш отличается от всамделишной игры, то бишь реальности. – К Якову Лукичу вернулась обычная насмешливо-ироничная манера речи. – Тогда объясняю. Тем же, чем управляемая ядерная реакция отличается от неуправляемой. Боюсь, что конец этой истории будет совсем не таким, как мы предполагали. Ваши заблуждения могут дорого кое-кому стоить.

Ночью больница затихает. Нет, она не погружается в привычное для нас состояние спокойного сна, а пребывает в зыбком и тревожном, как миганье лампочки во мраке, забытьи. К

ночи человек остается один на один с болезнью, ничто его не отвлекает от этой напасти, ему или вот-вот предстоит операция, или он только что перенес ее. В любом случае беспокойство и боли усилятся, мысли в голове крутятся отнюдь не радужные, и будущее видится в соответствующем свете.

Яков Лукич долго не мог уснуть. Да, слава Богу, нормальное зрение ему вернули, это здорово облегчит, украсит всю жизнь. Завтра-послезавтра его выпишут, а дальше, дальше-то что? Он вернется в свою добротную, пустую квартиру, где его никто не ждет. Приглашенная домработница, кроткая пожилая женщина, уже давно обихаживающая эту квартиру, наведет в ней глянец, приготовит, если он попросит, какую-нибудь еду и оставит его одного. Конечно, в целом-то грех ему жаловаться, как специалист, он достаточно востребован – работает советником президента крупной фирмы по оснащению высокотехнологичным оборудованием ряда ведущих предприятий страны. Человек он вполне обеспеченный. Но все это становится вторичным, когда вдруг, ни с того, ни с сего заплачет, опечалится душа. А такое с ним, увы, бывает. Хотелось бы иметь рядом близкое, живое существо, к которому можно прижаться, ощутить его ответное тепло, которое поймет тебя и разделит твои чувства. В последние годы у них с женой что-то надломилось, разрушилось, они перестали нуждаться друг в друге и поэтому расстались безо всякого сожаления – так по осени расстанутся с деревьями сухие листья.

Перед тем, как лечь на операцию, Яков Лукич подумывал завести пуделя, королевского пуделя серебристого окраса. Он много читал, слышал о собаках этой породы, и всегда поражался их необычайной преданностью, чуткостью и способностью стать неотъемлемой частью своего хозяина, чуть ли не его вторым «я». Это был, пожалуй, лучший выход из того положения, в котором он оказался. Во всяком случае – пока.

Мысли о пуделе, смышленном и ласковом, ублажали Якова Ильича. Сквозь завесу опустившегося дремотного тумана не сразу проник голос Левы, настойчиво звавший свою жену. Обычно она тут же являлась на его зов из коридора, где коротала ночь на разбитом диване. В этот раз он трижды, все громче и напряженней, кликал ее, но безрезультатно. Бормоча какие-то ругательства, Лева сполз с кровати, нащупал стоявшие под ней туфли, сунул в них ноги и поднялся. Дверь в коридор была неплотно прикрыта, и оттуда в палату падала широкая

полоска света. Именно к ней, а не наобум, он медленно, мелким шажком, выставив вперед руки, направился.

Яков Лукич с неподдельным интересом наблюдал за его передвижением. Ага, значит, Лева вполне может самостоятельно ходить. И его второй, не оперированный, глаз хоть слабенко, но все-таки видит. При этом обслуга у Левы круговая – от коляски до горшка. Прикинулся кромешным инвалидом, и пьет кровушку жены. Испытывает, мытарит своими принципами. Как только потом, когда все раскроется, он будет выкручиваться?

Товарищи Якова Лукича по палате безмятежно спали, ничего не замечая. Вскоре уснул и он сам.

Помимо обычных медицинских процедур – уколов, таблеток и пр. – есть в офтальмологической клинике процедура особенная, знаковая. Это – снятие повязки с оперированного глаза. Ничего сложного здесь нет: стандартная марлевая салфетка, защищающая глаз от внешних воздействий, держится лишь на полосках лейкопластыря. Отлепил их – и глаз свободен. Но это – как долгожданно распахнутое окно, как поднятый театральный занавес, ведь за ними скрывается целый мир. Не случайно такой важный момент зрители в театре встречают аплодисментами. Можно представить, каково незрячему человеку, чей глаз или оба глаза пребывали в кромешной тьме, вдруг прозреть, увидеть, сколь прекрасно, замечательно все, что его окружает.

Иногда повязку снимает врач, иногда кто-нибудь из родных, а то и сам больной.

– Ну, что, Левочка, врач занят и разрешил это сделать мне. Сейчас ты снова все увидишь, – с чувством торжественности произнесла Люся. – Ты готов?

– Я мог бы и подождать. Впрочем, ладно, снимай, – мило-стиво разрешил Лева.

Она помогла ему приподняться, положив для удобства подушку между его спиной и спинкой кровати, и стала бережно отлеплять полоски лейкопластыря. Мужики, кто сидя, а кто лежа, внимательно следили за этой процедурой. Наконец, все было закончено. Влажным ватным тампоном Люся осторожно, едва касаясь, протерла ему веко, ресницы.

– Можешь открывать глаз, – сказала она. – Посмотри, ты меня видишь?

Левин взгляд остановился на ней.

– Фу, какая ты стала морщинистая! – вдруг с насмешкой

бросил он. – Совсем забегалась, износилась. Смотреть на тебя тошно. А еще в театр хочешь со мной идти.

Люся вспыхнула, ее лицо покрылось красными пятнами, казалось, она сейчас же набросится на обидчика. Но вместо этого, словно оправдываясь, она стала быстро-быстро говорить о том, что теперь вплотную займется собой, будет покупать французский парфюм, помолодеет, и он снова влюбится в нее. Почувствовав, видимо, насколько ее слова глупы и неуместны, Люся всхлипнула и выбежала из палаты. Почти сразу же за ней последовал и Клим Петрович.

– Во, уже и поклонник у Люськи объявился! – хохотнул Лева. – Прямо по моей схеме получается: ослабил поводок – и женщина готова идти в разнос, вокруг нее клубятся кобели. Ничего, мы это легко поправим. Главное, я теперь хорошо вижу, пусть пока одним глазом. А кто хорошо видит, тот не ошибается.

– Лучше бы ты не видел вовсе, извини, конечно, – с горечью сказал Яков Лукич. И добавил: – Одни дарованное небесами благо используют во благо других, а такие, как ты – во зло. Ох, рассердятся на тебя, Лева, небеса, худо тебе придется.

– Опять пугаете? Что вы за мужики?! Никакой солидарности. Напрасно я надеялся... Ничего, обойдусь. А с небесами как-нибудь сам все улажу. – И Лева демонстративно отвернулся к стене.

С ним Якову Лукичу все было ясно. Во всяком случае, так ему казалось. А вот с Люсей... Весьма странно устроены женщины, размышлял он. Многие готовы стерпеть от мужей своих, хоть дурой их назови, хоть стервой, а вот насмешка над внешностью, тем более прилюдная, да еще подчеркивающая далеко не молодой возраст, вызывает в них бурный протест, отторжение. И не угадаешь, чем это закончится.

Люся, после слез и взятого тайм-аута, была настроена решительно. Достала из-под кровати большую полосатую сумку и стала перекаладывать в полиэтиленовый пакет принадлежащие лично ей вещи. Пакетик получился весьма тощим. Лева, прищурившись, молча наблюдал за ней. Наконец, не выдержал:

– Ты что, обиделась? Ну, и зря. Нечего здесь сцены разыгрывать. Выпишут меня, тогда дома и поговорим.

– О чем говорить? Тобой все уже сказано. – Люся передернула плечами, словно избавляясь от неприятного груза. – Больше твои выходки я терпеть не намерена. С меня хватит.

Дальше лечись, выкручивайся сам.– Накинув куртку, она собралась уходить.

– Мужики, – обратился Лева просительным тоном к остальным присутствующим. – Оставьте нас, пожалуйста, наедине. Буквально на пять-десять минут. Очень надо кое-что выяснить.

Яков Лукич, как и его товарищи по палате, возможно, и не откликнулись бы на Левину просьбу, если бы у них не возникла потребность обсудить все это между собой. Коли уж они отнеслись с участием к судьбе Люси, то негоже теперь, в критический момент, устраняться. Розыгрыш явно не получился. Все пошло наперекосяк, между ними замаячил полный разрыв отношений.

Двор больницы после вчерашнего дождя блестел и переливался. Солнце из сплошной синевы слепило так, что все трое одновременно водрузили на носы темные очки. В лужичах на асфальте с наслаждением бултыхались воробы. Клены и березы вдоль аллеи уже ощущали бурное брожение соков.

– Давай, Клим, посвяти нас, куда клонится чаша амурных весов? Что рушится, что создается? – Яков Лукич приостановился, ободряюще похлопал его по плечу. Был он значительно выше и крупнее товарища, но старался не показывать этого. У Клим Петровича щепетильный вопрос, как обычно, вызвал покраснение кинжальных залысин, приблизив их цвет к его рыжеватой роскошной шевелюре. Выглядел он весьма растерянным.

– Вы же знаете, – заговорил Клим Петрович, – Люся все своему мужу прощала, любую его грубость, любое хамство списывала на болезнь. Мучилась, очень переживала, но держалась. Думала: как только Лева прозреет, а там и ходить нормально начнет, в нем прежние чувства к ней проснутся, и жизнь опять станет замечательной. Так она этого ждала, жетвовала собой, надеялась, а получила...

– Зачем повторять то, что нам уже известно, – нетерпеливо перебил его Виталий Валерьевич. – Ты лучше ответь, чем сейчас обернется их размолвка? И если она от Левы уйдет, то куда? Ведь у нее, насколько я понимаю, своего угла нет. К тебе, что ли? В таком случае заранее поздравляю с победой над жестоким соперником.

Клим Петрович замаялся, тяжело вздохнул.

– В общем-то, я ей это предложил, вернее, пообещал. Но она человек тонкий, прямой, чувствует, наверное, сложность моего положения. Тут пока одного моего желания мало.

– Подожди, подожди, – вмешался Яков Лукич. – Чего ты крутишь? Сам же говорил, что уже около года живешь один, у тебя квартира на Тверской, неподалеку отсюда. Да и Люся тебе понравилась. В нашем возрасте редко карты так ладно ложатся. Или тебя испугал столь стремительный разворот событий?

– В том-то и дело. Слишком стремительный. У меня прямо голова кругом идет. Живу я действительно один, но официально еще не разведен. В суде рассмотрение моего заявления затянули, через неделю обещали рассмотреть. Жена с моими соседками по подъезду в сговоре: вынюхивают, шпионят за мной. Заметят женщину – жди скандала. Жена у меня такая. При разводе всего могут лишить, без штанов оставят.

– Ты сказал об этом Люсе? Уверен, что нет. А она на тебя, конечно, рассчитывает. Ведь ты волочился за ней, оказывал ей недвусмысленные знаки внимания. Так ведь? Зачем вводить человека в заблуждение? – напористо вопрошал Яков Лукич. И поставил точку: – Как истинный джентльмен, ты должен жениться на Люсе.

Отбиваться от него было бесполезно. Тем более, когда так оно, по сути, и есть. И хоть происходило это помимо воли Клима Петровича, без всякого коварного умысла с его стороны, он краем сознания, совсем краешком, легкую вину свою чувствовал. Отсюда возникший в нем локальный зуд беспокойства, который напоминал ситуацию, когда в носке, под пяткой, заведется какая-нибудь твердая крошка, а ты идешь, спешешь, и у тебя нет возможности от нее избавиться. Если совсем уж честно, то он очень не хотел терять Люсю, но еще больше боялся пакостей от истерички-жены, которая сама бросила его, однако причиной, поводом для развода хотела выставить мужа.

И он с радостью уцепился за предложение Виталия Валерьевича, прозвучавшее после жесткой сентенции Якова Ильича. Заклучалось оно вот в чем. А почему бы Люсе, пока Клим Петрович не разведется, не пожить в квартире самого Якова? Ведь он давно в разводе, и может временно приютить Люсю безо всяких проблем. Тем более, что жертвенность Люси привела его в бешеный восторг. Он даже уговаривал их скинуться ей на памятник. Маленькая Люся затеряется в его хоробах

и тихо дождется того дня, когда ее возлюбленный, то бишь Клим Петрович, примчится за ней на белом коне. Сам Виталий Валерьевич с радостью приютил бы Люсю, но ведь он рассказывал, что женат и женат счастливо, так что остается один вариант.

Прозвучало это так неожиданно, что Яков Лукич, привыкший сам во всем задавать тон, проявлять инициативу, поначалу даже растерялся. Воспользовался заминкой, естественно, и Клим Петрович:

– Всего-то на десять-пятнадцать дней. А, может быть, и меньше. Сделай доброе дело, Яша. Не бросать же Люсеньку на улице. В конце концов, если рассуждать по-человечески, мы все за нее в ответе.

– А я вам что, – досадливо отмахнулся Яков Лукич, – директор музея скульптур, чтобы хранить в запасниках чай-то памятник до прихода его владельца? Нет уж, увольте. Во-первых, дама не совсем в моем вкусе. Мне бы повыше и подородней. Во-вторых, я почти договорился о покупке серебристого пуделя королевских кровей. А знаете, какой ему нужен уход? При таком раскладе брать под опеку еще и Люсю – это явный перегруз.

– Всегда во-от так. Гово-орить о чьих-то благо-родных посту-упках всегда легче, чем само-ому их совершать. Твой пу-удель не подо-ождет, да? – перехлест эмоций, хоть вверх, хоть вниз, всегда вызывал у Виталия Валерьевича приступ заиканья. И, пожалуй, не сами слова, а напряженность их произношения подействовала на Якова Лукича.

– Ладно, – согласился он, – жертвой паду за идею. Но только на то время, которое здесь заявлено.

– Конечно, конечно, – обрадованно заторопился Клим Петрович. И тут же с сомнением добавил: – Еще неизвестно, как ко всему этому отнесется Люся.

Спустя два дня Люся перебралась к Якову Ильичу. Вид у нее был усталый, растерянный. Чувствовалось, что она испытывает неловкость от того положения, в которое попала. Сопровождавший ее Клим Петрович, как-то неестественно суется и хлопоча, внес следом за ней большой, старомодный чемодан и вместительную полосатую сумку.

Одна из четырех комнат квартиры служила гостевой. Она и была отведена для Люси. Хозяин, как водится в подобных случаях, все показал, объяснил, вручил запасные ключи от

входной двери и, сославшись на неотложность телефонных переговоров с партнером, удалился в свой кабинет.

– Вот это квартира! Сроду в таких не бывала. Да я за всю жизнь и не видела ничего, кроме «хрущевок». Там две комнаты меньше, чем здесь одна. А какая прихожая, мама родная! – Озираясь на стены, увешанные живописными картинами отечественных и зарубежных мастеров, на дорогую мебель и добротный сложенный паркетный пол из золотистого дуба, Люся постепенно оживала, глаза ее цвета морской воды заискрились, как будто в них упала капелька солнца.словно она после клубного спектакля попала в Большой театр. Любопытство к разительным переменам в окружающем внешнем мире зачастую заглушают в женщинах переживания из-за личных драм.

– А у тебя тоже элитное жилье? – словно попутно, мимолетно, вскользь поинтересовалась она у Клима Петровича, даже не глядя на него. При этом сама тут же навострила ушки, маленькие, розовенькие, в легком обрамлении черных волос.

Клим Петрович улыбнулся.

– Да, пожалуй. Только наше министерство было чуть-чуть послабей, чем у Якова, и не могло себе позволить кое-каких излишеств. Впрочем, скоро сама увидишь.

– Надеюсь, – с легким вздохом произнесла Люся, и в глазах ее на мгновение плеснулось беспокойство. Уловив его, Клим Петрович пообещал ежедневно звонить, держать Люсю в курсе всех своих дел и поспешил откланяться.

Поначалу так оно и было. Он частенько позванивал, а раза два, когда Яков Лукич уезжал, даже наведывался в ее комнату, где теперь во всем ощущалось женское присутствие, царил не приторный, а тонкий и глубокий запах уюта. Удивительно, думал Клим Петрович, откуда у женщины из «хрущевки» такой вкус?

Но спустя дней десять звонки от него прекратились. Както внезапно, враз. Люсю охватили цепкие щупальца тревоги. Что стряслось? Не заболел ли он? Может, случилось осложнение после операции? Первый порыв – самой позвонить ему. И тут же усомнилась: а вдруг у него изменились обстоятельства или он передумал? Тогда получится, будто она навязывается, пытается принудить его выполнить обещание. Нет, она не опустится до этого, пусть хоть земля треснет под ее ногами.

В кутерьме мелькающих дней Яков Лукич все, что касалось последнего разговора с Климом Петровичем и назван-

ных им сроков, в течение которых Люся поживет у него, произвольно отодвинул на задворки памяти. Слишком много навалилось на него дел. Так вышло, что сразу двое знаковых сотрудников покинули фирму. Большую часть объема их работы руководство фирмы попросило его временно взять на себя. Была пора заключения наиболее важных договоров, от которых зависела успешность целого года. Ежедневно он встречался с несколькими матерыми предпринимателями, норовившими хоть в чем-то обвести его вокруг пальца. Напряжение зашкаливало за все мыслимые пределы.

И потому Яков Лукич с особой остротой чувствовал потеплевшую атмосферу дома, неназойливую, необременительную заботу о нем. Оказывается, так приятно съесть по утрам не подогретую наспех позавчерашнюю кашу, а горячие, прямо со сковородки блинчики со сметаной или скворчащий омлет с овощами. Оказывается, так приятно, когда приезжаешь вечером, вымотанный, усталый, а тебя ждет полноценный ужин, приготовленный по твоему желанию. От всего этого он как-то отвык за время своего холостяцкого бытия.

Впрочем, Якова Лукича поражало в Люсе нечто иное, чего он раньше не заметил, не разглядел. Она вообще была вовсе не такой, какой представлялась ему из наблюдений в больнице. Ее словно подменили. Резкость, грубоватая напористость в ее манерах, суждениях уступили место мягкости, легкости, а порой даже утонченности. Словно над ней, над ее характером поработал талантливый скульптор, сумевший буквально на глазах добиться такого превращения.

Однажды, когда Яков Лукич вернулся домой, то обнаружил, что Люся собралась уезжать. Старомодный чемодан и полосатая сумка уже стояли у порога. Сама она была печальна и тиха. Черные волосы струились по плечам, а слегка косящий взгляд уплывал в неопределенную даль.

Для Якова Ильича это было полной неожиданностью. Жизнь Люси рядом с ним, хотя в каком-то странном качестве, вполне устраивала его.

– Что-нибудь случилось, мадам? – шутливое обращение помогало ему скрыть замешательство. – Может, я чем-то не угодил вам?

– Нет, что вы! – искренне возразила она. – Я очень, очень благодарна за ваше гостеприимство. Но пора, как говорится, и честь знать... Клим Петрович уже давно не звонит, ясности никакой, хотя он сильно меня обнадежил. Теперь надо мне са-

мой о себе подумать. Поживу первое время в семье дочери, правда, там теснотища страшная, а дальше видно будет.

– Никуда я вас не отпущу, тем более на ночь глядя! – решительно заявил Яков Лукич и, подхватив Люсины вещи, отнес их назад, в ее комнату. На слабые возражения Люси он пообещал, что свяжется с Климом Петровичем и выяснит, в чем причина его молчания и почему он морочит ей голову.

– Только, пожалуйста, поделикатней, – попросила Люся. – А то он подумает, будто я напрашиваюсь, будто мне вообще некуда деться.

Клим Петрович находился в трансе. Жена, поскандалив с изменившим ей любовником, осталась в своей квартире одна, жила в отданной ей мужем другой квартире. И, будучи брошенной и разъяренной, всячески препятствовала разводу. Накапливая при совместной жизни движимое и недвижимое имущество, люди обычно не думают, что когда-то, возможно, его придется делить. Процесс этот, если к нему разумно не подготовиться заранее, может быть драматичным и бесконечным. Устав от бредовых претензий жены, которая всего получила от него вдосталь, Клим Петрович ушел в глухую защиту в надежде, что она скоро остынет, уgomонится. Вот почему, объяснил он Якову Лукичу, задерживается переезд к нему Люси.

Конечно, надо было рассказать ей обо всем этом, но как-то неудобно, лучше уж потом, когда ситуация прояснится.

– Ну, братец, и мастак же ты творить неприятности своими недомолвками! – выслушав его, упрекнул Яков Лукич. – И прежде я замечал за тобой такой грешок, и сейчас. Сам от этого страдаешь, ну, так тебе поделом, а окружающие за что? В какое положение ты Люсю поставил? Про себя-то уж ладно, молчу.

– Получается, кругом я один виноват, да? – не выдержал Клим Петрович. – А кто затеял этот дурацкий розыгрыш, откуда все и началось? Кто стал манипулировать мной, как подсадной уткой? Все пользуются моей доверчивостью, уступчивостью.

– Ах, бедняга! Прямо по Пушкину: «Ах, обмануть меня не сложно – я сам обманываться рад». Любишь ты подавать надежды, осуществление которых возлагаешь потом на других. На тех, кому эти самые надежды подаешь. Признайся, тебе было бы приятно, если бы Люся с присущей ей настойчивостью стала бороться за тебя и попутно решила все проблемы с твоей женой. Вечные недомолвки и легкость в подаче над-

ежд – по сути, родные сестры. Их объединяет главное – останавливать поезд на полпути.

– Раз ты такой умный, – почему-то обиделся Клим Петрович, – мог бы и сам догадаться, как все сложится. А теперь по существу. Люсин телефон у меня есть. Когда все прояснится, я ей позвоню. Привет.

Когда Яков Лукич сообщил Люсе о своем разговоре с Климом Петровичем, то заметил, что ничего иного она и не ожидала. И все-таки ему удалось убедить ее не торопиться с окончательным решением. Пусть поживет здесь, площадь квартиры позволяет, у него большая библиотека, книги на любой вкус, он знает, как помогает чтение, когда переосмысливаешь свою жизнь. Да и вообще, любую паузу надо использовать с толком. Чтобы обновить кое-какие ориентиры, увидеть что-то новенькое на горизонте и, набравшись сил, идти дальше.

Предлагая Люсе еще пожить у него неопределенное время, Яков Лукич не сразу сообразил, что сам забрасывает ей удочку относительно собственной персоны. Хоть косвенно, однако, забрасывает. И она это поняла раньше него. Вон как взглянула: заинтересованно и даже, пожалуй, оценивающе. В ответ и он по-иному увидел ее: легкой, изящной и без единой морщинки. Ну, и слепец, ну, и дурак Лева, подумал он, сморозил тогда глупость и потерял такую женщину. О Климе Петровиче ему и вовсе не вспомнилось.

Они были не настолько молоды, чтобы с порога бросаться в объятия друг друга, но и не в таком возрасте, когда это исключено. Мешал, путался под ногами и груз прошлого. Отношения между ними напоминали прохладную воду при ясном небе и умеренном солнце: температура ее хоть и медленно, но неуклонно повышалась.

В работе Якова Лукича период замотки, бешеных перегрузок уступил место ровному и плавному течению. Он уже не только приходил домой засветло, но и мог свободно распоряжаться субботними и воскресными днями. Они много и с удовольствием гуляли, ходили на концерты, в рестораны.

Как-то ей позвонил Клим Петрович и радостно прокричал: «Люся-Люсенька, я полностью расквитался с прежней жизнью и теперь полностью принадлежу только тебе!» – и замер в ожидании ее восторженной реакции. «Увы, Климушка, я долго ждала. Теперь все кончено. Извини», – без сожаления заклю-

чила она. На том их скоротечный роман, начавшийся в палате N7, оборвался.

Однажды поздним летним вечером они с Яковом Лукичем возвращались пешком из театра. Яркий уличный свет застилал небо, звезды таяли в белесой дали, редким прохожим доставалось лишь слабое ощущение их незримого и вечного присутствия. Тихая, необъяснимая грусть витала в воздухе. Ему вдруг захотелось сделать что-то необыкновенное. Сделать Люсе предложение. Именно здесь и сейчас.

Из кафе на углу чуть слышно доносились чарующие звуки любимого им в юности вальса из кинофильма «Мой ласковый и нежный зверь». Он легко, как пушинку, подхватил ее на руки, она прильнула к нему, и они закружились в ритме полной драматизма мелодии. «Я чувствую себя настоящей принцессой», – чуть слышно произнесла она. Что-то, связанное слевой, вдруг кольнуло его в сердце. Он едва не уронил Люсю. Но, смахнув, словно паутину, тень прошлого, закружился снова. Только в обратную сторону. Невольно получилось почти по Шекспиру: «Круженьем вспять круженье прекращают...».

Обогнавшая их молодая пара остановилась и заплодировала.

ПОЭЗИЯ

Михаил РОГОЖИН

СТИХИ

ПЛОВ

из сует
мелочей
нас восхищая,
в параллель нирваны
себя- и плово-постижения асаны...
Истома сентября... Хрустальность тишины
незыблема, как в кратерах луны,
вневременна
и дальше жаждет длиться,
и жаждет, очень жаждет перелиться
из русской
тары в тюркские чаны.
Вселенская любовь
для обмасштабовленья.
Несуетно, тепло,
размеренно движенье
летающего листа.
Как странны сны
у этой жизни: торжища,
майданы, мельканье монохромных миражей,
желанья, обещанья, тайны, планы,
и все скорей, скорей, скорей.

Скорей от них
лететь
меж стенок желтой глины,
туда, где плавится асфальт Кара-Дюбе
в небесном мареве, и встречные машины
тебе гудят в последний раз на вираже...
А здесь глаза
открыть, узреть
миротворенье,
проснувшись,
вынудиться из бега
и страны,
сосредоточиться,
остановить движенье,
услышать свет,
коснуться тишины,
почувствовать,
ЧТО
жизни есть
основа.
МИР
Вам,
собравшимся у плова,
ради плова!

***

*В Японии существует Праздник Золотых рыбок,
раз в году некоторых из них выпускают на волю.*

Новый праздник на волю
отпущенных чистых страниц
пишет белыми перьями глаз
не в иллюзиях магия влаги –
в тонких каплях,
в них
смерть геометрии...
падая ниц, углы обретают движения Каа
Великие Наги.

Вся суть глубины – растворенье
в мазке неоконченной кисти,
что чужд той ненужной условности
так и...

не
ожившей в бумаге;
в нем Дао – как пруд без кругов,
поглощающий камешки-мысли,
и время, как свет на весу,
подраспущенный в пыльные тяги.
Под веткой цветущей сознания
Не хаос, а лишь Не-форма,
кружат лепестки-желанья,
для них исключения – норма.
Законы? – да: часть мироздания.
Но Целое – не в сумме части.
Чистых страниц обещанья –
Улыбка
и знак
Высшей Власти...

***

БООМ

...желание зеленого отрывает глаза
от серого зноя дороги
и забирает в горы,
туда,
где нет распаханного...
чернеющая коза
уводит баранов нечесаных,
как пену в плотинные створы,
в ущелье
и дальше... за...
где умирают заборы,
где заведенный зуд
находит зацепку свежести
в цветущем осадке лета,
где горы бессмыслят молчанием
любой человеческий труд,

где больно глазам в осязании
небесного синего света

***

Свеча – кто больше,
жертва или жрица?
И дым струящийся
вдруг в знак вопроса свит,
и тщится с телом тень
в огне развоплотиться
под святки освященный суицид,
не обезболенный, как сквозь запястье спица.
А тень сильна: беснуется и рвет.
Волнуясь, дергается пламя.
Святая кровь сечи течет на блюдца лед,
Футуристично структурируясь лучами,
где будущность еще прелюдией живет,
но безусловен воск –
застывший рок над нами.
Все дальше «SOS в аду» гадать
Где ЧЕТ – НЕЧЕТ.
Печать шести углов мы поломали сами.

***

Синдром любви, люмбаго мозжечка,
курок взведен.
В моей крови мистерия щелчка
и стылый звон.
Чужих окон слюда, бездумный свет,
дым сигарет, вода, смех, пьяный бред.
Глаз тянет на юру
искать приют – смерть схимны на миру...
где подают.
Огонь свечи ведет, покуда мрак...
Тот, кто меня убьет – совсем не враг.
Как уберут огонь, смотри вокруг: друг за тобой
идет иль мот
из касты слуг.
Желание ствола сказать свой слог,

Ни держать, ни ревновать я не смею.
Но, что хочешь попроси: все сумею.

***

Ноябрь – Завтра!
А у нас такие лета,
что чайкой хочется сорваться в Каджи-Сай,
как, помнишь, в юности на пляже...до рассвета
под тентом в дрему выпадая невзначай,
и не от холода в воде нагое тело
дрожит, на коже светится луна,
волна накроет... и кому какое дело –
Ведь мы одни
И жизнь
И жизнь
Одна...

***

Волокна недосмотренного сна
ко мне все тянутся обрывками тумана.
Рублем стальным замешкалась луна
на сгибе узкого небесного кармана.
Сирени цвет, как будто в январе,
лежит сугробами
на тонких пяльцах веток.
Лист озорной росой лизнул висок –
след остающихся с тобой надолго меток...
Чужой район, она, забытый палисад,
внезапный дождь,
как ею – ход весенний –
укрылись, весело
луны нахальный взгляд
открыто пялится на яркие колени.
Глаза в глаза,
сердца не в унисон,
дыханий ток,
сминается пространство,
и культивированной лени постоянство

уходит, как ситро в сухой песок.
В разрывах туч
бездонный черный лак,
в сгущеньях туч –
вода и
звон озона
газона бритого зудит, и
мокнет лоно,
гроздьями звезд пробит в созвездье рак.
Сирень шалеет в ласках теплого дождя
и щедро делится вокалом и
слезами,
сирень в литровой банке на два дня,
а эта ночь без края,
как мы сами...

***

В глаза внезапно бросится
Берез чертополошица.
По горизонтам черная,
От низа к верху белая,
И небо сине-томное
Через листву незрелую.
Ручья стекло колотится,
Из русла тщится выбиться.
Березки заполошные,
Как мне за зрелость выбраться?
Берез чертополошица
Навечно в зимнем жанре.
Кукушка вслед мне косится,
как собираю камни...

Алтынай ИМАНБЕКОВА

СТИХИ

АЭРОПОРТ «Манас»

Три утра,
выход «А»,
аэропорт «Манас»,
рейс встречают
из Москвы.
Мальчик
маленький Самат
лет, наверное, шести
рядом с бабушкой
стоит,
маму с папой
ждет малыш.
он апуле¹ говорит:
- Ну, когда же,
ну, когда же
прилетит наш
самолет?

Тоже зал,
этаж второй.
Посмотрите,
вот семья –

---

¹ апуля – апа (кырг. бабушка), апуля – буквально - бабуля

мама, папа,
сын и дочь.
Улетает мама
в ночь,
в непонятную Москву.
Папа сыну говорит:
- Плакать стыдно,
ты большой,
год тебе уже
восьмой.
Только вот
сестренка плачет,
ей четыре,
маму держит,
не пускает,
крепко-крепко
обнимает.
Может, год,
А, может, больше,
их разлука будет
длиться.

Там, внизу,
мне как-то лучше.
Три утра,
Выход «А»,
счастливые лица
у встречающих
и прилетевших
из далекой
из Москвы.

БИШКЕК

Дочь с одной
стороны,
а, может, невестка,
внук лет десяти –
с другой.
Женщину ведут

под руки,
а лицо у нее –
«нежилец».
Может, месяц,
чуть больше,
чуть меньше
осталось...
Серо-пепельное лицо.
Замечаю: над ним
Непонятное что-то витает.
Ускоряю шаги.
Голая осень.
Нежная, ласковая,
для кого-то
последняя...

НЕЗВАННАЯ ГОСТЬЯ

Где-то близко ходит
Смерть,
на неё бы мне
не смотреть,
но она всё время
рядом
и пугает странным
взглядом.
Как её мне
избежать,
как бы молча
убежать?
Дышит мне в затылок –
тихо.
От неё немеют
пальцы,
стынет в страхе моё
сердце,
не дожидаться мне
утра.
В пять еще
не рассвело,
тихо в доме

и темно,
нависает надо мною
Смерти
грозное лицо.
Даже страшно мне
вздохнуть.
Тень скользит
вверху стены.
Свет включаю тут
и там.
И гоню все тени
прочь.
Как всё это
Превозможь?

А вдали звучит
Азан.¹
Про себя молюсь...
Аминь.
Отпустило.
Рассвело.
Но, ведь вновь
наступит вечер...

РОДНОЙ ЯЗЫК

Зеленый город
мой Бишкек,
цветет сирень,
цветет урюк.
Два года не
была я тут,
забыла я
родной язык.
Вот еду я
в маршрутке,
и слышу, как две тетки
трещат по-кыргызски,
как трещотки.

---

¹ азан (араб.) - призыв к молитве

Одна смуглянка –
веснушчата
от солнца жгучего,
в платке.
Другая белая,
с золотыми зубами.
Маршрутка грязная,
дорога ужасная,
но разве это беда?

Я слышу
их болтовню,
какие-то сплетни:
про свадьбы, той,¹
кто сколько гектаров
посадил сои,
какой же получил
калым² сосед,
теперь готовит
он гордо сеп³.

Я слышу их...
Весна,
от удовольствия
закрыла я
глаза...

МОЙ ГОРОД

Мой город замер
в предвкушении дождя,
весна холодная
и тополинный пух,
как снегопад.
И тишина...

---

¹ той (кырг.) – пир, застолье, торжество

² калым – выкуп за невесту на Востоке

³ сеп (кырг.) – приданое.

Одиннадцать утра.
Нет никого.
Одна сирень качается,
дурманя.

А там, вдали, виднеется
мечеть.
А рядом с ней –
киоск обычный,
внутри тандыр¹
и в нем лепёшки
волнующе горячи
и свежи.
И женщина, торгующая
ими,
сурова,
в цветном халате
и в платке.

А вот старик –
в калошах,
с куцею бородкой,
спешит в мечеть,
под мышкой
держит коврик
для молитвы.

И прозвенел
звонок
в соседней
школе,
и высыпала детвора,
жующая,
кто пирожки,
а кто лепешки...

Мир не стоит
всё движется,
лишь на мгновенье

---

¹ тандыр – печь, жаровня.

всё замерло вокруг.
Оцепенело...

Мой город
в ожидании
дождя, и
пахнущий
лепешками,
и с тополиным
пухом,
летающим
повсюду.

ОТРЫВОК ИЗ ЭПОСА «МАНАС» СКАЗИТЕЛЯ ЖУСУПА МАМАЯ

в переводе на русский язык

Светланы СУСЛОВОЙ

СЛОВО ПЕРЕВОДЧИКА

Говорят, сказителями-манасчи рождаются, и однажды во сне такого избранного осеняют видения прошлого, сам дух Манаса призывает человека начать великий Сказ о былом, помогает ему обрести творческий талант сказителя. Это может произойти совсем в юном возрасте будущего манасчи.

А вот чтобы стать переводчиком бессмертного эпоса, надо пройти огромный путь длиною, скажем, в полвека. Путь литературного творчества, полного познаний, взлётов и падений, прозрений и сомнений, путь единения не только со Словом, но и с национальным колоритом, духом, философией народа, родившего вечное могучее устное поэтическое произведение.

По крайней мере, именно без малого пятьдесят лет назад мы с классиком кыргызской письменной литературы Аалы Токомбаевым вели первые беседы о Манасе, о великом народном эпосе и его сказителях. И, конечно, о попытках перевода этого произведения на русский язык, не очень удачных, на взгляд классика, растерявших ритм, прелесть и аромат народного сказания. Нет, он не винил русских переводчиков, среди которых были его друзья, признанные мастера слова, скорее он сетовал на принципиальную несхожесть двух языков: в кыргызском языке синонимический ряд представлен скорее внутренним смыслом, наполняющим слово в зависимости от его окружения и цели повествования – так подсолнух поворачивается к солнцу; в русском же этот ряд

развёрнут наружу и дополнен схожими по смыслу самостоятельными словами. Это, по сути, природная несхожесть интроверта и экстраверта. Аалы Токомбаевич говорил, что каждое слово кыргызского языка напоминает калейдоскоп, что ускользает от взгляда переводчика, считающего только верхний слой смысла, обрекая его работу на метафорическую бедность. Гораздо более он негодовал из-за различного рода «редактур» эпоса, особенно «идеологических», вымаравших из бессмертного произведения немало исторических свидетельств древности национального бытия.

Как мне жаль сегодня, что тогда, во время наших неспешных вечерних бесед за чашкой чая, я не вела ученических конспектов! Но слова народного поэта так легко ложились в память, так откликалась на них душа, что казалось – эти знания уже навсегда во мне. Надо сказать, что сам Аалы Токомбаев помнил неисчислимое множество глав великого эпоса, очень артистично мог прочесть их...

Однако вернёмся к переводу эпоса «Манас», о коем лично я мечтала еще с тех незабвенных семейных чаепитий. Но сначала мне надо было пройти огромный путь – от ученика до мастера. Я начинала этот путь с лирики молодых и ведущих поэтов Кыргызстана, с публикаций в периодике, в толстых и тонких журналах. Вскоре мои переводы уже вошли в солидные сборники корифеев кыргызской литературы, издаваемые и у нас, и в Москве – Аалы Токомбаева, Алыкула Осмонова, Абдрасула Токтомушева, Сооронбая Джусуева, Майрамкан Абылкасымовой, Мусы Джангазиева, многих других; затем я стала переводить полностью книги классиков нашей литературы, и не только поэтическую лирику, но и объемные произведения: поэмы, романы в стихах. Переводила произведения и представителей других культур: персидской, арабской, уйгурской... Список переведённых мною на русский язык поэтических книг моих коллег по перу уже перевалил за второй десяток.

Вот, вкратце, путь к переводу величайшего устного сказания кыргызского народа. Сама судьба свела меня с патриотами родной культуры, решившимися не только записать и опубликовать на кыргызском языке восьмитомник сказителя эпоса «Манас» Жусупа Мамайя, чей столетний юбилей празднуют ныне в Китае, но и затеять перевод этого величайшего произведения на русский язык.

Этот вариант эпоса читается, как дышится: неторо-

пливо, с погружением в философскую и мистическую подоплеку событий, явлений, характеров; неспешно раскрывая суть, базис культурных ценностей, на которых возрос этнос, переродился в единый народ со своим неповторимым укладом, своим взглядом на мир и свое место в нём. Это художественный яркий документ огромной эпохи, своими корнями уходящий в глубокую древность. Обилие имён, географических названий, исторических событий – та основа, на которой могут вырасти множественные научные изыскания ученых-историков. И это ещё одна дополнительная ценность сказания.

Некоторые кыргызские слова, которые действительно, подобно калейдоскопу, содержат в себе множество грани-значений, вспыхивающих развёрнутой метафорой для знающих с рождения язык, я оставляю в тексте, разъясняя сносками весь ряд значения, чтобы русский читатель мог представить ассоциативную наполненность переводимой фразы. По моему мнению, этот приём в какой-то мере сохраняет в русском тексте аромат оригинала.

Особо хочу сказать о ритме произведения. Он – живая пульсация сердца огромного бессмертного существа. В него трудно войти и ещё труднее – вырваться из его потока. Все эти многие месяцы работы над переводом эпоса «Манас» я не могу написать ничего другого – даже шуточного поздравления в стихах коллеге. Я словно живу в другом временном измерении.

Вначале было очень трудно технически выразить столько информации, используя рифменные и сплошные рифмы, да ещё обязательно ударные, «мужские» в конце довольно короткой строки, что абсолютно несвойственно русской поэзии, любящей перемежать «мужские» и «женские» рифмы. Оказывается, невозможное возможно, что и доказывают уже переведённые мною более девятисот страниц.

Главный двигатель в этой огромной и невероятно интересной работе – любовь к эпосу. А это, мне кажется, очень и очень важно.

Светлана СУСЛОВА
сентябрь 2016 г.

ЖЕНИТЬБА МАНАСА НА КАНЫКЕЙ

Дома долго Манас не мог
Усидеть – вечный зов дорог
В кровь вошёл, и родной порог
Намекал: я – всего исток.
Он томился, искал дела.
Мысль одна вдруг к нему пришла.
Абдылду он к отцу послал,
Чтоб Жакыпу тот рассказал,
Что в одну из случайных встреч
Голова его сына с плеч,
Хоть незримо, слетела вмиг:
“Всё тебе объясню, связник!
По дороге в Маңгыт родник –
Помнишь, рыскали? – горы встык,
Ни речушки, ни родника...
У Букара до озера
Как добрались – до Алакёл –
Пробираясь сквозь чий, укол
Прямо в сердце почуял я:
Там девица, печаль тая,
Так глядела мне в душу! Боль
Этой встречи ношу с собой.
Расскажи всё отцу: пусть он
Сам узнает – каких племён,
Чья она, кто её родня
И достойна ль она меня
По рожденью и по уму?
Да, – так в жёны её возьму!”
Абдылда отвечал, хитрец:
“Знаю, знаю... Её отец –
Каракан – богатырь, купец,
Был отец у него мудрец,
Да и дочка – в округе всей
Мастерицей сльвёт, за ней
Ходит слава как будто тень,
Незнакомы ей ложь и лень.
Каракан – самый старший брат.
Про него ещё говорят,
Что, мол, младший брат – Темиркан –
Был отцом этой деве дан,

Но забрал её старший брат...
Только мало ль что говорят!
Я пойду к богачу-отцу
Вижу по твоему лицу,
Что любовь пришла к молодцу,
Надо дело вести к венцу!
Коль по нраву Жакыпу весть –
То нескоро я буду здесь:
Сразу, в полдень, рвану туда,
Где сияет твоя звезда...”
Абдылда к Жакыпхану в дом
Вхож был словно родня; притом
Шёл он, вестью такой ведом,
Что от важности вырос он.
Поздоровался и воды
Выпил – чтобы без суеты
Весть озвучить; ещё смолчал
И потом уже речь начал:
“Хан-ата, олуя... Манас
Попросил потревожить Вас
И просил передать рассказ,
Чтоб отец его сердце спас.
Говорит, что в Букаре он
Встретил девушку... С тех времён
Он не может ни спать, ни есть –
Вот такая-сякая весть.
Просит он, чтоб по чести честь
Всё узнали Вы: кто, мол, есть
Мать-отец у неё, каков
Дом, доход, из каких слоёв
Дева – в свете хороших слов
Он жениться на ней готов.
Накылай из калча – жена
Никакая ему она,
Из калмыков же Карабёрк –
Как от воина – есть там толк,
Но о муже заботы в ней
Нет ни капли, ей конь родней!
Пусть узнает отец – просил
Сын, – “достанет ли в деве сил
Быть хорошей, мол, мне женой,
Если ровня она со мной...”

Говорил он ещё, чтоб Вы
Поспросили бы у молвы,
Но не веря советам злым:
Как посватать, каков калым,
Если вдруг не хватает средств,
Не побрезгует пусть отец
Взять у сына коней, овец, –
Пусть забудет, что он – гордец:
Слишком миссия, мол, важна,
Ведь решает судьбу она:
Если, мол, по душе жена –
Век ведь будет мила, умна.
А ещё твой сын говорит:
Пусть отец красивый кийит
Сам подыщет для сватовства...
Вот такие свои слова
Попросил передать Манас.
Что ему передать от Вас?”
Покачал головой Жакып.
Видно, новый судьбы изгиб
Он не ждал уже много лет.
Тотчас кликнул Бакдёолет,
Повелел Абдылде кумыс
Принести, и слегка завис
В своих мыслях; успев сперва
По хозяйству сронить слова:
Чтобы чай с родниковых вод
Был у гостя, казы и мёд,
И арак... – в общем, весь почёт
Обеспечили гостю влёт.
Посидели. Беседа шла
Очень вяло, лишь пиала
Не ленилась у Абдылды.
Но Жакып, не вкусив еды,
Но напившись зато воды,
В руки взял, наконец, бразды
Их беседы: “Сыскать следы
Этой девушки сможешь ты!
Ну, подумай сам, Абдылда!
Ты ведь с сыном ходил туда,
Значит, сможешь и мне помочь
Разузнать – чья же дева дочь;

Ты – почителен, храбр и быстр,
И умён, как лесная рысь:
Об огне узнаёшь от искр,
И не носишь в душе корысть;
Кто же, кроме тебя, ответь,
Мне поможет везде успеть?”
“Не поеду – обижу ведь”, –
Абдылда только мог краснеть
От похвал хан-ата, ведь впредь
Быть другим он не мог посметь.
Вскоре выехал он в Букар.
От Белсаза – верхом. Без пар
Редко ездили все чоро,
И тревога вползла в нутро.
Армак его – Карткүрең –
Шёл легко, не смущался он,
Что кийики со всех сторон
Так и брызжут, пятная склон.
Всадник глазом на них косил
И терзался что было сил,
Даже бил иногда коня,
Лишь прибавив в ходу огня.
Мимо сёл он спешил, и в них
Не заглядывал – ждал жених.
Кто ещё был бы эдак лих?
Мимо всех ложбин заливных,
Через тёмный заросший лес,
Через горы, что до небес
Гордо вносят свои снега,
Сквозь пустыни и сквозь луга,
Мимо синих озёр – мирка
Птиц, что селятся здесь века,
Мимо доблестных битв бугу,
Что теряют жизнь на бегу,
Мимо селей, крутых плато...
Кто ещё мог бы эдак, кто?
Абдылда был в поту и конь.
Даже прежде, в пылу погонь,
Так не мчались они, – и то
Столько длится погоня? – кто,
Кто ещё мог бы эдак, кто!?..

Человеческое гнездо
Распознаешь издалека,
Ведь стараньями ветерка
До коня и до седока
Вдруг доносится вкус дымка:
Где-то варится мясо, нан
Возложили на достархан...
Абдылда это место сам
Вспомнил: доблестный Каракан
Меж горами и степью, здесь,
Где двух рек голубая смесь
Кормит озеро, – клан свой весь
Поселил с давних пор доднесь.
Вечер сил набирался, креп.
Остывал на тандырах хлеб.
Каракан, как и весь народ,
Жайнамаз постелив, исход
Дня молитвой венчал, чтоб свод
Завтра вновь подарил восход, –
День заканчивался светло.
Иноходью вошёл в село
Абдылда; среди всех сельчан,
Был им выделен Каракан:
В жизни кто его ни встречал,
Взглядом сразу же отмечал
Гордость, силу души и мощь –
Что положено, то возьмёшь.
Абдылда привязал коня,
Поздоровался, как родня –
Дружелюбно и не спеша,
Мол, открыта моя душа.
Каракан отвечал подстать,
Страже тут же кивнув: принять,
В дом с почётом вести, – как знать,
Кем прибывший нам может стать.
Стража мига не стала ждять:
Целой дюжиной исполнять
Тут же бросились нарасхват:
Стол накрыли, и жеребят
Самых жирных свалив, в котёл
Мясо бросили; щедрый стол
Без того был заставлен сплошь:

И еды, и питья! – солжѣшь,
Если скажешь – размах царя,
Ведь корыстны цари, даря;
Здесь же чувствовалось родство,
Душ бесхитростных естество, –
Так что, видимо, сватовство
Обещалось быть таково,
Как замысливали умы...
Пусть пирует же гость, а мы
Вспомним милую Каныкей,
Каракановских свет очей,
Обернувшись на время к ней,
Вкусим духа её страстей.
Только мчал, торопясь, сюда
С поручением Абдылда,
Как уже Каныкей, в шатре
Сидя, – шелковым, но в хандре, –
Вдруг услышала стук копыт:
Явно ехал сюда джигит –
Иноходью бежал скакун...
“Благородных кровей, бегун...
Здесь в Букаре один табун
Мог тулпаром похвастать, – кун
У таких лошадей высок...”
От волненья заныл висок.
Резво на ноги встала вмиг,
Подбежала к дверям; возник
В голове у неё тотчас
Образ только один: Манас...
“Ах, Манас, молодой джигит,
Сердце девичье так болит,
Может, эту расслышав боль,
Ты вернулся на Алакёл?
Ах, я жду тебя столько дней!..”
...Удалось только в щёлку ей
Подглядеть, кто же тот герой,
Что вечерней уже порой
К ним приехал: скакун был сед,
Туго хвост был завязан – след
Битв привычных, больших дорог...
Привязал коня паренёк
И к отцу её на порог

Так спокойно взошёл – высок,
Строен, крепок, богатый тон...
Каракану отдал поклон,
В дом вошёл с ним степенно он;
Слуги шустро со всех сторон
Суетились в дому, вокруг...
Каныкей наблюдала; стук
Её сердца – казалось ей, –
Заглушал голоса людей,
Но беззвучно текли из глаз
Слёзы, чистые как алмаз,
И в груди светлячок угас:
“Видный парень... Но не Манас”.
Абдылда отдохнул два дня.
Пока спал он, азан, звеня,
Дважды звал весь народ – мулла
Пёкся так о душе села.
А на третий азан сурна
Вслед запела; и не до сна
Стало тут Абдылде: бегом
Он умылся и кушаком
Подпоясавшись, бодряком
Поспешил к Каракану в дом.
А навстречу, зари алей,
Бусы трогая, Каныкей
Проплыла вдруг: ресницы вниз,
Шея белая, как кумыс,
Шёлк одежды струится вниз;
У палатки застыла близ,
Словно чем-то смутил кыргыз;
Напряглась, как на ветке рысь,
Чётки стала перебирать:
“Как подслушать бы... всё узнать...”
Ну, а наш Абдылда–герой
Не сумел восхищенный свой
Спрятать взгляд, и с таким лицом
К Каракану вошёл он в дом.
Поздоровались. Жайнамаз
Не свернув, Каракан тотчас
Слуг созвал и отдал приказ
Стол накрыть, как и в прошлый раз.
За столом уже сидя, он

Расспросил Абдылду – про сон,
Отдохнул ли за эти дни,
Про здоровье – его, родни,
Подойдя, наконец, к тому,
С чем приехал гонец к нему:
«...Издалёка, гляжу, сынок,
К нам пожаловал: пыль дорог
На твоём скакуне лихом,
На богатой одежде... В дом
К нам оделся ты как на той.
Я спрошу – человек прямой,
С чем пожаловал, дорогой?», –
Ждал ответ на вопрос простой
С напряжением Каракан.
Абдылда никогда в карман
За словами не лез, туман
Подпускал, лишь когда был пьян,
А сейчас он сказал, как есть:
Сватом стать ему вышла честь:
«...Сокол есть у меня, мой хан!
Птенчик лебеда богом дан
Очагу твоему, мой хан!
Если птенчика, о, мой хан,
На свободу отпустишь сам –
Буду сокола отпускать,
О, мой хан, чтоб двоим летать!
У меня чёрный сокол есть,
О, мой хан, и по чести честь –
Гуся-птенчика прячешь здесь,
О, мой хан, вот такая весть:
Чёрный сокол готов лететь,
Но лететь одному – как смерть,
О, мой хан, отворяя клеть,
Отпускаешь двоих взлететь!»
Чин по чину в загадку смысл
Весь вложил Абдылда, но мысль
Уловил Каракан тотчас,
Понял: свата послал Манас –
Сам посланник небес, батыр,
Что готов подчинить весь мир...
Разве мог Каракан в ответ
Взять и сразу промолвить “нет”?

Не осмелился, лишь усы
Гладил, словно из них весы
Сделать думал, да взвесить всё,
Чтоб не выглядеть келесоо;
Облизав свои губы, он
Поддержать в разговоре тон,
Гостем заданный, порешил
И такое в ответ сложил:
“Птенчик гуся чтоб не погиб,
Раз из рук моих хан Жакып
Хочет взять его, пусть джайлоо,
Где летую с семьёй, мало
Станет трижды, коль новый скот
От Жакыпа туда придёт;
И зимовку, где я зимой
Провожу свои дни с семьёй,
Тоже трижды наполнит скот –
Всё подворье вплоть до ворот;
А ещё... подарил бы хан
Скакунов без отбора ...сан,
Да овец бы черней ночи –
И не меньше бы тысячи;
Да верблюдов... двугорбых... нет! –
Однгорбых, чтоб следом в след
На верёвке из шелка шли
Ровно десять по сто; несли
По жагдану они бы, в них –
Не положено слать пустых, –
Пусть лежал бы канаус-ткань,
А не бязь иль другая дрянь;
Да ещё, чтоб золотой покров
Был на них... И хочу коров:
Хорошо, чтоб их было сто...
Да, пожалуй, ещё вот что:
Поднялись на моём дворе
Две чинары бы – в серебре,
А вторая бы – в золоте, пусть,
Лишь во двор к себе доберусь,
Соловей и кукушка грусть
Из моих бы прогнали чувств;
Да ещё бы от молодца
Я имел бы два озерца:

Чтоб плескались в них без конца
Май да сют... И за мать-отца
Не болели б тогда сердца
И у сокола, и птенца...
С тем гонец поспешил назад,
Свой Жакыпу повёз доклад:
...“О-о, калым, что был назван, – он
Неприемлем со всех сторон,
Но смолчал я на этот раз:
Гость хозяину не указ.
Даже больше – я, наугад
Соглашаясь, спросил: мол, сват
Если выплатит всё, то рад
Будет он, коль поженит чад?
Вот, мой хан-олуя Жакып!
Я с вопросом и этим влип,
За “согласие как бы” мне
Дать подарки пришлось вчерне:
Отдарил он, чтоб мог я взять
И, покуда Манас не зять,
Лишь отдачей – один в один, –
Чтоб не верилось мне в почин.
Счастья мне пожелав в пути,
Дал с сомненьями мне уйти.
“Время терпит”, мол, – наконец
Так сказал он ещё, хитрец, –
“Жакыпхан всё поймёт – мудрец...”
Что я сделал не так, отец?”
“То, что не дал подарков хан
Человеку, хоть достархан
Перед ним расстелил с душой –
Это, в общем-то хорошо...” –
Так, Жакып отвечал, хоть он
Опечален был и смущён;
Он сказал: “Абдылда, твой путь
Был не зряшен, и как-нибудь
Мы распутаем всё, сынок,
Ты старался как только мог.
О калыме скажу я так:
В каждом слове здесь тайный знак.
Чтоб ударить сватов поддых:
У народа возьмём гнедых,

Даст народ нам и пёстрых, что ж;
Ну, а золото где возьмёшь?!
Скакунов отдадут чоро;
Ну, а где возьмём серебро?!
Даже если мы всё добро
И отыщем, но – озеро...
Масло так же, как молоко,
По земле-то разлить легко,
Но впитается всё, увы,
Чтобы корни питать травы;
У народа найдем сюрёк,
Но найдём ли того, кто б смог
Сделать озеро молока,
Да слепить ему берега?..”
Когда всё Жакыпхан сказал, –
Видно: выдохся аксакал,
Абдылда не колеблясь встал,
Из даров Каракана взял
Он один небольшой алек
И к Манасу направил бег.
...В странном виде он был сейчас –
Молодой сумасброд Манас,
Хан шестидесяти родов,
Всех алашей опора – кровь
В нём играла и жгла любовь,
Только вспомнит о деде вновь –
Каныкей, – и уйдёт в туман...
Хан Манас был позорно пьян.
Абдылда лишь уехал, он
Потерял и покой, и сон,
Дни и ночи считал. Когда
Он услышал, что Абдылда
Прибыл, тут же к отцу уйдя,
Чтоб к нему прийти погода,
Не стерпел, и собак борзых
Свистнул с псарни и птицу взял,
Сорок верных ребят позвал
И встречать Абдылду пошёл...
Лев кипел, хоть и не был зол.
Абдылда же, покинув дом
Жакыпхана, спешил уже

К другу с грустью большой в душе.
Так столкнулись они в пути.
У Манаса пожар в груди
Так и вспыхнул: к седлу, глядит,
Приторочен алек – везти
Дар положено сватам тем,
Кто распутал узлы проблем.
Улыбнулся Манас, усы
Распушил и, сдержав борзых,
К Абдылде обратился он,
Предвкушая победный звон:
“О, батыр молодой, мой тигр!
Пусть твой путь будет полон игр,
И свершений: открыт и быстр!
Я в глазах вижу много искр,
Приторочен к седлу алек –
Знак, которому человек
Доверяет догадки, – мол,
Всё прошло в лучшем виде: стол,
Сговор, свадьбы назначен срок...
Не подарок несёт торок,
Это ангел ведёт тебя
К другу с вестью: сбылась судьба!
Не томи же меня, батыр,
Оживи мой поникий мир!
Расскажи, как там мой кумир –
Сердца бедного эликсир!”
Абдылда заспешил; слова
Подчинялись ему едва:
“Да... оттуда приехал я...
Расскажу всё, не утая...
Не приехал без ничего,
Обещания своего
Не нарушил ничем, мой свет:
Ждал согласия... Не то, чтоб “нет”...
Да, алек... Я не мог пустым
В дом к Манасу идти... Прости.
Канькей, Каракана дочь,
Видно, очень грустит... точь в точь,
Как известно кто... человек:
Попросила она алек

Передать тебе... оберег... “ –
Абдылда еле-еле смог
Из кармана достать платок,
Так упрятал его, – берёг,
Чтоб отдать кому надо в срок.
Удивился герой Манас:
Всё, о чём он мечтал, сейчас
Проявилось: любой отказ
Во взаимной любви увяз;
Оберег от удара спас
И его, и гонца: теперь,
Когда в душах улёгся зверь,
Абдылда рассказал про всё:
Что был принят он как посол,
Каракан к нему не был злым,
А напротив... Но вот калым...
Перечислил весь нужный скот,
Сколько надо животных сот,
Злата-серебра... прочий вздор;
Как добрался он до озёр,
Посоветовал разговор
Повести с Жакыпханом: спор
Передал, что кипел у них...
В общем, дал жениху под дых,
Правда, мягко, насколько мог...
А Манас прижимал платок
К богатырской своей груди
И молчал – словно впереди
Видел счастье своё уже,
Что как солнце цвело в душе
И шептало всем мыслям: “верь”.
Он спокойно сказал: “Замерь,
Сколько ходит у нас скота,
Сколько гнать от отца сюда;
И давай, батыр Абдылда,
В путь готовиться – ерунда
Эти счёты – калым-малым...
Всё, поверь мне, пройдёт, как дым;
К Каракану теперь двоим
Надо ехать, чтоб спорить с ним,
И смугляночку Каныкей

По обычаям брать людей.
Разве можно жалеть нам скот,
Если речь о судьбе идёт?
Жакыпхан – он, конечно, жмот,
Но попросим мы наш народ
Посоветовать нам, помочь:
Как забрать Каракана дочь.
Этот месяц идёт к концу,
Значит, в новом пора отцу
В жёны дочь отдать молодцу:
Ровня ровне всегда к лицу!”
...Клич пустили во всём ордо,
Не услышать не мог никто,
Все собрались – чоро, друзья,
Как большая одна семья:
Старики Жамгырчы, Балта,
Текечи и Жакып-ата,
И, конечно, аба Бакай,
И – куда ж без него? – Шыгай,
Оба брата, герой Чубак –
Великаны, всех сил костяк,
Сорок тигров Кыргыла, он...
Все собрались со всех сторон.
Чтоб на споры хватило сил,
Мясо яловых лишь кобыл
Приготовили; достархан
Полон был: куурдак и нан,
Мёд в кумыс добавляли, жир,
Что любой украшает пир.
В золотой пиале всегда
Чай пил тот, кто свершал бата,
А закончив еду, народ
Перенёс на равнину сход,
Сели кругом; Манас начал
Речь свою: “Я вас всех собрал,
О, отец мой Жакып, Жамгыр,
Вы – Шыгай, Текечи, – мой мир
Вы составили – кровный круг,
Что сильнее любых порук;
Байжигит, Кыпчакбай, друзья,
Вся большая моя семья,
Вам скажу со всей прямою:

Назревает семейный той,
Будет праздник у нас святой –
Я женюсь! Пока молодой!
Стал Манасом Манас, и мне
Небо сунуло по жене:
Из калча Накылай я взял,
Хоть и был я по сути мал
И любви не познал восторг;
Из калмыков взял Карабёрк,
Потому что, мол, надо взять:
Завсегда победитель – зять...
Ни отец и ни братья, нет,
Не давали на то совет,
Мама – вот она здесь, жива,
Не нашла в этот миг слова:
Мол, как хочет, ведь он Манас...
А влюбился я лишь сейчас!
Я в Букаре увидел вдруг
Эту девушку; сердца стук
Выдал радость и с ней испуг:
В шумной стайке своих подруг
Эта дева ушла... Навек?
Один верный мой человек
Всё о ней разузнал: она
Мастерица, добра, умна,
По рождению мне равна
И... запомнила ведь меня!
Я к отцу Абдылду послал.
Мой богатый отец узнал
Всё о девушке, и в Букар
Попросил его съездить – стар
Стал, мол, я для таких дорог...
Абдылда всё устроить смог:
И посвататься бог помог,
И назначить почти что срок...
Вот одна только есть беда:
Говорит батыр Абдылда,
Что наш сват непростой старик
И что очень калым велик:
В нём несчётно, увы, скота,
И загадка есть – неспроста....
Мой отец Жакыпхан-богач

Весь измучился: мысли вскачь:
Жизнь ведь даром, считай, пройдёт,
Если сын не продолжит род,
Только где же отец найдёт
Столь добра – совершить расчёт?
Каждый, сын у кого, поймёт:
Так ли, эдак – везде просчёт.
Канькей же, невесте, дан –
Весь Букар говорит, – талант:
Мастерица! А стройный стан?
Ум и нежность? Сам Каракан –
Царь Букара, её отец, –
Говорит, что таких сердец
Больше нет... И – жалеть овец?
Кобылиц, коров, наконец?!
Я жениться хочу на ней,
На единственной – Канькей!..”
Все молчали. Нашлись слова,
Чтоб упрятать под спуд, едва
Шевельнулись, – вот так трава
Под камнями молчит, жива;
В общем, замер весь курултай.
И поднялся тогда Бакай
И погладил неспешно ус,
И слова заскользили с уст:
“Жеребёнок, Манас мой, прав.
О, Жакып, испытал ты нрав
Злых калмыков, сосущих кровь
Из людей, лошадей, коров;
Сын родился твой – повезло
Нам, кыргызским родам, зело:
Наш Манас только сел в седло,
Как пошёл истреблять всё зло!
Он калмыка прогнал, а нас,
Всех кыргызов, – собрал Манас,
В шесть десятков, не меньше, раз
Мы сильнее других сейчас;
Юный сын твой ведь шёл на риск
Каждый раз, чтобы мог кыргыз
Богатеть и растить детей;
Без корысти он для людей
Сделал столько! Таких вождей

Мы, старейшины сам-третей,
Не встречали за долгий век!
В то же время как человек
Он почителен к старшим, добр:
Старцы злятся почище кобр,
Ну, а он со всех ног спешит
Ублажить их пожар души...
Кто так может ещё, скажи?
Этой мудростью лишь мужи
В полной мере наделены,
Значит, время пришло жены:
Мудрой, доброй – такой, как он,
А таких не возьмёшь в полон,
Не прихватишь их как олжо,
Вдруг находят их – как ожог
Просто чувствуют всей душой,
И, скажу я, как хорошо, –
Здесь он тоже всех превзошёл,
Кабылан, и её нашел –
Эту девушку... Человек
Может мучиться весь свой век,
Но не встретить её, увы!
Так давайте из головы
Жадность, алчность изгоним прочь
И подумаем: как нам дочь
Всех кыргызов забрать к себе? –
Это новый наш путь в судьбе.
О, Жакып, старина, у нас
Есть в запасе твои шесть ханств:
Весь народ будет рад помочь,
Чтоб богаче ты стал на дочь;
Пусть немного скота уйдёт –
Это нынче, а через год
Всё покроет опять приплод,
Был бы счастлив и жив народ.
Шевелитесь, давайте, все!
Пир закатим во всей красе –
Кабылана Манаса той,
Это праздник для всех святой!..” –
Так сказал богатырь Бакай.
Всполошился огромный край:
В дом Жакыпа туда-сюда

Люд сновал – так весной вода
Всё к плотине с собой несёт:
На подворье Жакыпа скот
Уместиться уже не мог –
Курултая такой итог
Удивлял, восхищал, смешил:
Люди лезли порой из жил,
Чтоб доставить своё добро:
Скот и золото-серебро –
Каждый всё был отдать готов.
Анжияна шесть городов,
Сам Сынчы – бек айры сакал –
В формах золото отливал,
На атанах всё в ставку слал;
Уж на склоны Белсаза скот
Гнали; сам Жакыпхан вперёд,
Вдохновляя собой народ,
В шесть десятков верблюдов лот
Напоказ перегнал: на них
Седла красочней золотых –
С медью жёлтой; попоны – шерсть,
В сундуках же по чести честь:
Ткань канаус, а чтобы груз
Не болтался в пути, то плюс
К той поклаже ещё ковры
Положили наверх; бугры
От горбов словно стёрлись вдруг,
Хоть ещё один ставь сундук;
Всех верблюдов связал аркан,
Драгоценный, чтоб караван
Шёл единою цепью: в нём
Груз был с золотом, серебром:
С белым грузом шестнадцать шло,
С жёлтым – дюжина; тяжело
Охранять было весь поток,
Что с долины всё тёк и тёк:
Ржали лошади, жеребят
В том потоке теряя; в лад
Верещали и стригунки,
Овцы бляляли... Не с руки
Человеку такой объём
Переправить одним гуртом;

Тысяч больше чем шестьдесят
Было в стражниках там ребят,
Гомонили, чтоб скот гуськом
Между скал направлять шажком,
И казалось, что вся земля
В небо бросилась вдруг, пыля...
Сам Манас, алп Бакай, за ним
Сорок львов и Чубак-иним,
Кыргызчал... Если взять и счесть
Всех, кто счёл за большую честь
Для Манаса сватами стать –
Всех, кому позволяла стать,
Вся семья, – то почти пятьсот
Будет родичей; весь поход –
Ну, конечно, – венчал Жакып:
В Туучунака он словно влип –
Конь легко иноходью шёл;
Бозжорго, конь Бакая, зол
Был на то, что не первый, мол,
Уши вместе от злости свёл;
Акбалта, Шыгай, Жамгырчы,
Байжигит, Жакып, Текечи –
Едут вместе – отцов отряд,
Каждый быть самым главным рад;
Лев Манас был доволен всем:
Скот здоров, никаких проблем,
Разве аңги дерутся – что ж,
Выясняют – мол, кто хорош
Для такого числа невест:
Все ведь разные с разных мест;
Третьяки рвались в бег, плуты;
Жеребята, задрав хвосты,
Тоже бегали – кто резвей,
Лишь нервируя матерей;
Овцы блеяли, а быки
Как балбаны шли, старики;
Шли бууры, друг друга вскользь
Задевая, как гостя гость;
Шли архары, кулжа, – их с гор
Скот сманил – и почти кочкор
Внешне выглядел каждый; их
Стражи лишь отличали, злых.

Меж холмами порой привал
Люди делали – скот гулял,
С гор к нему прибивался, шёл
И джейран, и самец-козёл,
Коротышка-онагр, кулан,
И олень, потерявший сан,
Шли косули, их робкий ход
Тормозил беспокойством скот;
Шли, качаясь в ходу, слоны –
Так же катятся валуны;
Шёл и тигр, и снежный барс,
Шёл и лев – он как будто пас
Эти волны живых существ;
Шли медведи, хотя протест
В толстых мордах был виден их;
Волки шли; и совсем уж тих
Шаг был рысей, лисиц, куниц;
Прибавлялось и разных птиц;
Змеи путались между ног,
Черепахи, ежи в клубок
Посбивались, и в порошок
Растирал их живой поток;
Даже ящирицы, увы,
Ни дыры, ни любой травы
Не нашли, чтобы скрыться прочь...
Сотни маленьких жертв, чтоб дочь
Каракана в семью вошла!
Не бывает добра без зла.
Люди рядом с потоком шли
Не простые – богатыри,
Даже многие как цари
Шли в коронах, в руках несли
Кто булавы, а кто мечи;
Знаменитые силачи
Шли, до неба взбивая пыль,
Словно сказка – такая быль:
Шли спокойно за сотни миль,
Зная: надо Манасу так;
Шли. Над ними как пёстрый флаг
Птицы реяли: беркут, гриф,
Поживиться надеясь; с грив
Пропотевших в пути кобыл

Мелочь птичья слетала; плыл
Над колонною аромат
Пыли, пота, навоза – ад
Пахнёт так же, как говорят...
Весь “калым” как ночной кошмар
Заходил неспеша в Букар.
Горожане хотели скот
Посмотреть, но увидев ход,
Что скорей походил на сход
Всех зверей, кто вокруг живёт,
Испугались; пронзал им слух
Рёв больших жеребцов: испуг
Был и зверю доступен, визг
Жеребят и кобылий сыск,
Что, своих жеребят ища,
Тоже ржали все сообща;
Испугавшись, молчал народ,
Всех считая в уме, но скот
Был бесщётен; слоны, поход
Завершая, трубили так,
Словно ждал здесь заклятый враг;
Шли душные козлы с эркеч,
Шли верблюды, плевались встречь;
И атаны, и буура,
Шли за ними, ярясь с утра;
Все архары, козлы, кулжа,
Рвались прочь убежать, дрожа;
Все косули, сайгаки все,
Звери, птицы во всей красе,
Даже грифы и журавли
Уж лететь не могли, а шли,
Но галдели при этом! – дар
Весь вернуть захотел Букар.
Каракан побледнел: “Ого!
“Я сказал лишь свое тёлго,
Пошутил... ускакал гонец,
Чтоб прийти вот так, наконец!
Это море животных... сель!
Нам самим бы сбежать отсель:
Город мал стал, как будто щель...
Счесть? – несбыточна эта цель,
Легче счесть на лугах траву...

Может, вижу сон наяву?"
Так, в печали, в раздумьях весь
Пребывал Каракан. А весть
До старейшин дошла уже,
Все собрались, тая в душе
Страх и даже, пожалуй, злость:
"Каракан, захотел ты в горсть
Взять богатства земли за раз;
Ты калым запросил – Манас
Скот привёл, сколь просил ты, в дар;
Скот растопчет теперь Букар.
Злато-серебро для чачыл
Двести наров несут без сил –
Это тоже ведь ты просил?!.."
Пререкался старейшин круг,
До костей их пробрал испуг,
А тем временем важно так
Подошёл к ним Туучунак,
Жакыпхан восседал на нём:
Борода и усы огнём
Полыхали – закатный луч
Падал вовремя из-за туч;
Следом, сидя на Бозжорго –
В элечеках, как молоко –
Белых-белых, аж сплит взгляд,
Как царевны – пятнадцать в ряд
Уважаемых аялзат
В город прибыло; вслед отряд
Аксакалов вплывал, и флаг
Вился, пики сверкали так,
Словно в город ворвался враг;
Появились и силачи,
Алп Балта, да и Жамгырчы,
Кыргызчала все сорок львов...
У букарцев не стало слов,
Обмочились иные вдруг,
Кто-то, струсив, сбежал; испуг
Поразил даже тех, кто знал,
Что их всех Каракан позвал,
Что прибудет жених сейчас –
Сивогривый батыр Манас;
Только топот коней не гас,

Растравляя волнение масс...
Когда прибыл сам Жакыпхан,
То сказал ему Каракан:
“Пыль вздымая, земля сама
Зашагала, сойдя с ума!
Скот пригнали вы, словно сель...
Взять девицу мою отсель?
Или – пики и синий флаг,
Что я вижу в руках вояк,
Для того, чтобы взять нас так,
Как бессовестный любит враг?
Мою дочь-мастерицу вы
Сватать ехали иль, увы,
Всех решили без головы
Вдруг оставить, как злые львы?
Моё сердце в испуге: вдруг
Враг закрылся личиной “друг”?
От испуга померк весь свет.
Жду я с трепетом ваш ответ”.
Жакыпхан на своём коне
Руку к сердцу прижал: вдвойне
Он расстроился – о войне
Он не думал и в страшном сне;
Он приблизился и сказал:
“О, почтеннейший сват! – назвал
Так тебя я, поскольку сын
Мой затее всей господин;
Это ты, Каракан, звезду
В доме прячешь свою, да ту,
Что зажгла в моём сыне жар:
Это ты, Каракан, пожар
Хочешь спрятать в дому; поверь
Что любовь – это хитрый зверь,
Ведь найдёт, как уйти к тому,
Кто по сердцу ей, по уму;
Поклянусь я тебе, молве
Волосами на голове
И зубами во рту своём –
Свою дочь коль отдашь в мой дом,
То Манаса, сына, возьмёшь...
Я, мой сват, не приемлю ложь,
Как тебе, дорога мне честь,

Это – главное в жизни есть,
Не баранов гурты, коров...
Если буду я жив-здоров,
Буду дочь я, как ты, беречь,
Чтоб ни взгляд, ни чужая речь
Не могли её осквернить;
Дай-то бог, чтобы мог любить
Ты Манаса как Каныкей –
Как мы любим своих детей...”
Жакыпхан лишь закончил, сват
Тут же выразил, как он рад,
И словами, и видом всем:
Он казался другим совсем,
Чем минутами был назад:
Пригласил всех войти в свой град,
Где готовился пир большой...
В общем, принял народ с душой
Сватовство, и прошёл испуг,
Не хватало лишь только рук:
Накормить, напоить гостей...
Всех тревожнее Каныкей
Было в эти часы – увы:
Ей и спрятаться от молвы,
Но и знать в то же время всё –
Так хотелось! А ведь лицо
Жениху показать нельзя,
У невесты одна стезя:
Молча ждать в закутке, пока
Её старшей жеңе рука
Приведёт к жениху, к родне...
Только где она, та жеңе?!
В суете, охватившей всех,
Позабыли про всё: успех –
Он порою как крепкий хмель
Превращает мозги в кисель...
Дева, день весь прождав, в постель
Одиноко, как в колыбель,
Вся в слезах улеглась – мол, что ж,
Но с собой под подушку нож
Положила – в дому одна, –
И во тьму погрузилась сна.
А батыр, лишь взошла луна,

Стал искать: где же, мол, она –
Та, что станет женою мне?
Двух позвал он с собой жеңе,
Чтоб к невесте войти втроём;
В нетерпенье ворвался в дом,
Смотрит: спит Каныкей уже.
Нежность вспыхнула так в душе,
Что не выдержал он и лоб
Ей погладил – присниться чтоб;
Испугавшись, проснулась вмиг
Каныкей, но сдержала вскрик,
Нож схватила и как в ворьё
В руку, гладившую её,
Так направила остриё,
Что пронзила предплечье всё...
Так, в обиде, ушёл батыр,
Не взглянув на невесту. Мир
Покачнулся, померк в глазах;
Проклиная себя, свой страх,
Сон, надежд своих нежных крах,
Поскорее она впотьмах
Как попало оделась, вслед
Поспешила батыру; свет
Лунный падал как цвет весной;
Уходящему лишь “Постой!” –
Так промолвила Каныкей,
Тут же он обернулся к ней.
Словно хлопок, нежна, мягка
Речь была её, но века
Всю оставили в вечной мгле,
Словно высеченную в скале:
“О, Манас, ты велик душой!
Ты с любовью ко мне пришёл,
Но осудит тебя народ:
Оскорбится и не поймёт:
Не в обычаях брать жену,
Взяв в свидетели лишь луну,
Тёмной ночью, застав одну,
Отошедшую уж ко сну.
Я, батыр мой, ведь не вдова,
Расцвела для любви едва,
А бутон – это не трава,

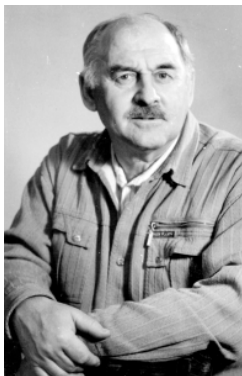
Чтобы мяли из баловства!
Ведь зовёшься героем ты,
Управляешь людьми... Чисты
Чувства, помыслы быть должны.
Коль уедешь ты без жены –
Это будешь, поверь, не ты.
Коль и я, зачеркнув мечты,
“Пусть уходит” – скажу, тогда
Это буду не я, о да!
Злой обидой во тьму гоним,
Словно маленький мой иним,
Ты уходишь, шумя, иным –
Над собою не господин;
Но не поздно прийти в себя:
Это я говорю – судьба.
Завтра утром тебе меня
По обычаю, как коня,
Жеңелер приготовят в дар;
Вот тогда мы сердечный жар,
Если даст нам Аллах, – сольём,
Чтоб по жизни идти вдвоём.
А сейчас... Не сдержалась я,
Сивогривый, прости меня!” –
И улыбкой светлей огня
Одарила богатыря:
Так могла бы сиять заря,
Всю любовь одному даря.
Обернулся герой Манас,
Не сводя восхищённых глаз
С Каныкей, он ответил так:
“Да, батыр кабылан – бедняк,
Ранен он навсегда – ей-ей,
Лишь одной тобой, Каныкей!” ...
Вот такие слова дошли
Из заветных глубин земли,
Над которой века текли,
Растворяясь навек вдали.
...Вот уж целых шесть дней, ночей
Длится праздник: от силачей,
От борьбы их и эр сайыш,
Все на скачки бегут, – глядишь
Там, затеяв жамбы атуу,

Двое суток на суету
Все потратили снова – что ж,
Свадьбу пёхом не обойдёшь:
В общем тридцать весёлых дней
Не гасили в домах огней!..
Описать же затеи все –
Вновь созвать надо Ыр кесе:
Пересохнут одни уста,
Надо уст – ну, не меньше ста!..

ОЧЕРКИ. ПУБЛИЦИСТИКА

Леонид ДЯДЮЧЕНКО

НА СЕМИ ВЕТРАХ

Очерк

Свой семидесятилетний юбилей главный инженер «Кыргыздортранспроекта» Леван Алибегашвили встречал просто. Не было ни ресторанов, ни банкетных залов, ни пышных речей. Были горы. Ущелье Чон-Курчак и несколько самых близких друзей. А среди подарков самым дорогим оказалась тоненькая папочка с несколькими машинописными листами внутри. Это был презент от Леонида Борисовича Дядюченко.

– Слушай, Леван. Тут очерк о нашем друге. Жене Стрельцове. Я еще нигде его не публиковал. Пусть это будет доброй памятью о нем.

Спустя десять лет этот очерк «На семи ветрах», так нигде и не опубликованный, Леван Маркович Алибегашвили, председатель Федерации альпинизма КР, любезно передал редакции «ЛК».

Да, Евгений Александрович Стрельцов был явным подданным Ала-Арчи. Стрелец – как называла его альпинистская братия на протяжении трех десятилетий, в самом деле, был удивительно похож на стрельцов суриковских полотен – угловатый, рослый, с пронзительным взглядом из-под обязательных очков, с включенной мужицкой бородой, с абсолютной честностью в мыслях и в деле, со своей категоричностью, пусть подчас и спорной, с непримиримостью в отстаивании дорогих ему идеалов, хотя он никогда не употреблял столь высоких слов.

Такой букет характеристик едва ли способствовал всеобщему обожанию, но он к этому и не стремился. Он мог не подать руку, мог незаслуженно обидеть и самых близких людей, он мог даже ударить человека, как при спуске с пика Победы ударил пожилого московского альпиниста, отдавшего восхождению все силы и в самый критический момент отказавшегося сделать еще хоть шаг. И когда все попытки поднять со снега расписавшегося в своем бессилии человека ни к чему не привели, Стрелец ударил его. И тот поднялся. И спустившись вниз, и придя в себя, и осознав то невероятное для него событие, что он «сделал» такую страшную гору и никого не подвел, и остался жив – прежде всего, со слезами на глазах расцеловал Стрельцова.

Спины не гнул, прямым ходил.

И в ус не дул, и жил – как жил.

И голове своей руками помогал...

Эти слова любимого им Высоцкого как раз о нем, о Жене Стрельцове.

В нем странным образом сочетались романтик-шестидесятник, воспитанный на студенческих и профессиональных традициях известнейшего МГРИ – московского геолого-разведочного института, на песенных манифестах Галича, Визбора, Окуджавы, Высоцкого, и вместе с тем – Фома неверующий 70-90 годов.

Прирожденный полевик, он проводил в геологических изысканиях все лето, с единственными перерывами – на альпинистские экспедиции. Форменный нонсенс – геолог-альпинист. Самые матерые полевики, проведя сезон «в поле», безудержно рвутся под конец в город, домой, наскоро комкая оставшиеся маршруты. Стрельцов словно «не наедался» горами. И никого не удивляло, что в самый разгар летних экспедиционных работ он мог подать начальству заявление об очередном отпуске, и начальство ему никогда не отказывало. Не рисковало отказывать. Оно знало, что проект все равно будет выполнен в срок и на самом высоком уровне. И еще начальство, конечно же, знало, вынуждено было знать, что в наш прагматический век желающих проводить пол-жизни в поле «за ту же зарплату» становится все меньше, а таких «фанатов», как глубокоуважаемый Евгений Александрович, еще надо искать.

Да, у него не было солидных печатных изданий, с иронией он относился и к сочинению кандидатских диссертаций и монографий. У него не было на это времени. Всю свою твор-

ческую жизнь в Киргизском геологоуправлении гидрогеолог Стрельцов отдал гидрогеологическому картированию долин и их горного обрамления, что практически означает поиски и разведку подземных запасов воды. И каждый его полевой отчет являет собой образец достойного отношения к избранному в жизни делу, высокого профессионализма, абсолютной достоверности результатов исследований, их осмысления, их доступности для последующих исследователей и проектировщиков, то есть пользователей. Отсюда и непреходящая, независимая ни от каких конъюнктурных веяний ценность для Кыргызстана его работ, подписанных такой древней русской фамилией, как Стрельцов.

И не случайно в фондах Геологоуправления толкутся ныне различные иностранные эксперты и менеджеры, получившие неожиданный допуск ко всем еще вчера тщательно оберегаемым материалам. И, как говорится, старые скважины и шурфы обретают новую жизнь, и в них повторно, но теперь уже по виртуальным технологиям вкладываются и тут же списываются новые деньги, но это «освоение средств» – область иных исследований, и к ним Стрельцов и ему подобные отношения не имели.

Единственной регалией, которой была отмечена треть века экспедиционных работ гидрогеолога, явился некий значок ветерана труда, которым в те годы было принято отмечать трудовую деятельность престарелых техничек и сторожей. И когда на торжественном собрании Стрельцова Евгения Александровича, в числе других награждаемых, вызвали на сцену, чтобы под бурные аплодисменты президиума и зала вручить ему высочайшую награду, Стрелец поднялся и просто вышел из зала.

«Пренебрежение доверием», как тогда это именовалось, имело весьма конкретные последствия. Когда подошло время выхода на пенсию и Стрелец узнал, сколько ему начислили, тем более в контрасте с теми суммами, которые «выбивали» себе более расторопные аппаратчики, предпочитавшие в своей деятельности не покидать пределы начальственных приемных, Стрелец воспринял начисленную ему пенсию как личное оскорбление и продолжал работать, пока заработанные в экспедициях хвори не одолели даже могучий стрельцовский организм. Пенсию свою он принципиально ни разу не получал. Он умер осенью 1997 года, как и положено полевику, до конца проведя летний полевой сезон.

Всю жизнь Стрельцовы прожили в старом геологическом доме на семи ветрах, как было принято называть шумный перекресток у железнодорожного путепровода, на углу улиц Советской и Льва Толстого. Вся кубатура крохотной прихожей и так называемого «совмещенного санузла» была забита под завязку. «Совмещенного» не только по типовому проекту тех скудных лет, но и по совмещенному хранению геологического и альпинистского имущества, как своего, так и отданного на временное хранение, которое оказывалось почти вечным. И приходилось только гадать, как умудрялся ответственный квартиросъемщик этих общежитичных хором находить в зеркальце свое лицо («морду хари, лица, лицо хари морды» и т.д.) среди свисающих отовсюду подтриконенных ботинок и ледорубов, веревок и спальников, касок и репшура, альпинистской кузни и кухни, целых и безнадежно сломанных лыж.

Лыжи. Горные лыжи! Ради этих лыж Стрельцов каждую субботу своего недолгого пребывания в городе ехал в Оорусай или Кашкасу и зарабатывал там свои «трудодни» по расчистке от камней и кустарника слаломных трасс. Эти трудодни давали право зимой нет-нет да и воспользоваться подъемником, поставленным таким же артельным методом. А когда в связи с наглым переделом общественной собственности у горных трасс появились новые бизнес-дельцы, после первых же контактов с ними Стрельцов свои лыжи уже не доставал. Он был, как всегда, категоричен.

– Мне общения с этой публикой – и на дух не надо, – раз и навсегда отрезал Стрелец. Для своей же, алаарчинской, публики их дом был открыт всегда, днем и ночью. У них всегда кто-то ночевал, кто перед отлетом в Москву и Крым, кто с поезда из Екатеринбурга и Новосибирска. Даже когда Стрельцовы уезжали в экспедицию, жена Стрельцова – Тамара тоже была гидрогеологом, и сына Валерку они нередко брали с собой, их квартира не закрывалась, у них постоянно кто-то и подолгу жил, и когда они возвращались домой, им приходилось поражаться обширной географии и интенсивности междугородних телефонных переговоров, осуществлявшихся по их номеру с их же неосмотрительного согласия. Особенно раскалялся их телефон с возникновением во Фрунзе такой стремительно перемещавшейся в пространстве личности, как начальник альпинистских экспедиций московского «Буревестника» Виктор Галкин, который ни секунды не мог обойтись без телефонной

трубки, даже если ему уже некуда было звонить. Но Галкин, в отличие от рядовых пользователей, всегда оставлял рядом с телефоном на вскидку определенную сумму казначейских билетов, что более деликатные товарищи как-то стеснялись делать. И хотя и во многом другом не все гости дома Стрельцовых отвечали на добро добром, ничего в отношениях к товарищам по горам здесь не менялось.

В любое время дня и ночи самых неожиданных визитеров тут встречали дружески – шутовское ворчание Стрельца и всегда приветливая улыбка на редкость гостеприимной «Стрельчихи», всегда готовой напоить чаем, кофе, накормить, в крайнем случае, всем тем, что каким-то чудом сохранилось от набега предыдущих восходителей на этот третий этаж.

Наверное, как один из старейших и ведущих полевиков Геологоуправления, Стрельцов имел основания добиваться более достойной его квартиры, чем эта, которую, как молодой специалист, он, счастливчик, получил не то в конце пятидесятых, не то в самом начале шестидесятых годов. Но... «добиваться»? Работать локтями? Ходить по кабинетам? Он даже обычного в таких случаях заявления не написал. Он всегда знал, что для него это пустой номер, что всегда найдется множество других, у кого кто-то очень болен, у кого целая куча детей, у кого такие звания, такое членство во всем и вся, такое родословное досье и перечень таких особых заслуг перед родиной и государством, что... А он даже в очереди по вступлению в партию (была такая негласная для передовой части интеллигенции) постоять не захотел, а только отшучивался: – не в партии? Да я и так из них не вылезая. Я уже со счета сбился, в какой теперь состою, то ли в Байтикской, то ли в Балыкчинской?..

А если всерьез – по кабинетам ему ходить было некогда. И в курилках на лестничных площадках он никогда не стоял, хотя сослуживцам небрежно и бросал при случае: «Пойду, покурю»... Для маскировки своих систематических нарушений трудовой дисциплины Стрелец никогда не надевал ни шапки, ни пальто, он озабоченно проходил мимо вахтеров с таким видом, будто его срочно куда-то вызвали, или он действительно решил покурить на свежем воздухе. Оказавшись на улице и на всякий случай оглянувшись, Стрелец пускался в забег. Маршрут был раз и навсегда разработан с учетом времени новых

поступлений в тот или иной магазин. Для начала – магазин искусств на Советской, затем – книжный на бульваре Дзержинского и «Академкнига», затем – «Демократическая книга» на улице Панфилова... На лацкане его черного пиджака алел выполненный в виде развернутого знамени значок за восхождение на пик Коммунизма. Даже вблизи этот почетнейший альпинистский знак мог сойти за значок депутата Верховного Совета. Но представить народного избранника, бегающего рысцей по книжным магазинам, было невозможно, потому что этого просто не могло быть. И потому за народного избранника его никто никогда не принимал. Да и начальство Стрельца не могло представить своего признанного «работоголика» за таким несерьезным занятием, как толкаться по книжным магазинам в рабочее время. Но и застукать оно его не могло по той простой причине, что само оно по книжным магазинам вообще не ходило.

Протиснувшись сквозь плотные кулисы развешанных в прихожей ветровок и штурмовок, преодолев баррикаду из рюкзаков и обуви, гость Стрельцовых попадал в гостиную, интерьер которой менялся разве что с появлением крупных фотографий новых покоренных вершин да новых книг.

Но, как всегда, горы здесь были представлены фотографиями «Победы» и «Хан-Тенгри», причудливыми арчевыми сучками из Ала–Арчи и Боома, полным комплектом ежегодников «Побежденные вершины», пухлой подшивкой болгарского еженедельника «Эхо», посвященного горному туризму и альпинизму, а также книгами типа «Тигр Снегов» о восходителе на Эверест Тенцинга, «Охотники за лавинами» Монтгомери Отуотера, «Неизведанный Гиндукуш» Макса Эйзелина и т.д. На двух стенках, собственноручного изготовления из грубо обструганных досок и фрагментов мебельного ширпотреба, была представлена вся подписная Всемирная литература, а также сам-издатовская продукция по тиражированию «Доктора Живаго», «Собачьего сердца», «Мастера и Маргариты», на полках висела табличка: «Руками не трогать».

В самые доверительные минуты дружеских застолий Стрелец зорко посверкивал очками и пресекал любые поползновения по поводу своих сокровищ: «на вынос» Стрелец никому не давал, заслужив прозвище «скупого рыцаря» и «кашья бесмертного», даже Левану Алибегашвили, несмотря на все его темпераментные клятвы и заверения, редко когда удавалось преодолеть стрельцовское «табу», а в большинстве

случаев приходилось удовлетворяться чтением на условиях читального зала, с той разницей, что предъявление паспорта или читательского билета подменялось, к общему удовольствию, исполнением в соответствующей трактовке «грузинского» анекдота.

– Стой! Кто идет?

– Свои, что, не видишь?

– Вижу, дорогой, но сам понимаешь, закон есть закон.

Скажи пароль.

– Конечно. Пароль.

– Конечно, проходи, дорогой.

Функцию пароля обычно исполняла бутылка Киндзмарули, Гурджаани, а то и более демократическая трехлитровая бутылка болгарской Гамзы в пластиковой оплетке. И как тут не вспомнить, что за постоянное исполнение анекдота «Кстати, о пернатых», к Стрельцу накрепко приклеилось еще одно прозвище – «Пернатый». И оно странным образом было весьма созвучным его какому-то всегда встрепанному, взбудораженному виду, какой бывает перед дракой или после драки у бойцовского петуха. И что характерно, как любил говорить откровенный завсегдатай квартиры №39 и верный сподвижник «пернатого» по прогулкам в Апа-Арчу и диспутам на темы перспектив человеческого выживания, Ольгерд Михайлович Ленгин, Стрелец никогда не выносил на общественное обсуждение не только какие-то свои личные или бытовые проблемы, о существовании которых в его жизни никто никогда не знал, но и проблемы служебного, профессионального порядка, направляя всю неистраченную энергию полемиста на исследование творчества прозаиков и прочих участников местного литературного процесса, которые еще не полностью поставили свой потенциал на освещение извечных вопросов взаимоотношений человека и гор.

Обеденного стола у Стрельцовых не было. Но между диваном-кроватью и раздвижным креслом-кроватью десятилетиями стоял нераздвижной журнальный столик, который с помощью чертежной доски и вьючного ящика мог тут же быть трансформирован в эдакое банкетное ристалище вместимостью на двадцать-тридцать и более персон. Благо, недостатка в них никогда не было, как и в веских причинах для внеочередного Пленума. Разве это не причина, когда в рамках Международной альпиниады 1972 года он поднялся на пик Евгении Корженевской, что полностью закрывало список всех существ-

вующих на территории СССР семитысячников и что давало ему право на почетное звание и значок «Снежного барса»? И разве это был не повод заказать Тамаре, как она умела, замариновать особым образом и запечь на противне в духовке бараний бок? И разве можно не пригласить на эту презентацию тех, с кем он «делал» прекрасную памирскую гору – «Корженеву» – а именно Володю Бирюкова, Толю Балинского, Володю Кочетова, Левана Алибегашвили, Сергея Адаманова, Роберта Яхина, Стаса Лавренченкова, не упуская из виду и тех, кто повится без всякого приглашения.

А как не пригласить Алима и Алису Романовых, с которыми еще в 1964 году поднялся на первый свой семитысячник – пик Ленина, а спустя три года повторил этот маршрут с Толей Балинским, Пашей Зайдом, Толей Тустукбаевым и Володей Аксеновым?

А разве был такой случай, чтобы за этим «журнальным» столиком не нашлось бы места для Слепухина, для Виктора Суханова, для Эли Насоновой, с которыми он ходил и на пик «Свободной Кореи» и на шестую башню Короны?

А Володя Кочетов, Толя Балинский! Этим двум и вовсе не вылезать бы из-за журнального столика. В одной связке с ними он взошел и на высочайшую вершину Советского Союза – пик Коммунизма, и на высочайшую вершину Тянь-Шаня – пик Победы. Сейчас, конечно, такая молодежь подросла, что эти названия для них – в порядке вещей, и никакие не события, хотя и как сказать... И горы по-прежнему жестоко карают за малейшую расхлябанность. И даже теперь на всем известном «Боксе» случаются ЧП, ничуть не менее горестные, чем на склонах Победы и Хан-Тенгри.

А как не помянуть за журнальным столиком траверс хребта Тенгри-Таг с его обязательной обоймой таких вершин, как пик Горького, пик Абалакова, пик Чапаева, пик Хан-Тенгри, который они прошли в 1971 году, чуть ли не на цыпочках, чтобы не нарушить зыбкого равновесия вычурных фантазий двухсторонних карнизов шеститысячных высот? С тех пор этот траверс никем не повторен, хотя каких только экспедиций за минувшие треть века не пребывало на южном Энилчеке, глаза каких только выдающихся альпинистов не скользили с вождением и опаской по поднебесным гребням этого в высшей степени логичного и зрелищного маршрута?

Во время заброски на перемычку между пиками Чапаева и Хан-Тенгри Стрельцов провалился в трещину, и, хотя отделался ушибами, его последующее участие в траверсе выглядело проблематичным. «Хорошо» Балинскому – провалился сквозь карниз между пиками Горького и Абалакова, откуда просто не было спуска и надо было идти до конца, до Хан-Тенгри. И как бы ни помяло ему грудь при рывке страхующей веревки, снять его с маршрута никто не мог. А вот Стрельцова запросто могла оставить в базовом лагере экспедиционный врач Татьяна Богомазова – ей-то рисковать за чем, ведь малейший отек легкого на такой высоте – ну, понятно. Так что Стрельца она прослушивала основательно, и все-таки допустила. Так как же было не допустить ее к журнальному столику?

А Славу Артемова? В те годы он был не только председателем Федерации альпинизма Киргизии, но, прежде всего, заведующим кафедрой физвоспитания Киргизского государственного университета. Он предоставил возможность всю зиму тренироваться в университетском спортивном зале, и сам занимался с командой всю зиму и весну. И если траверсанты подошли к пику своей формы к моменту выхода на траверс – это была его заслуга, ему и честь. Начальником экспедиции был Евгений Слепухин. Капитаном команды – Владимир Ильич Кочетов («К чему церемонии, зовите меня просто – Ильич»), заместитель капитана – Анатолий Балинский, рядовой состав представляли мастер спорта и кандидаты в мастера Эльвира Насонова, Сергей Адаманов, Валерий Денисов, Владимир Айзин, ну и Стрельцов, который этим траверсом, как ударным аккордом, завершил свою высотную одиссею.

Всесоюзная федерация альпинизма не очень баловала «периферийные» команды, принимавшие участие в чемпионатах страны по альпинизму. При всех прочих условиях, предпочтение обычно отдавалось именитым командам, именитым капитанам, а это были чаще всего столичные альпинисты, они и документацию лучше оформляли, и в комитетских коридорах не были чужаками. Но траверс был настолько впечатляющ, настолько известен своей фантастической фактурой, что коллегия была вынуждена отдать «киргизам» хотя бы серебро. Можно было себе представить, что творилось бы во Фрунзе, если б киргизские футболисты, легкоатлеты, штангисты, да все равно – кто, заняли бы второе командное место во Всесоюзном первенстве. А тут все было тихо. Разве что собрались

у Стрельца за журнальным столиком и опустили серебряные медали в бокалы с шампанским. Или еще с чем?

«Киргизом» Стрелец стал старым, испытанным способом. Будучи студентом МГРИ, получил путевку в альплагерь «Ала-Арча», а чем таким особенным околдовала Ала-Арча, кондового русака теперь уже не спросишь. После окончания института с «красным» дипломом получил направление во Фрунзе, да так здесь и остался. В Ала-Арче, в доме на семи ветрах, в памяти тех, с кем вместе ходил в горы, в самые обыкновенные и необыкновенные маршруты.

Но могилы его на альпинистском погосте в Ала-Арче нет. И об этом теперь думается с чувством невольной вины. Чьито, подчас даже случайные, есть. А вот его нет. Внизу похоронен, на городском кладбище, видимо потому, что погиб не в горах, а скончался в больнице, как все нормальные люди. А вспоминается – в Ала-Арче. И когда Леван Алибегашвили поднимается на высокий уступ Адыгене навестить своего давнего друга Володю Кургашова, он невольно вспоминает и Женю Стрельцова, и начспаса Алима Романова, сраженного инсультом в Риге, и могучего Толю Балинского, оставшегося в горах Кавказа, но продолжать этот перечень дальше не дает сверкающий в голубом небе белоснежный купол Теке-Тора и, конечно же, незыблемые гранитные бастионы Короны, которые теперь все меньше проглядывают сквозь разросшуюся зелень лесных посадок. И принимают совсем другой оборот мысли, ради которых, наверное, и стоит сюда подниматься.

***P.S.** От редакции. По желанию родственников Евгений Александрович Стрельцов захоронен на Юго-Западном городском кладбище Бишкека. Девяносто девятый квартал.*

Но не забыла его альпинистская братия. На «Мемориале Альпинистов» в Ала-Арче на стеле «Северная Звезда» установлена его фотография, где Стрельцов – среди друзей по связке: с Алимом Романовым, Володей Кочетовым, Валерой Денисовым, которые уже ушли вместе с ним в свое последнее восхождение к вершине по имени «Вечность».

Виктор КАДЫРОВ

ЧУДЕСА ИНДОКИТАЯ

Путевые очерки

Золотая ступа

В 2014 году мы с женой Светланой участвовали в дайв-сафари по Андаманскому морю в водах Мьянмы, бывшей Бирмы. Корабль и его команда были тайскими, что сразу нас насторожило. Раньше доводилось слышать от знакомых дайверов о неприглядных инцидентах, происходивших на тайских кораблях во время дайв-сафари, о низком уровне сервиса и о жажде тайцев любой ценой заработать как можно больше в ущерб безопасности людей. Эти опасения кое в чем оправдались, но они меркли в сравнении с тем, что мы увидели во время погружений. Морское дно во многих местах было сплошь усеяно мертвой рыбой. Пестрые рыбы-бабочки, полосатые идолы, роскошные ангелы, разноцветные попугаи и клоуны – весь подводный мир, ради созерцания которого мы прибыли сюда на корабле из Таиланда, был варварски уничтожен. Нас встречали лишь пугающие морды мурен, торчащие из расщелин и нор, да многочисленные звезды и морские ежи, собравшиеся на пиршество на этом подводном кладбище. Во время погружений нас не покидало неприятное чувство, что в любой момент может раздаться взрыв и мы, подобно несчастным рыбам, тоже ляжем бездыханными на морское дно.

Поэтому, видимо, у меня не вызвало восторга предложение Сергея Дудашвили, последовавшее два года спустя, посетить Мьянму. Правда, в программу путешествия входили еще Лаос и Камбоджа. Лаос в туристическом отношении был для нас неизвестной страной. Было только известно, что там вое-

вали с американцами, что до сих пор лаосская земля нашпигована минами и бомбами, и от посещения этой страны мы не ожидали хороших впечатлений. Другое дело – Камбоджа. Здесь, в джунглях, находится самый большой в мире храмовый комплекс Ангкор-Ват, который давно манил меня. Сейчас он занимает около 200 квадратных километров, а в далекие времена, как утверждают некоторые специалисты, это был крупнейший мегаполис. Город располагался на территории в 3 тысячи квадратных километров, а его население составляло более полумиллиона человек! Это в одиннадцатом веке, когда все население земли было около восьмисот миллионов человек!

Ангкор-Ват открыл для европейцев в 1860 году французский путешественник Анри Муо. Об этом древнем городе я знал и благодаря роману французского писателя Пьера Бенуа «Прокаженный король», написанному в начале двадцатого века. Авантюрный сюжет повествования развивается там на фоне таинственных развалин Ангкор-Вата. В романе фигурирует скульптура Прокаженного короля, овеванная кхмерскими легендами. Ради посещения Ангкор-Вата я готов был поехать и в Мьянму, и в Лаос!

***

Янгон – бывшая столица Бирмы Рангун – поразил меня своим великолепием. Вместо ожидаемой нищеты и бедности я увидел приветливых, улыбающихся жителей в ярких национальных костюмах. Причем, в цветастые юбки были одеты не только женщины, но и мужчины!

Лица большинства женщин, детей и даже мужчин были покрыты белой защитной краской на манер боевой раскраски индейцев. Встречались очень декоративные рисунки, в виде листиков или спиралей. Эту краску получают путем растирания дерева танаки. Она не только защищает кожу лица от солнца, но и делает ее эластичной и упругой. Кроме того, танака создает ощущение свежести и прохлады, несмотря на жаркую погоду.

Тут и там нам попадались стайки выбритых наголо монахов, закутанных в красную материю. Их спокойные лица дышали умиротворением. Всюду чувствовалось влияние буддистской религии. Никто не кричал, не ругался. На дорогах мы не заметили присутствия светофоров, тем не менее, при ожив-

ленном движении, никто не стремился доказать свою исключительность и уступал проезд другому.

Больше всего, конечно, нас впечатлили буддийские храмы, их роскошь.

В центре города на холме красуется комплекс Золотой Ступы – Шведагон. К нему ведут четыре лестницы – с каждой стороны света, покрытые ступенчатыми крышами. Сама ступа возвышается над основанием на 99 метров. По-мьянмски «шве» означает «золото», а «дагон» – древнее название Янгона. Нижние ярусы ступы покрыты сусальным золотом, а на верхней части укреплены почти десять тысяч золотых пластин, общим весом в полтонны. Ступенчатые, острокрылые крыши, покрытые сусальным золотом, создают иллюзию легкости и полета. Ступу украшают тысячи драгоценных камней: бриллианты, рубины, изумруды и др. Множество золотых и серебряных колокольчиков при дуновении ветра издают мелодичный перезвон.

Шведагон – священное место паломничества для всех буддистов. Ступе уже более двух с половиной тысяч лет. Внутри нее хранятся восемь золотых волос Будды, полученных, согласно легенде, двумя местными купцами из рук самого Будды Гаутамы во время посещения ими Индии. Первоначально воздвигнутая ступа была намного меньше и высотой в двадцать метров, но она многократно реставрировалась и каждый раз достраивалась. Все старые постройки находятся внутри Золотой Ступы, словно куклы в матрешке.

Сверкающий купол Шведагона виден за десятки километров от Янгона – и с суши, и с моря. Он такой же символ Мьянмы, как Кремль в России.

В комплекс входит еще одна большая ступа, несколько меньших размеров, чем центральная, шестьдесят восемь малых ступ, семьдесят две молельни со статуями Будды внутри, многочисленные статуи слонов, львов, демонов, сфинксов с раздвоенными телами. Деревянные части построек сплошь покрыты искусной резьбой. Сюжеты резных картин – жизнь Будды.

Мы шли босиком по мраморному полу вокруг ступы и удивлялись количеству людей, заполнивших все пространство между центральным сооружением и массой других построек. Люди молились возле центрального купола, возле молелен, напротив статуй Будды. Они возлагали на статуи гроздьях мелких белых цветов, продающихся на ступенях Золотой Ступы,

и поливали их водой из фонтанов, расположенных вокруг центральной ступы.

У каждого фонтана есть свой знак недели и символ. Люди определяли по специальному справочнику день недели своего рождения и спешили к соответствующему фонтанчику. У меня, как и у Сергея, день рождения выпал на воскресенье. Гид подсказал нам, как найти наш фонтан. Возле него была небольшая очередь из паломников. Они надевали связки белых цветов на мраморную статую Будды, расположенную за фонтанчиком, набирали воду из чаши фонтана и поливали статую и цветы. Этот ритуал, по их мнению, способствовал исполнению заветных желаний. Частью воды окатывали и позолоченную статую кобры, застывшей перед чашей фонтана в агрессивной позе – с раздутым капюшоном и оскаленной пастью. Вдоль бордюра, опоясывающего Золотую Ступу с храмами и фонтанчиками, горели свечи, установленные паломниками. Мы с Сергеем, загадав желания, тоже присоединились к этому водному ритуалу.

Когда закатное солнце осветило Шведагон, он вспыхнул своим золотом, словно гигантский маяк, на фоне темно-синего неба. Толпы туристов и паломников не могли отвести от купола восхищенных взоров, его красота завораживала. И я подумал, что такое созерцание сродни медитации: ты отрешаешься от мирских проблем и забот, все пустые хлопоты, наполняющие нашу жизнь с утра до вечера, улечучиваются из головы, как снег под лучами жаркого солнца, остается только великолепное творение рук человеческих и наслаждение от прикосновения к этому чуду.

Но вот погас последний луч солнца, и мы решили покинуть Шведагон, однако гид остановил нас, предлагая полюбоваться ночным освещением храмового комплекса. И зрелище стоило того, чтобы повременить с ужином!

По мере того как сумерки спускались на землю, окутывая всё серой пеленой, усиливался свет прожекторов, направленных на центральную ступу и другие сооружения Шведагона. Цвет неба стал темно-бирюзовым, детали вокруг терялись в сгущающемся мраке, а центральная ступа засветилась мягким золотым светом. Четко прочерчивались ступени террасы у основания ступы, обозначились контуры гигантского колокола – центральной части ступы. Все детали лотоса, венчающие верхушку этого колокола, стали объемными. Над лотосом засверкал драгоценными камнями огромный зонтик – непре-

менный архитектурный атрибут буддистских богур – ступ со святыми реликвиями.

Когда окончательно стемнело, мы спустились со священного холма, но светящийся золотой купол был виден из любой точки города.

Восьмое чудо света

Из Янгона мы отправились в Баган – древнюю столицу Бирмы. При посадке самолета я увидел в иллюминатор просторную долину, похожую на саванну, с многочисленными рощами деревьев, среди которых возвышались ступенчатые пирамиды храмов и ступы.

Сходство некоторых древних буддистских храмов с индейскими пирамидами Америки было велико. Они так же были ориентированы по сторонам света, на верхнюю площадку вели лестницы с крутыми ступенями. Но многочисленные купола, по форме напоминающие либо нераскрывшийся цветок лотоса, либо буддистский колокол, увенчанный острым шпилем, роскошные ажурные постройки, вызывающие в памяти королевские дворцы индийских раджей – все говорило о том, что мы в Азии.

Храмы Багана занимают все обозримое пространство, выглядывая из-за вершин окружающих их рощ. Низкие, высокие, круглые, пирамидальные, островерхие, резные – все они создают удивительную картину гигантского затерянного города. Большая часть сооружений красно-кирпичного цвета, живописно сочетающегося с зеленой кроной деревьев. Храмы построены из обожженного кирпича. Но взгляд неизменно задерживается на редких серо-белых или чисто-белых постройках, сложенных из камня, выбивающихся из общей цветовой гаммы.

Несколько ступ, в которых хранятся святыи реликвии (зубы или фрагменты костей Будды), покрыты золотом и сверкают слепящим огнем в лучах полуденного солнца.

В древности в долине Багана насчитывалось более двенадцати тысяч ступ и храмов. Сейчас их, как говорят, более четырех тысяч, но многие из них заброшены и полуразрушены. Туристами посещаются лишь наиболее значимые храмы, которые отреставрированы. Желаящие увидеть больше берут напрокат байки и самостоятельно исследуют окрестности, пробираясь по тропинкам, выходящим между деревьями,

наступающими на покинутый город. Другие предпочитают повозки, запряженные быками или лошадьми. Местные жители с удовольствием возят туристов среди руин Багана на таком экзотичном виде транспорта.

Храмовые сооружения Багана построены, в основном, в XI–XII веках и занимают территорию более сорока квадратных километров. В тринадцатом веке баганское царство было захвачено монголами, и город был покинут жителями.

Большинство ступ и храмов однотипны, но при этом каждая постройка индивидуальна. В одних сооружениях находятся статуи Будды, в других – лабиринты коридоров, стены которых украшены живописными фресками. Кое-где видны статуи мифических существ, слонов и других животных, охраняющих вечный покой древних руин. Между группами построек, утопающих в зелени роц, – выжженная пустыня. Мы приехали в сухой сезон, когда страна посещается туристами. В период влажного сезона здесь льют тропические дожди и нередки наводнения. В это время туристов очень мало, а население занимается земледелием.

В стороне от оживленных туристических дорог, в одиночестве пробираясь сквозь заросли от одного храма к другому, ощущаешь себя первопроходцем или искателем приключений, вроде Индианы Джонса. В ветвях деревьев можно заметить удивительную птицу-носорога с огромным клювом, а в заброшенном строении при свете фонаря можно обнаружить сохранившиеся фрагменты фресок, рассказывающие о жизни Будды.

Вечером, забравшись на одну из высоких ступ, мы любовались удивительной картиной – закатом в долине Багана.

Небесное светило, склонившись к горизонту, превратилось в большой красный шар. Пылевая дымка, висевшая над долиной из-за отсутствия дождей, сделала солнечные лучи безопасными для глаз, и можно было смотреть на солнце даже без защитных очков. Сама дымка, освещенная лучами, превратилась в светящийся золотистый туман, из которого проступали стройные очертания древних храмов. Их было так много, что они образовывали настоящий каменный лес. Довершала эту чудесную картину сверкающая полоса реки Иравади с изящными силуэтами пальм, растущих по ее берегам. Все мысли и чувства уступили место благоговейному восторгу. Нет больше в мире места, где можно было бы увидеть столь фантастический пейзаж, искусно дополненный древними ва-

ятелями. С трудом верится, что это не плод фантазии голливудских режиссеров, пытающихся изобразить неземной мир.

Я оборачиваюсь и восхищаюсь новыми красками открывшейся передо мной панорамы. Теплые лучи заходящего солнца, осветив храмы, заставили их светиться ярким карминным цветом на темно-зеленом фоне роц. Золотой купол Шведзигона – меньшего брата столичного Шведагона – ослепительно сверкает, привлекая к себе взоры людей, собравшихся полюбоваться закатом. На заднем плане сквозь дымку угадывается невысокий горный хребет, замыкающий долину Багана.

Вскоре солнечный диск стал погружаться в более плотную полосу пылевой дымки, даже не дойдя до горной гряды на другом берегу Иравади. Несколько минут спустя землю окутали сумерки, и видение таинственного города погасло, растворившись в наступающей мгле.

Не менее удивительную картину можно было наблюдать утром. По долине стелился предрасветный туман, из которого выступали кроны деревьев и ажурная вязь храмовых построек, а над ними проплывал десяток огромных разноцветных воздушных шаров с людьми, которым посчастливилось насладиться этой неповторимой красотой с высоты птичьего полета.

Монастырь на горе Попа, царство обезьян, Срединный путь и кукольный театр

Неподалеку от Багана возвышается давно потухший вулкан Попа. Последний раз он извергался в 442 году до нашей эры. По местным поверьям, на его вершине, вознесенной к небу на 1518 метров над уровнем моря, обитают демоны-наги. Вулкан – известное святилище, посещаемое множеством паломников в дни праздников. На вершину ведет лестница, построенная одним из буддийских монахов. Со склонов вулкана стекают двести родников, благодаря которым гора покрыта густым лесом, что кажется невероятным, ведь вокруг – засушливая зона.

На юго-западном склоне вулкана расположена мощная скала Таунг-Калат, на самой вершине которой приютился буддистский монастырь. Скала, вздымающаяся на 737 метров

над уровнем моря, видна издалека. Белые стены монастыря и его золоченые шпили, сверкающие в солнечных лучах, придадут скале неповторимое очарование. Многие предпочитают называть скалу, как и вулкан, горой Попа. Для русского уха это название не очень благозвучное, но шутка: «Если ты не был на Попе, то многое потерял!» – неизменно вызывает улыбку.

Склоны скалы и сам монастырь – настоящее царство обезьян. Они всюду: сидят на балках и стропилах ступенчатых лестниц, ведущих к монастырю на вершине, бегают по куполам и зданиям храма, отдыхают на деревьях, растущих на склонах, выглядывают из-за решетчатого барьера смотровых площадок наверху. У них одна цель: стащить у зазевавшегося посетителя сумку или пакет и разворошить их в поисках съестного. Монахи и гиды, сопровождающие туристов, вооружены огромными рогатками. Я ни разу не видел, чтобы кто-нибудь из них применил свое оружие по назначению, но едва они направляли рогатки в сторону распоясавшихся обезьян, те стремительно бросались наутек.

На вершину горы пришлось идти босиком, как и в любой буддистский храм. Поднимаясь, я наблюдал за местными жителями, совершающими паломничество целыми семьями, включая малышей. Они щедро оклеивали банкнотами изображения святых монахов и Будды. Я понял, что такие посещения – часть воспитания подрастающего поколения, передача буддистских традиций. Вырастая, человек не задумываясь оказывает помощь монастырям и монахам.

Позже на базарах и в городах я видел, как толпы монахов обходят ряды торговцев, и те спешат наделить чем-нибудь священнослужителей.

Гид рассказывал нам, насколько трудна жизнь монахов. Им приходится вставать ежедневно в четыре часа утра и медитировать. Затем они отправляются за подаянием, и то, что они принесут, будет их утренней пищей. Днем монахи занимаются своим образованием: изучают науки и языки, читают буддистские тексты, а днем вновь выходят на улицы за пропитанием. Едят они дважды в день. Вечер посвящен занятиям и медитации. И так день за днем.

Местные жители предпочитают отдавать своих детей в монастыри. Там они получают бесплатное образование, изучают английский язык, философию буддизма, постигают практику медитации, а по окончании учебы покидают монастырь и живут мирской жизнью. Буддизм в Мьянме не принуждает

людей жить монашеской жизнью. Она только для избранных – для тех, кто желает посвятить себя служению во благо всего человечества. Ведь им придется отказаться от многих привычных для нас благ. «Монахи молятся о нашем общем счастье», – сказал гид.

Я понял, что постигнуть смысл этих слов можно, лишь познакомившись ближе с самой доктриной буддизма. Я начал расспрашивать гида, и тут же обнаружил, что религия Мьянмы сильно отличается от буддизма Бутана. Здесь практикуют школу Тхеравады или Хинаяны, как ее называют на Западе. В Бутане же распространено учение Махаяны, пришедшее туда с Тибета.

Тхеравада – наиболее древнее течение буддизма, возникло более 2500 лет назад. Учение основывается на Палийском кодексе – своде буддистских текстов, составленных через три месяца после смерти Будды Гаутамы в 543 году до нашей эры и передаваемых устно из поколения в поколение в течение нескольких веков. Записали эти тексты лишь в третьем веке до нашей эры на Третьем буддистском соборе. Тхеравада впервые стала государственной религией на Шри-Ланке во время правления императора Ашоки в 250 году до нашей эры и оттуда распространилась на юго-восточную Азию: Мьянму (Бирму), Лаос, Камбоджу и Таиланд.

Махаяна возникла значительно позже – в первых веках нашей эры. Она стала государственной религией в Бактрии. В Средние века приверженцы этой школы буддизма жили в Центральной Азии, в том числе и на территории современного Кыргызстана. Далее учение распространилось в Китай, Тибет, Монголию, Вьетнам, Корею и Японию.

Если в Бутане каждый человек стремится к совершенству и просветлению и махаяна дает ему возможность достичь нирваны, то тхеравада говорит, что только монах может стать просветленным, ибо только он может отказаться от всех земных благ и вырваться из круга сансары. На монахе лежит тяжелая обязанность исправить карму всего человечества, за это ему везде уважение и почет. Каждый буддист стремится как можно больше отдать монастырям и монахам, в этом он видит свой долг.

Буддизм – самая древняя и весьма своеобразная мировая религия. Она отвергает веру в богов и в Создателя. Считается, что поклонение любым богам – пустая трата времени, что Вселенная бесконечна и что у нее нет Творца. Утвержда-

ется даже, что буддизм не религия, а образ жизни. В буддизме нет понятия греха, нет искупления, нет ересей и абсолютной преданности учению. Будда говорил: «Ничего не бери на веру – все проверяй!» Он очень боялся, что последователи возведут его в ранг божества, но, тем не менее, буддизм стал религией. Людям проще верить, чем постигать истины умом.

В отличие от буддизма, христианство и ислам держатся на страхе перед Божьей карой за малейшие прегрешения. Священники твердят о наказании и вечных страданиях, сулят райское блаженство за благочестивую жизнь, заставляют людей проводить уйму времени за чтением молитв. В этих религиях почитают бездумную веру. Буддизм же всячески стремится сделать каждого человека мыслящим. Он не налагает запретов, даже не советует, а мягко напоминает: «Если ты считаешь себя буддистом и хочешь жить достойной жизнью, то для этого нужно следовать некоторым правилам: например, не убивай никакого живое существо, не кради чужих вещей, не прелюбодействуй и не предавайся разврату, не лги и избегай дурных поступков и мыслей, не пьянствуй и не принимай одурманивающих разум напитков и наркотиков».

Я сравниваю эти правила с заповедями христианства и ислама, – они похожи, хотя их и меньше. Но почему в буддистских странах они работают, ведь это видно по лицам живущих там людей, а в наших просвещенных странах эти заповеди так и остаются догмами священных книг и не становятся нормой жизни?

Почему я не так часто встречаю улыбки у себя дома, а чаще вижу хмурые, а то и злые лица? Буддизм говорит об этом: «Постоянное стремление удовлетворять всё возрастающие потребности приводит к разочарованию, ведь удовлетворение ведет к появлению все новых желаний. А чем больше желаний не могут быть удовлетворены, тем больше растет страдание людей».

Неужели отказ от всех желаний ведет к счастливой жизни? Это же абсурд!

Ответ я нашел в одной из книг о буддизме, в которой было приведено предупреждение Будды своим последователям: «Не впадайте в крайности, выбирайте Срединный путь!» Он призывал к душевному миру, к мудрости во всем: в мыслях, поступках, речи, образе жизни, усердии. Медитация не молитва, а сосредоточение, размышление.

Мне понравилось изречение: «Что меньше сил человека,

то не развивает его, а что больше – раздавливает». Значит, Срединный путь – это жизнь на пределе сил, с максимальной отдачей, подумал я.

Конечно, можно сказать, что заповеди буддизма – прописные истины, они не открывают ничего нового. Но и в Мьянме, и потом в Лаосе и Камбодже, я видел, что они – норма жизни. Никто не гневается, не держит зла, спешит помочь нуждающимся, не сплетничает и не злорадствует, видя чужое несчастье. В этих странах практически отсутствует преступность. Иногда я очень сожалею, что в средние века нашу территорию захватили именно арабы, внедрив в местные народы свою веру.

...Мы наблюдали закат, сидя в уютном кафе на берегу реки Иравади. В этом месте река разбивалась на несколько рукавов, образуя песчаные острова. Ее ширина порой была больше четырех километров, расстояние до островов – около восьмисот метров. На островах были видны тростниковые жилища рыбаков и земледельцев, выращивающих картофель, помидоры и другие овощи. Мы видели, как к острову подходили лодки и загружались большими холщовыми мешками с товаром, которые грузчики переносили на плечах. Жители островов подвозили товар на телегах, запряженных быками. Пыль от повозок клубилась, поднимаясь в воздух и светясь в лучах заходящего солнца. На красной от закатного света воде темнели силуэты больших лодок с рыбаками или с туристами.

Едва исчез красный шар светила, как окрестности окутала сумеречная мгла. Тихое блаженство опустилось на землю. Вдоль реки дул ласковый ветерок, а в воздухе появились гигантские летучие лисицы, полет которых вызвал в памяти вымерших птеродактилей.

На открытой сцене кафе началось кукольное представление. Во всей Юго-Восточной Азии любят театр марионеток. Разыгрываются различные сцены из эпосов «Махабхарата» и «Рамаяна», из жизни Будды.

Рядом со сценой расположились музыканты, играющие на народных музыкальных инструментах. Смычковый инструмент был похож на киргизский кыяк и издавал подобные ему звуки; струнный напоминал арфу, но по форме больше походил на лодку. Музыка была довольно однообразной и медленной. Зато искусство актеров, водивших марионеток, поражало. Их куклы были гибки и подвижны, словно то были настоящие

танцоры, и выделявали такие па и коленца, которые были не под силу живым людям. Публика была в восторге.

Наслаждаясь спектаклем, мы с Дудашвили завидовали белой завистью бирманцам и негодовали, почему же у нас, в Кыргызстане, нет таких уютных кафе с национальным колоритом, традиционными нарядами и музыкой? Почему вместо приятной, тихой музыки мы обреченыглохнуть от рева и хрипа мощных динамиков, напрочь лишаящих посетителей возможности побеседовать друг с другом?

Туристов в Мьянме на удивление много. Дело в том, что долгое время страна была для них закрыта, находясь под властью военной диктатуры. Лишь в 2011 году Мьянма стала президентской республикой, хотя и сейчас четверть депутатских мест в парламенте остаются за военными. Зато теперь страна открыта, и туризм приносит ей ощутимую прибыль.

В Мьянме действительно есть что посмотреть: тысячи великолепных храмов, ступ и пагод, древние города и уникальные природные объекты.

Одна из природных достопримечательностей Мьянмы – Золотая скала. Это огромный камень, буквально повисший на скале в невероятном положении, готовый, кажется, низвергнуться в пропасть в любую секунду и удерживаемый, как говорят верующие, лежащим под ним волосом Будды. Впечатляет и Пещера тысячи будд – естественная пещера с многочисленными залами, сталактитами, подземными озерами, в которой установлена не тысяча, а больше восьми тысяч статуй Просветленного! А знаменитое озеро Инле с его городом на воде! Рыбак, акробатически стоящий на одной ноге, а другой поднимающий сплетенную из веток снасть, или ловко подгребающий веслом, зажатым между ступней и бедром ноги, – визитная карточка Мьянмы.

Огромное количество овощей выращивается именно здесь – на озере Инле. Грядки, разбитые на бамбуковой основе, плавают в воде, удерживаясь на месте вертикальными бамбуковыми шестами, на которых сидят белые цапли, коричневые орлы, промышляющие ловлей рыбы. Местные жители ухаживают за своими огородами, пробираясь между грядками на лодках. В селениях вместо улиц – вода; дома стоят на высоких сваях. Венеции и не снилось такое количество воды, здесь просто нет суши. На деревянных помостах, заменяющих жителям дворы, можно увидеть садки для разведения рыбы

или большие загоны, где содержатся крокодилы. Кожа или чучело крокодила – ходовой товар для туристов.

Интересен Мандалай – последняя столица бирманского королевства до завоевания страны британцами. С тех давних времен там сохранился деревянный тиковый мост через озеро длиной 1200 метров и так называемая Каменная книга – 729 мраморных стел, на которых выбит текст Палийского кодекса, Типитаки – главной книги Тхеравады. Для каждой стелы построен отдельный павильон-храм. На отдельной, 730-ой, стеле выбито содержание этой гигантской книги. Вид семисот тридцати небольших белых храмов, выстроившихся вокруг золотой ступы, производит сильное впечатление. Примечателен тот факт, что когда в 1900 году текст Типитаки воспроизвели в бумажном варианте, то получилось 38 томов, по 400 страниц в каждой книге!

Можно еще долго продолжать список чудес этой еще неизвестной во многом страны. Мы, конечно, не могли за неделю увидеть все красоты Мьянмы, но главное – мы познакомились с гостеприимными жителями этой страны. Их лица, раскрашенные танакой, излучают внутренний свет. Видно, что мир царит в их душе. Возможно, их желания совпадают с их возможностями и им неведома неудовлетворенность, поэтому они счастливы. Ведь счастье не в обладании богатствами, деньгами, а в восприятии окружающего мира. Счастье – это внутреннее состояние души человека. Во многих развитых цивилизованных странах люди одиноки и несчастны, а самые счастливые страны, как правило, бедны. например, Куба, страны Центральной Америки или Бутан. Теперь в этот список я внес и Мьянму.

В Янгон мы вернулись перед отлетом в Лаос. Мы были полны впечатлений от этой поездки. Тем не менее, уже повидав немало скульптурных изображений Будды, мы были впечатлены 75-метровой статуей возлежащего Просветленного, одна улыбка которого была более пяти метров, а ресницы выполнены из перьев павлина.

И никогда мы не забудем прощальный закат на реке Янгон.

Пристань напоминала растревоженный муравейник: люди спешили домой после трудового дня на другой берег реки. Ширина ее в этом месте чуть больше километра. Из-за отсутствия моста переправиться через реку можно только на

лодках-такси, в которые набивается по десять-одиннадцать человек.

Десятки лодок сновали от одного берега к другому. Желаящих перебраться на другой берег с каждой минутой становилось все больше и больше. Янгон – гигантский город, в котором жителей более шести миллионов человек, и лодочники добавляли газа, торопясь перевезти побольше пассажиров в час пик. Каждую лодку сопровождала стая истошно кричащих чаек. Треск лодочных моторов, многоголосый говор пассажиров, крик чаек – всё это сливалось в единый гул, напоминающий гул низвергающегося водопада. И на этом фоне великое безмолвие хранили лишь огромный красный шар закатного солнца, сверкающие вдали воды реки и темные силуэты кораблей, стоящих вдоль берега.

Лаос – заминированная земля

Познакомиться с Вьентьяном – столицей Лаоса нам не удалось. Из-за плотного тумана мы полдня просидели в аэропорту Янгона, ожидая посадки в самолет, и по прилете сразу пересели в другой самолет и вылетели на север Лаоса, где на границе с Вьетнамом, вдоль подножия Аннамского хребта расположена знаменитая Долина Кувшинов.

Каменные кувшины округлой или прямоугольной формы, высотой от одного до трех метров и весом до шести тонн располагаются цепочками на вершинах невысоких скалистых холмов, поросших кустарником и деревьями. Эти сооружения до сих пор являются предметом спора ученых. Одни утверждают, что это емкости для воды, другие настаивают, что кувшины использовались для погребения покойников. Осматривая кувшины, мы обнаружили рядом с ними несколько массивных крышек, что подтверждало, на наш взгляд, версию об использовании кувшинов в погребальных целях.

На площадке с кувшинами велись археологические раскопки. Там работала международная экспедиция. Видны были вызволенные из грунта крышки кувшинов. Одна из них была украшена барельефом – человеческая фигура с поднятыми вверх руками и расставленными в сторону ногами, почти как знаменитый витрувианский человек Леонардо да Винчи. Подобное же изображение мы обнаружили и на стенке стоявшего тут же кувшина.

В одном из холмов мы нашли вход в пещеру. Ее зал был большой, и внутри находились сложенные из камней пирамидки и каменные алтари. Очевидно, пещера использовалась в ритуальных целях.

Мы шли строго по тропинке, вьющейся по гребню холмов, так как нас предупредили, что в стороне от тропы может таиться мина, оставшаяся с прошлой войны. По пути нам попадались подозрительно круглые ямы до десяти метров в диаметре. Гид объяснил, что это воронки от бомб.

Земля в этой провинции буквально испещрена воронками от авиабомб, которыми их «угощали» американцы в период так называемой Секретной войны.

Во времена Вьетнамской войны, с 1965 по 1973 год, по территории Лаоса проходила «тропа Хо Ши Мина», по которой вьетнамцы перебрасывали оружие и людей. Американцы сбросили за это время более 260 миллионов авиабомб на Лаос, пытаясь уничтожить этот героический народ. Причем применялись такие варварские штуки, как кассетные или шариковые бомбы. В каждой авиабомбе находилось более ста маленьких бомб, которые разбрасывались на большой территории при раскрытии корпуса кассетной авиабомбы. Земля Лаоса нашпигована этими бомбочками, ярко раскрашенными, словно детские игрушки. Именно дети становятся частыми жертвами этого военного наследия. Найдя подобную игрушку, они без страха поднимают ее с земли. Если кому-то из детей и посчастливится остаться в живых, то, скорее всего, без руки, ноги или с другими страшными увечьями. Гибнет скот, пасущийся на этих бескрайних минных полях, крестьяне, обрабатывающие свои делянки. Мина может оказаться где угодно. Помножьте 260 миллионов на 100 и получите приблизительно количество бомб, предназначенных американцами, в первую очередь, для мирного населения Лаоса. Вот почему я не люблю слушать, когда американцы рассуждают о свободе и демократии. Вся история их страны связана с варварским уничтожением других народов: индейцев, мексиканцев, вьетнамцев, лаосцев и так далее. До сих пор в Лаосе каждый год гибнет до шестисот человек, случайно натываясь на американские «подарки».

Туристам, по приезде в страну, обязательно показывают фильм о той «секретной войне». Почему «секретной»? Потому что Америка не объявляла войну Лаосу, который был нейтральным государством. Американский народ до сих пор не

знает, что его правительство вело эту тайную войну. Огромные территории Лаоса были буквально выжжены напалмом и другими отравляющими веществами. Погибали люди: старики, дети, женщины. Уничтожалась фауна и флора. Полностью исчезли лаосские слоны, была отравлена вода, выжжены джунгли. Я видел обширные безлесые пространства, где до сих пор не растут деревья.

После осмотра Долины Кувшинов мы заехали в смотровой зал, где нам должны были продемонстрировать документальный фильм о той войне. Было уже поздно и темно, но оператор, видимо, ночевал рядом в сторожке. Он открыл нам дверь, и мы впятером, считая гида, вошли в пустой зал.

Фильм производил тягостное впечатление. Кадры с изувеченными детьми и взрослыми, с вращающимися материнскими авиабомбами, сеющими вокруг шариковые бомбы, вызывали вопрос: в чем провинились эти люди перед американцами, что Америка воспыкала такой лютой ненавистью к ним и вознамерилась стереть Лаос с лица Земли? Ответ прост: лаосцы решили стать коммунистами. Флаги с серпом и молотом и теперь красуются в Лаосе. Оператор рассказал нам, что однажды показывал этот фильм американке, и она была сильно шокирована, впервые узнав о Секретной войне. Плача, она тут же пожертвовала пятьсот долларов на благотворительность. Американские организации активно занимаются разминированием Лаоса, но до конца этой истории еще очень далеко.

Мы заходили в жилища крестьян. Живут они бедно, очень много детей. Четырех-пятилетние нянчат своих недавно родившихся сестер и братьев.

По всей вероятности, тяжелые условия жизни приучили лаосцев употреблять в пищу любую живность. На базарах можно увидеть все: от птиц до летучих мышей, от тараканов и кузнечиков до муравьиных яиц и опарышей, от лягушек и жаб до кошек и крыс, от ящериц и змей до пауков-птицеедов и обезьян. На удивление, в отличие от вьетнамцев, лаосцы не едят собак.

Жизнь страны неразрывно связана с великой рекой Меконг, по которой проходит граница с Мьянмой и Таиландом. Река берет начало в Тибете, протекает по Китаю, Мьянме, Лаосу, Таиланду, Камбодже и Вьетнаму, где впадает в Южно-Китайское море. Меконг – главная транспортная артерия

Лаоса. По ней ходят как грузовые, так и пассажирские суда, плавают многочисленные рыбацкие лодки. Из реки извлекают не только богатый улов рыбы, но и песок для строительства. На многочисленных островах выращивают овощи и рис.

Неподалеку от камбоджийской границы Меконг делится на два рукава, которые, в свою очередь, распадаются на массу мелких, образуя подобие гигантского спрута, раскинувшего свои щупальца на огромной территории. Это место лаосцы называют «Страной тысячи островов». Во времена господства здесь французских колонизаторов на одном из крупных островов была построена первая в стране железная дорога. От нее сейчас сохранился лишь каменный мост через один из протоков и остов старого локомотива, выставленного для обозрения туристами.

По Меконгу невозможно попасть в Камбоджу. Путь преграждает самый мощный водопад в мире – Кхон. Его ширина около десяти километров!

От водопада мыплыли на корабле вверх по течению Меконга трое суток до городка Паксе. По пути мы посещали деревни земледельцев и рыбаков, мастерские, где делают лодки, и кузницы, производящие ножи, топоры и прочие орудия труда. Мы видели, как местные умельцы используют дармовой металл, «подаренный» им американцами в виде бомб. Из него делают все, что необходимо для хозяйства. Везде мы натыкались на следы войны: это мог быть, например, корпус от бомбы, в котором растут цветы, или наковальня в кузнице, сделанная из старого снаряда, и многое другое.

В Лаосе сохранились развалины некогда величественных кхмерских храмов, теперь поглощенных джунглями или разрушенных землетрясениями. Особо впечатляет храм Ват-Пху в местечке Чампасак, построенный еще в пятом веке у подножия горы Лингапарават, ныне носящей имя Као. Скалистой вершине горы, вознесенной в небо на 1397 метров над уровнем моря, монахи придали вид гигантского лингама – фаллоса, отсюда и название «Гора фаллоса». Лингам виден отовсюду на большом расстоянии. Сам храм полуразрушен, сохранились лишь более поздние постройки одиннадцатого-двенадцатого веков, и те в плачевном состоянии. Но руины, оставшиеся от более древнего храма, будоражат воображение. Гигантские фрагменты колонн, лежащие среди деревьев, говорят о том, что здесь стоял храм, по размерам больше подходящий титанам, а не простым смертным.

...К храму мы шли по мощенной каменными плитами дороге, вдоль которой с обеих сторон стояли столбы-лингамы. На склоне горы были видны многочисленные террасы, укрепленные каменными блоками. На террасах располагались храмовые постройки. В наиболее крутых местах дорога переходила в лестницу, укрытую от солнечных лучей цветущими магнолиевыми деревьями. Верхняя площадка упиралась в мощную скальную стену, к которой в далекие времена был пристроен храм. Из небольшого грота в скале бил ручей, вода которого считается священной. На вертикальной стене скалы выбиты изображения медитирующего Будды, след его ступни, слоны. Рядом стоят пирамидки из камней, сложенные паломниками для исполнения заветных желаний, – все говорит о том, что руины храма Ват-Пху и до сих пор почитаются верующими.

Все было бы прекрасно, если бы не огромное количество мусора, лежащего горами по всей территории святилища. Гид, оправдываясь, говорил, что накануне проходил праздник и мусор не успели еще убрать. Но ведь и в других местах, посещаемых нами ранее, мусор был обычной вещью, и мы решили, что чистота в Лаосе понимается весьма своеобразно. Впрочем, в Камбодже мы столкнулись с подобным же отношением к уборке мусора. Так что я подумал, что у нас в Кыргызстане не так грязно, как я привык считать. Лариса Дудашвили, успокаивая меня, сказала, что в Индии с этим делом обстоит все гораздо хуже, чем в Лаосе. Но мне было совершенно не понятно, как можно содержать столь привлекательное для туристов место в таком неприглядном состоянии.

Тягостное впечатление осталось у меня и от посещения бедного селения, где проживала община народности мон. Узкие проулки между домами, стоящими на сваях, были заполнены всякой живностью: небольшими свиньями с крохотными поросятами, курами с цыплятами, собаками со щенками. Среди животных бегала куча малышей разного возраста, мал мала меньше. Дети чуть постарше таскали на спине совсем маленьких. Возле домов занимались хозяйством женщины, вид у них был изможденный. Многие из них курили толстые бамбуковые трубки. Электричество в селении отсутствовало, и многие достижения современной цивилизации его жителям были не ведомы.

Под сваями домов стояли деревянные гробы. Я спросил у гида об их назначении. И девушка, сопровождавшая нас, рассказала, что мон не буддисты, а анимисты, то есть верят

в духов. Они хоронят умерших под домами, считая, что так духи предков будут охранять покой своих потомков. Во время сватовства жених дарит своим будущим тестю и теще гроб, который те выставляют на всеобщее обозрение прямо под сводами своего дома. Там он и находится, пока не пригодится по прямому назначению.

Я смотрел на жителей деревни и вспоминал наши, киргизские, селения, тоже оторванные от цивилизации. Как выходцам из таких мест пробиться к месту под солнцем, ведь они обречены с рождения влачить беспросветную жизнь? Или, может быть, они довольны своим существованием и могут легко адаптироваться в туристический бизнес, зарабатывая, словно актеры, именно демонстрацией своих обычаев и образа жизни? Возможно, и не стоит разрушать их самобытность и производить «евроремонт», который нелепо будет выглядеть как здесь, так и у нас, где-нибудь в Ат-Баши или Кожокелене?

...Мы жили на корабле и вечерами с палубы любовались малиновыми закатами. С нами на борту была большая группа пожилых французов, которых в большом количестве можно встретить в Юго-Восточной Азии. Наверное, подумал я, они вспоминают, что долгое время весь Индокитай принадлежал Франции. Что теперь здесь осталось от европейской цивилизации, кроме колониальных особняков? Тем не менее французский язык, наряду с английским, повсеместно изучается в школах, а старшее поколение свободно говорит на нем.

Буйволы, отдыхающие в воде от дневного зноя, буддистские храмы, стоящие у берегов реки, золотые статуи Будды, установленные на возвышенных местах, рыбацкие лодки и снасти, виднеющиеся у береговой линии вдоль деревенок, дети, резвящиеся в воде, белые силуэты цапель на скалах, торчащих вдоль нашего фарватера, – перед нашими глазами разворачивалась картина мирной жизни Лаоса. Местные жители, как и в Мьянме, были радушны и доброжелательны, так же исповедовали тхераваду и кормили монахов. В Луанг Прабанге – городе, объявленном ЮНЕСКО объектом всемирного наследия и являющемся центром туризма в Лаосе, кормление монахов стало обязательным аттракционом для туристов. Сотни желающих участвовать в этом ритуале встают спозаранку и выстраиваются вдоль улиц, где будут проходить монахи. Предприимчивые жители городка продают туристам нехитрое подаение для монахов: вареный рис, завернутый в банановый лист, шоколадный батончик и пачку печенья. На тротуаре сте-

лются циновки и устанавливаются маленькие стульчики, на которых располагаются туристы. В ожидании монахов они с удовольствием позируют друг другу, щелкая затворами фотоаппаратов. Вскоре туристы запруживают все улицы, то и дело нервно поглядывая по сторонам и сжимая в руках видеокамеры и фотоаппараты. Монахи появляются ровно в шесть утра. Ярко-красное облачение и бритые головы резко выделяют их из серой туристской массы. По улицам словно течет красный поток. Щелкают фотоаппараты, сверкают фотовспышки – начинается действие.

У каждого монаха большой металлический котелок, куда он складывает подаяние. В конце квартала установлены большие плетеные корзины, в которые монахи опорожняют свои переполненные котелки. Позже корзины унесут в монастырь, куда вернутся завтракать служители Будды. Возле корзин пристраиваются дети из бедных семей. Часть подаяния монахи отдают им.

Через полчаса улицы пустеют. Монахи уходят в монастырь, туристы возвращаются в отели на завтрак. Все довольны: монахи накормлены, местные жители немного подзаработали на продаже подаяния, бедные получили свою часть дармовой еды, туристы вдоволь наснимались на фоне экзотично одетых монахов – будет чем похвастаться перед родными и сослуживцами!

Наш круиз по Меконгу закончился в городке Паксе – неофициальной столице южного Лаоса. Некогда здесь была резиденция правителя королевства Тямпасак. После образования Объединенного Королевства Лаос город утратил свое значение.

Из Паксе мы вылетели в Камбоджу, где должна была состояться, наконец, наша долгожданная встреча с Ангкор-Ватом.

Камбоджа – страна храмов

Неподалеку от городка Сием Реапа, рядом с которым расположен Ангкор-Ват, есть древнее индуистское святилище, скрывающееся в джунглях и называющееся «Река тысячи лингамов». В древнеиндийской мифологии и индуизме лингам является символом божественной производящей силы. Обычно это не только изображение фаллоса, но и йони – вагины, то есть лингам представляет собой символ единства мужского и

женского начал, наподобие китайского знака инь-янь. В качестве ритуальной скульптуры он изображается в виде цилиндра со сферической вершиной, поднимающегося из круглого или квадратного основания – символа йони.

Мы решили посетить это культовое место. От трассы до реки вела лесная тропа, вьющаяся по горному склону. До водопада – центра святилища было около полутора километров.

Несмотря на сухой сезон, под густым пологом леса было душно, и когда мы поднимались, пот заливал глаза и струился по спине, отчего одежда вскоре стала влажной. Корни деревьев, похожие на гигантских змей, расплзлись по тропе, окутывали огромные валуны мертвой хваткой, словно удавы несчастную жертву, а ветви и стволы самих деревьев были увиты мощными вьющимися лианами. Мы упорно продвигались все выше, пока перед нами не открылась ровная скальная площадка, с которой должен был низвергаться водяной поток. Но, к сожалению, река пересохла. Она оживает лишь во время влажного сезона, когда ливневые дожди обрушиваются на эту изнемогающую от жажды землю.

Каменистое дно русла было похоже на мостовую, мощенную круглым булыжником, – на нем рядами были вырезаны круглые головки лингамов, стоящих на основаниях – йони. Женские символы – йони – были прямоугольные, с длинным узким каналом-протокой с одной стороны. Открытая сторона йони была направлена вверх по течению реки. Видимо, это имело ритуальный смысл: йони с лингамом символизировали акт зачатия, и омывающая их вода придавала этому действию завершающий смысл. В центре некоторых йони возвышалась одна головка лингама, но большинство йони больше походили на цветок ромашки: в центре была сфера главного лингама, а вокруг него, словно лепестки цветка, располагались еще восемь небольших лингамов. Я обнаружил несколько йоней с пятью лингамами: один большой – центральный, и четыре в каждом углу йони. Безусловно, все эти изображения несли в себе определенный смысл. Ведь и у нас, в Кыргызстане, нередко можно обнаружить стоящие по кругу валуны, и обычно их восемь. Вместе с центральным камнем они составляют число девять, которое у многих народов считается священным.

На больших вертикальных плоскостях скал были выбиты изображения Шивы в окружении божеств и змей-нагов.

Святилище было полуразрушено, и кое-где обломки плит лежали в беспорядке. Мы пробирались между огромными ва-

лунами вниз по течению реки и везде находили полустертые барельефы божеств, зверей и лингамов. Джунгли наступают на святилище, опутывая валуны корнями деревьев, разрывая плиты на части, уничтожая следы человеческого присутствия.

Я представил себе, как выглядит река тысячи лингамов, когда по ней течет вода. Изображения тогда видны сквозь прозрачный поток, придающий всему святилищу таинственное очарование. Грохочет водопад, джунгли, напоенные дождями, благоухают роскошными цветами, из воды на вас взирают изменчивые, струящиеся лики древних богов, а фаллосы наконец-то соединяются с йони, неся окружающему миру плодородие и зарождение новой жизни.

Утром следующего дня мы попали в Ангкор-Том. В Средние века это была столица Кхмерской империи. Ученые предполагают, что в период расцвета ее население могло составлять более миллиона человек.

Центральная часть города, обнесенная крепостной стеной, окружена рвом шириной около ста метров, заполненным водой. Вся территория Ангкор-Тома, представляющая собой квадрат со сторонами около 3200 метров, полностью поглощена джунглями. На месте королевского дворца лишь невысокие холмы. От деревьев расчищено только несколько храмов и террасы слонов и Прокаженного короля. Город, как и все храмы, ориентирован по сторонам света, и в него ведут четыре моста, по одному с каждой стороны. Туристы попадают в Ангкор-Том через внушительные Южные ворота. Дорога к ним из Сием Риепа проходит мимо входа в Ангкор-Ват. Он также окружен водным каналом, но в два раза более широким, чем Ангкор-Том.

Проезжая мимо этого чуда света, мы с замиранием сердца взирали на величественные башни в форме лотоса, которые образовывали прекрасную диадему храма. Они – символ страны и украшают флаг Камбоджи. Мы предвкушали встречу с Ангкор-Ватом, но по плану сначала должны были познакомиться с Ангкор-Томом.

К Южным воротам Ангкор-Тома вел мост через канал. Вместо перил – статуи демонов, тянущих длинное тело змеянага. У него огромный многоголовый капюшон, похожий на распушившийся хвост павлина. У более сорока десятков демонов сосредоточенные лица, отличающиеся каждое своими неповторимыми индивидуальными чертами. Проход в Южные ворота выглядит как стрельчатый узкий вход в пещеру.

Башня ворот увенчана острым шпилем в виде бутона лотоса, а вокруг него высечены каменные лики, по одному с каждой стороны света. Головы, сложенные из каменных блоков, изъедены временем и покрыты лишайником. Их пустые глаза без зрачков снисходительно взирают на толпы туристов и паломников, прибывших со всех концов света поклониться древним руинам.

От ворот до храма Байона, стоящего в центре Ангкор-Тома, полтора километра через джунгли. Издали храм напоминает гигантское нагромождение камней, и, лишь подойдя ближе, мы поняли, что это башни Байона.

Я не раз видел башни этого храма на фотографиях в разных изданиях, и, тем не менее, когда передо мной появились огромные четырехликие башни Байона, освещенные неяркими лучами встающего солнца, я испытал волнение. Тени придавали полуразрушенному сооружению эффектный, объемный вид. Глаза гигантов на башнях казались полуприкрытыми, а губы кривила таинственная улыбка. За ними и выше их вздымался в небо шпиль центральной башни в виде лотоса.

В архитектуре Байона, как и во всех индуистских храмах, выражено представление древних индуистов о Вселенной: в центре мира возвышается золотая гора Меру, жилище богов, а вокруг нее вращаются другие миры, располагающиеся в семи сферах. Сферы символизируются квадратными платформами с четырехликими башнями по периметру. В Байоне я насчитал их сорок две. То есть на всех башнях было сто шестьдесят восемь барельефов богов! И на центральной башне, символе горы Меру, было еще девять ликов, смотрящих в разные стороны. В этой башне располагалось главное святилище. Оно больше походило на темную пещеру в скале, свет в которую проникал лишь через узкое отверстие в потолке.

Все лики имели характерную кхмерскую внешность: широкий нос, миндалевидный разрез глаз, полные, хорошо очерченные губы. Выражение каждого лица казалось одинаково спокойным, и его озаряла мягкая улыбка. Но те, кто видел Байон ночью, утверждают, что при лунном свете лики преображаются. Тогда невозможно найти двух похожих лиц. На них можно увидеть или презрение, или злобную усмешку, или гримасу отвращения, либо самодовольство. Сколько ликов, столько и разных оттенков недобрых человеческих чувств. А с первыми лучами солнца они вновь погружаются в себя, прикрыв глаза, и вновь загадочно улыбаются.

На каждую платформу храма ведут крутые каменные лестницы. По ним можно подниматься, лишь опираясь на верхние ступени руками. В проходах-коридорах храма сохранились статуи Шивы и йони с лингамами – атрибутами индуистской веры.

На стенах Байона выбиты целые картины-барельефы на сюжеты древних эпосов, рассказывающие о мирской жизни и военных событиях Кхмерской империи.

Когда идешь по узким проходам между башнями Байона, то ощущаешь на себе чей-то взгляд. Осмотревшись, можно увидеть не менее дюжины ликов в любой точке храма. Начинает казаться, что это не просто архитектурное сооружение, а одухотворенная каменная громада, снисходительно наблюдающая, как по ней гуляет любопытная толпа.

Серый песчаник, из которого вытесаны блоки храма, внезапно оживает, когда там появляются монахи-паломники, одетые в яркие желтые или оранжевые одежды, или когда девушка в красном одеянии позирует фотографу на фоне развалин.

На огромной территории Ангкора, а это более двухсот квадратных километров, сейчас насчитывается более двухсот храмов. В древности их было значительно больше!

Покинув Байон, мы двинулись на северо-запад, где в двухстах метрах стоял еще один храм – Бапуон, пирамида, символизирующая собой мировую гору Меру – жилище богов. Примечательно, что западная стена, построенная уже тогда, когда индуизм уступил место буддизму, сложена в виде сорокаметрового лежащего Будды.

В двухстах метрах на север от Байона находится Королевская площадь. Вдоль нее с западной стороны тянется трехсотметровая Терраса слонов, завершающаяся на севере Террасой Прокаженного короля. Обе террасы богато украшены барельефами богов, животных и птиц. Когда смотришь на Террасу слонов, которую король и его свита использовали как обзорную площадку при различных церемониях, кажется, что она стоит на многочисленных живых слонах, настолько реалистично выполнены их скульптуры.

На Террасе Прокаженного короля, по предположению археологов, проходила кремация правителей Ангкора. Сама статуя короля стоит в центре двадцатичетырехметровой террасы. Король изображен сидящим, подвернув левую ногу и опираясь правой рукой на согнутую в колене правую ногу. Поза спокойная, голова слегка склонена к земле, на губах улыбка. Его

нагое тело ныне прикрывает накидка из желтой ткани. Камень статуи изъеден временем и лишайником. Видимо, поэтому народная молва прозвала его Прокаженным. Кхмерская легенда рассказывает о короле Джаявармане VII, жившем в XII веке, который имел огромный гарем. История повествует о многочисленных приключениях короля, переодетого в простого монаха. Ему пришлось много скитаться, вновь бороться за свой трон, занятый вельможами. Однажды во время церемонии, уже после нового прихода Джаявармана к власти, внезапно выскочившая из толпы старуха ударом кинжала убила королевского коня, а упавшего наземь правителя заключила в свои объятия. Стража, опомнившись, расправилась с несчастной, но было поздно. Старуха была больна проказой и передала свою болезнь жестокому правителю. Она оказалась матерью одной из девушек, которую король насильно забрал в свой гарем...

И вот наконец-то мы идем в Ангкор-Ват! Центральный вход в него находится с западной стороны, что отличает его от других индуистских храмов. Ров шириною в двести метров, заполненный водой, опоясывает весь Ангкор-Ват, олицетворяя Мировой океан, окружающий сушу. Каменный мост, который охраняют скульптуры многоголовых змей-нагов и львов, ведет к центральным воротам. Во входном помещении стоит статуя Вишну, которому и посвящен храм. Занимаемая Ангкор-Ватом территория представляет собой прямоугольник со сторонами 1500 и 1300 метров. Он весь окружен крепостной стеной. В центре храма – главное святилище, увенчанное тиарой из пяти башен. Главная, центральная башня вознеслась над землей на пятьдесят пять метров. В храме три уровня. С одного уровня на другой ведут крутые лестницы. Кажется, невозможно по ним спуститься обратно, настолько они круты и высоки.

Башни святилища располагаются таким образом, что, подходя с любой стороны к храму, видишь только три, а не пять башен.

Стены храма украшены превосходными барельефами на тему древнеиндийских эпосов «Рамаяна» и «Махабхарата». Впечатляют сцены битвы людей с обезьянами – множество сражающихся фигур буквально переплетены друг с другом. Каждое изображение индивидуально, и можно часами разглядывать картину баталии.

Безусловно, Ангкор-Ват уникален. Но посетив до него множество индуистских храмов, мы устали от их однообразия.

Поэтому ожидаемого восторга от посещения Ангкор-Вата я не испытал, ибо человеческое восприятие имеет свои пределы. Слишком много впечатлений, полученных от длительного путешествия через три страны – Мьянму, Лаос и Камбоджу – притупили мои чувства. Я слегка даже позабывал тем туристам, которые попали в Ангкор-Ват в начале своего путешествия. Это действительно грандиозный памятник, и желательно увидеть его свежим взглядом, он стоит отдельного посещения.

Новые ощущения мы испытали, попав в храм Та-Пром. Он оставлен в том виде, в каком находился весь Ангкор, когда его обнаружили исследователи. Огромные деревья буквально растут на крышах зданий. Поражаешься жизнеспособности этих гигантов джунглей. Их мощные корни, подобно анакондам, ползут по фасадам каменных строений, проникая в трещины и цепляясь за малейшие зазоры в кладке. Они опутывают храмы, словно спруты несчастную жертву, готовые раздавить ее, будто яичную скорлупу, и безжалостно поглотить. Эти ассоциации усиливаются, когда между корней замечаешь улыбающееся лицо каменного божка. Еще чуть-чуть – и он полностью исчезнет в ненасытной пасти древесного монстра.

Воображение рисует древние клады, скрытые где-то в этих полузаросших лабиринтах и экзотических развалинах. Недаром в Та-Проме снимались многие голливудские фильмы о кладоискателях.

После Ангкора мы перелетели в Пномпень, где ближе познакомились с трагичной историей страны. В Камбодже так же, как и в Лаосе, шла Секретная война. Американцы, без объявления войны, сбросили на страну 2 756 941 тонну бомб. Для сравнения: во Вторую мировую войну все союзники, воевавшие против Германии, использовали в полтора раза меньше снарядов. А если перевести это в атомные бомбы, то на Камбоджу сбросили заряд, равный ста восьмидесяти трем хиросимским бомбам!

После окончания Секретной войны в Камбодже разразилась гражданская война, завершившаяся приходом к власти коммунистов во главе с Пол Потом. Во времена его правления города практически вымерли. Пол Пот распорядился переселить всех горожан в деревни, чтобы они занимались сельским хозяйством. Красные кхмеры, как называли камбоджийских коммунистов, запретили деньги, иностранные языки и книги, закрыли больницы, школы, вузы, библиотеки, все учреждения культуры и науки. Пол Пот уничтожил интеллигенцию, ученых,

писателей и религиозных деятелей. Он говорил им: «Ваша ручка – это черенок лопаты. А бумага – рисовое поле!» Монахи стали самой ничтожной кастой, вынужденной добывать пропитание собственным трудом. «Давайте жить как одна большая семья!» – призывал Пол Пот камбоджийцев, обещая им счастливую жизнь. «Золото, серебро, ожерелья и браслеты – это цепи, связывающие вас по рукам и ногам!» – уверял он, заставляя людей отказываться от любой собственности. Даже наличие очков могло стать подозрением в неблагонадежности.

Красные кхмеры отделяли детей от родителей и воспитывали их в безграничной преданности Организации, как называли они коммунистическую партию. «Преданность – необходимое условие соблюдения строгой дисциплины Организации. Никакой свободы! Никакого эгоизма! Никакой индивидуальности! Свобода – это отсутствие дисциплины и морали!» – вот лозунги тех лет. Кто протестовал, тот был врагом и подлежал уничтожению. «Товарищ, который делает ошибки, – враг! Лучше по ошибке убить невинного, чем сохранить жизнь врагу!» – наставляли людей полпотовцы. «Молодежь, вы – дети Организации! Рассказывайте обо всем нам, своим родителям!» – учили они подрастающее поколение.

Известен такой случай. Начальник коммуны усыновил двенадцатилетнего мальчика-сироту. Как-то раз он взял его с собой на показательную казнь врага Организации и заставил мальчика бить того железным прутом. Начальник говорил ему: «Это твой враг! Это он убил твоих родителей! Если ты не убьешь его, то сам станешь врагом Организации!» И мальчик бил несчастного, пока тот не свалился бездыханный. Потом мальчик, когда ему становилось скучно, сам просил приемного отца взять его с собой на казнь.

«Если хочешь раздавить врага, раздави его в себе!» – это слова Брата №1, Пота. Руководство не имело даже имен, только номера.

Половина населения страны, около четырех миллионов человек, были расстреляны или пропали в «лагерях смерти». А ведь когда-то простые люди, вдохновившись лозунгами Пота о том, что в стране не будет богатых людей, помогали «красным кхмерам» захватить власть.

Военное вмешательство Вьетнама спасло страну от полного уничтожения. Но и десятилетняя власть вьетнамских коммунистов была в тягость камбоджийцам. Только в 1989 году

вьетнамские вооруженные силы были выведены из Камбоджи. Но еще долгое время в этой стране продолжалась гражданская война. Лишь в двадцать первом веке в Камбодже установилась стабильная обстановка, стала развиваться экономика. Сейчас основная власть в стране принадлежит премьер-министру, хотя теперь есть и король. Жители вернулись в города, монахи в монастыри, и численность населения давно превысила 15 миллионов человек.

Как-то Сергей Дудашвили неожиданно поделился со мной своими мыслями:

– Посмотри на их улыбающиеся лица, Виктор! По-моему, они счастливы. Они пережили вьетнамскую экспансию, французскую колонизацию, японскую оккупацию, гражданскую войну, полпотовский геноцид, я уже не говорю о войнах в древности, и ведь не озлобились! Мягкий, добросердечный народ. С удовольствием принимают туристов из Франции, из Японии, из Вьетнама.

– Вспомни, Сергей, вьетнамцев, – поддержал я его. – Ведь они тоже рады американцам, несмотря на жестокую войну с ними! И французам рады, несмотря на то, что долгое время входили во французский Индокитай. Может быть, это буддизм помогает им найти правильное решение?

– При чем тут религия?! – возразил Сергей. – Во Вьетнаме, если ты помнишь, до сих пор у власти коммунистическая партия, как и в Китае. Там религия не в почете, а обе страны хорошо развиваются. В Лаосе, например, тоже коммунисты у руля и буддизм процветает, а страна в упадке. Мне кажется, дело в другом. Когда стране навязывают чуждый путь развития, не важно – российский или американский, то из этого ничего хорошего не выходит. Ведь тогда приходится кого-то считать друзьями, а другие автоматически переходят в разряд врагов. Такая политика только мешает развитию и создает массу проблем как внутри государства, так и вне его. Любая страна должна выбирать собственный сценарий, сохраняя национальный колорит и уважая другие государства, тогда у нее появляются перспективы нормального будущего.

И мы оба вспомнили о нашем Кыргызстане, мечущемся между великими державами и теряющем те достижения, которые мы приобрели когда-то, будучи в составе могучей страны. Человек любой нации, рожденный в Кыргызстане и проживший в нем жизнь, считает его своей родиной. Почему бы не использовать заложенный в народе потенциал на благо страны?

Зачем нужны распри между народами? Ведь все хотят жить под мирным небом. Так кому нужен национализм, ведущий к разобщению народа?

В Камбодже мы побывали также в Королевском дворце, поразившем нас своей роскошью. Посетили храм Серебряной пагоды, пол которой покрыт плитами из серебра общим весом более шести тонн. В храме стоит несколько статуй Будды: из мрамора, бронзы, серебра и золота. Золотой Будда весит 90 килограммов и украшен 9584 бриллиантами, самый крупный из которых весит 25 каратов! Но самая известная статуя – Изумрудный Будда, вытесанный, как утверждает, из огромного кристалла драгоценного камня, но на самом деле статуя выполнена из хрусталя французскими мастерами в городе Баккара в XVII веке.

Невозможно описать все увиденные нами чудеса Индокитая в одном небольшом очерке, а простой перечень природных красот, архитектурных и исторических объектов будет утомителен для читателя. Даже просмотр многочисленных фотографий, сделанных нами во время путешествия, вскоре наскучит зрителю, потому что он не знает, что означают те или иные сцены на барельефах, кому посвящены эти скульптуры, для чего построены эти роскошные здания и храмы. За каждым строением, скульптурой или барельефом, запечатленными нашими камерами, стоит древняя загадочная культура Юго-Восточной Азии, круто замешанная на ее истории, индуизме и буддизме. Только близкое знакомство со всеми этими аспектами поможет слегка приподнять завесу таинственности, лежащую на всех этих артефактах глубокой древности. Понять их до конца не смогут даже специалисты-историки, ибо цивилизации, создавшие их, давно канули в Лету.

Но во всех трех посещенных нами странах – и в Мьянме, и в Лаосе, и в Камбодже – есть еще одна загадка, которую можно попытаться разгадать: почему живущий там народ, которому приходится преодолевать многочисленные жизненные невзгоды, все же счастлив и сохраняет душевное спокойствие? Только ли буддизм и медитация помогают человеку обрести покой в сердце или это отличительная черта характера жителя Юго-Восточной Азии?

Некоторые люди из Европы и Америки, прельстившись теплым климатом и приветливым населением, решают поселиться в этих странах, считая их раем, и, к сожалению, многие из них умирают, не дожив до старости.

Средняя продолжительность жизни в развитых странах выше 71 года, старики в возрасте старше 80 лет не такая большая редкость. В Индокитае же средняя продолжительность жизни мужчин – от 60 до 65 лет, женщин – до 67. В первую очередь, это обусловлено практически полным отсутствием медицинского обслуживания. В тропиках много экзотических болезней, таких как малярия и лихорадка, широко распространены гепатит и брюшной тиф. Хотя можно умереть и от простого аппендицита или воспаления легких. Вторая опасность, подстерегающая здесь западных людей, – это алкоголизм и наркотики.

Местные жители ведут в основном трезвый образ жизни и не курят. Приехавшие люди с Запада ведут праздную жизнь, им чужда жизнь крестьян и тружеников. Не имея других развлечений, они посещают бары и рестораны, общаясь с себе подобными людьми, и постепенно теряют перспективы на будущее. «Тропический рай» зачастую оказывается настоящим адом и заканчивается преждевременной смертью.

В Мьянме, первой стране нашего путешествия, я спросил у гида, что означает поза Будды с предостерегающе поднятой правой рукой. Он как бы останавливает своей ладонью людей, вошедших в храм. Левая рука полусогнута и зажаты два пальца: средний и безымянный. Подобные статуи я видел во многих буддистских храмах.

– Почему Будда запрещает людям подходить к себе?

Гид улыбнулся:

– Ты заметил удивительное свойство древних статуй Будды, Виктор. Они появились еще в XII веке и сохранились до сих пор. Ты видишь, Будда изображен улыбающимся? Подойди к статуе ближе.

По мере моего приближения шестиметровая фигура Будды, стоящая на высоком постаменте, становилась все более массивной и грозной. Углы губ опустились, а глаза нахмурились. Вытянутая рука протестующе нависла надо мной.

– Отойди подальше, – вновь попросил меня гид.

На губах Будды вновь заиграла улыбка, и чем дальше я отходил от статуи, тем мягче становился его взгляд. Я вопросительно посмотрел на гида.

– Будда не хотел, чтобы на него молились люди, – начал объяснять мне гид. – Ведь он не бог. Будда всегда был против религии! Он говорил: «Смотрите на меня! Если я смог побороть свои желания, познать истину жизни, то и вы тоже смо-

жете!» А запрещающий жест Будды означает пять заповедей. Он говорит: «Если вы хотите жить правильно, то не делайте пять вещей – никогда не убивайте живое существо, не лгите, не прелюбодействуйте, не воруйте и не принимайте опьяняющих напитков и наркотиков!»

– А что означает жест левой руки? – полюбопытствовал я.

– Это жест сострадания и симпатии, – ответил гид. – Отогнутые пальцы Будды напоминают нам, что в мире есть три великие истины. Первая, что жизнь – болезненная штука, полная страданий. Вторая истина в том, что жизнь – это постоянное движение. Каждое утро вы просыпаетесь в другом мире. Все вокруг меняется, даже воздух, которым вы дышите! «Нельзя войти в одну реку дважды» – так говорил ваш древний мудрец Геродот? Он лишь повторил, спустя столетия, истину, открытую Буддой! Все в мире преходяще. У вас есть только настоящий момент, ничего более. А третья истина: вы сами постоянно меняетесь. Сегодня вы не такой, каким были вчера. У вас даже мысли другие. Нет фиксированного «Я», вы новый в каждое мгновение! Даже клетки вашего тела меняются!

Слушая гида, я подумал о том, что, наверное, бессмысленно искать по свету Страну счастья – если она и существует, то только внутри тебя самого. И с уважением посмотрел на статую человека, который давным-давно понял эту истину.

Юрий КУЗНЕЦОВ

Очерки

Белый рояль. На Неве

Киргизский эпос «Манас» включен в книгу рекордов Гиннесса как самый большой эпос в мире. Кроме того, он входит в список ЮНЕСКО шедевров нематериального культурного наследия человечества. В 1995 году удалось, наконец, осуществить давнюю мечту киргизов: широко отметить тысячелетний юбилей эпоса. Причем, при содействии Чингиза Айтматова и мэра Петербурга Анатолия Собчака празднование проходило и на берегах Невы. Совершенно неожиданно попал туда и я...

Был конец ноября. Я вернулся из консерватории вечером, уставший и голодный. Едва сел ужинать, раздался звонок телефона.

– Алло, это Кузнецов Юрий Борисович? – приятный женский голос, но по официальному обращению чувствую – не свидание собирается назначить.

– Да, это я. С кем имею честь говорить?

– Вас беспокоят из Министерства Культуры. Завтра вылетает правительственная делегация в Санкт-Петербург. Вы включены в ее состав.

– А я-то каким боком? – спрашиваю в недоумении. Завтра – пятница, я на дачу собирался, а тут Питер!

– Там состоится праздничный концерт по случаю юбилея эпоса «Манас». Будьте готовы к семи часам утра.

– Я живу в двенадцатом микрорайоне, – начал я объяснять, но женщина меня перебила:

– Мы знаем, где вы живете! Машина будет ждать вас на конечной остановке троллейбуса. Прошу, не опаздывайте!

– А кто из артистов летит? – спрашиваю я с беспокойством. Не знаю, кто будет выступать, что играть нужно, ведь времени на подготовку совсем нет!

– Эльвира Асанкулова, Керим Турапов и Эркин Касымов. Булат Минжилкиев встретит вас в Санкт-Петербурге.

– Спасибо! – говорю, а у самого немного отлегло от сердца. Всем этим артистам я аккомпанировал в разное время, репертуар их знаю.

В голове завертелось: что взять с собой в дорогу? Думаю, ничего лишнего мне не надо. Костюм концертный и рубашку белую со стоячим воротничком под «бабочку» на себя надену, чтобы не помялись, а галстук «бабочку» в дипломат положу. Туда же мне жена Олимпиада сложила напеченных ею слоеных пирожков, а я фляжечку своей фирменной «Юрборовки» захватил, на всякий случай.

В семь часов появляюсь на остановке. Там уже стоит черная «волга». Из нее высовывается водитель.

– Вы – Кузнецов Юрий Борисович? Садитесь в машину!

Там уже был один пассажир. Личность мне совершенно неизвестная. Видимо, кто-то из правительства. Я их никого в лицо не знал.

По дороге еще двух незнакомых мне людей подобрали и рванули в аэропорт «Манас».

Я сижу тихо, размышляю, где мои друзья-артисты?

Подъехали к правительственному отделению аэропорта. Нас провели в зал. Там народу много. Пробежал глазами по толпе, выискивая знакомые лица. Заметил Эльвиру и Керима. Хотел к ним подойти. Но едва с ними встретились взглядами, улыбнулись друг другу, как началась посадка на самолет. Основная толпа пассажиров потянулась ко второму трапу, а меня, вместе с незнакомыми личностями, проводили к первому. Может, мой концертный костюм, портфель-дипломат, в котором, кроме бабочки, «юрборовки» и пирожков, ничего не было, да мой независимый вид сыграли в этом не последнюю роль? Видимо, решили, что я из правительства.

Вошел в салон, стюардесса любезно говорит:

– Садитесь, пожалуйста, на свободное кресло!

Я плюхнулся на ближайшее. Удобно, свободно, есть ноги куда вытянуть! При моем росте это немаловажно! Откинулся на спинку – мягко! Тут же стюардесса тележечку подкатывает:

– Не угодно ли чего-нибудь выпить?

Посмотрел на столик – мама дорогая! Там ряд хрустальных фужеров, в них вино белое, красное искрится, в рюмочках коньяк призывно светится! Таким сервисом в самолетах я еще не наслаждался!

Беру фужер с белым вином, хотел пригубить, ко мне подходит какой-то человек. Поднимаю глаза – Апас Джумагулов – премьер-министр Кыргызской Республики! Его-то я в лицо знал, хотя лично никогда не встречался. Я вскочил во весь свой почти двухметровый рост, а он рюмочку коньячку поднимает и говорит, так ласково:

– Юрочка, давайте выпьем за наш успех!

Вот те на! Я его впервые вижу не по телевизору, а он мне «Юрочка»! Может, на концертах моих бывал?

Раздался звон хрусталя, и я забыл о своих мыслях, терзавших меня неотступно: «Кто что поет, что мне играть?» Как только самолет взлетел, я, по старой гастрольной привычке, тут же заснул. Так что полет прошел для меня быстро.

Петербург нас встретил неприветливо: моросил мелкий дождик, и все было окутано легким туманом. По приезде меня вычислили и отбили от правительственной делегации. Вместе с остальными артистами, а там, помимо певцов, были исполнители народных танцев, комузисты и фольклорные ансамбли, я сел в большой автобус, который увез нас куда-то на край города.

Оказалось, что нас поселили в здании Института усовершенствования врачей! Нашей группе выделили трехкомнатную квартиру с кухней, ванной и туалетом! В каждой комнате по две-три кровати стоят. На кухне – большой стол, в буфете – хороший чайный сервиз из фарфора, всякая посуда для готовки, даже пачка настоящего индийского чая и вазочка с печеньем! Конечно, не «Смольнинская» гостиница, куда нашу правительственную делегацию определили, в центре города, с видом на Неву и архитектурные шедевры, но тоже не плохо. У них званый ужин с Собчаком, а у нас на столе разносолы, кто-чего из дома с собой прихватил. Вот тут-то Олимпиадины пирожки и пригодились, как и моя «юрборовка»!

Ужинаем, а я всех тереблю: что петь будут? Ведь завтра – концерт! Собрал у всех ноты, пошел на первый этаж (мы на третьем жили) в диспетчерскую. Спрашиваю, мол, фортепиано где-нибудь стоит? Например, в конференц-зале. На меня посмотрели, как на сумасшедшего.

Пошел назад в номер, думаю, концерт завтра в 16-00, будет время для репетиции. Ко мне Керим Турапов подошел.

– Дай, Юра, мои ноты, – говорит, – мне нужны слова повторить, – и ушел на кухню.

За нами автобус пришел только в двенадцать часов. Перед отъездом мы успели позавтракать тем, что осталось от ужина. Ехали часа два, хотя автобус летел быстро, обгоняя легковые автомобили и прочий транспорт.

Наконец, остановка. Выходим. Перед нами невысокие красивые чугунные ворота, украшенные растительным орнаментом. На боковых, тоже невысоких, красного гранита колоннах – массивные литые чугунные вазы с львиными мордами по бокам. За оградой дорожка ведет к небольшому двухэтажному дворцу с зеленым куполом, желтыми стенами и белыми высокими колоннами перед входом. Неужто, думаю, в этом самом дворце был первый бал Наташи Ростовой? Даже гордости преисполнился, что мы здесь концерт давать будем. Но тут же кто-то сказал, что это Таврический дворец, а бал у Ростовой был где-то на Английской набережной, это далеко отсюда.

Таврический дворец – подарок Екатерины Великой своему фавориту Григорию Потемкину за взятие Крыма! Рядом – Таврический сад. Я вспомнил детский стишок Чуковского про Мойдодыра: «Я к Таврическому саду, перепрыгнул через ограду, а она (мочалка) за мною мчится и кусает, как волчица!».

До начала концерта оставалось часа два, нужно было порепетировать с исполнителями. Нас провели в зал, где будет проходить концерт. За вестибюлем роскошные проходы, кругом лепнина – красота, настоящий дворец! Его в то время отдали под штаб-квартиру Межпарламентской ассамблеи стран СНГ, которая и организовала празднование юбилея эпоса «Манас» на берегах Невы. Большой зал дворца использовался для собраний ассамблеи, а нам выделили небольшое помещение в крыле. Там для зрителей всего было мест 80-90. Сцена маленькая, а ее еще наши танцоры какой-то занавесью перегородили напололам, чтобы там переодеваться.

Гляжу, рояль огромный «Эстония» загнали в самый правый угол сцены. Мне придется сидеть спиной к вокалистам! Но делать нечего, начали репетировать. Эркин Касымов исполнил куплеты тореадора Эскамильо из оперы Бизе «Кармен», на банкет, который намечался на сегодняшний вечер, готовил попсовую песню про тещу. Эльвира Асанкулова – знаменитый вальс Иоганна Штрауса «Венские вечера». На банкете соби-

ралась вместе с Керимом Тураповым петь «Застольную» из «Травиаты». Репетиция шла нормально. Тут подходит очередь Керима. Я его спрашиваю:

– Что поешь?

– «Родину».

– Хорошо, давай ноты. Ты у меня вчера их забрал.

Он смотрит на меня испуганно.

– Юра, я их на кухне в гостинице оставил!

– Ладно, какую «Родину» поешь, Туликова? – спрашиваю.

Машет головой:

– Нет! Русскую народную песню: «Вижу чудное приволье...»

– В какой тональности?

– Не знаю! Там много знаков: то ли дизезы, то ли бемоли...

Вот так сюрприз! Настоящий вокалист – нот не знает!

– Что там наверху? – спрашиваю, чтобы тональность по-добрать. – «Си» или «си-бемоль»?

Вижу, Керим в растерянности.

– Давай «ля» оставим, – предлагаю. – Тебе легче петь будет.

Все себе на листочек записываю: сколько кто куплетов поет, тональность. «Застольную» не стали репетировать: Эльвира с Керимом ее часто исполняют. Только я себе пометил: «Си бемоль-мажор».

Появился Булат Минжилкиев. Я встал из-за рояля. Мы обнялись, поцеловались с ним, как братья. Давно не виделись! Разговаривать о жизни времени не было, скоро концерт.

– Что будешь петь? – спрашиваю.

Он лезет в нагрудный карман, достает четырежды сложенный листок бумаги, протягивает мне.

– «Гори, гори моя звезда!» – читаю. – Мы ее с тобой, Булат, столько раз исполняли! Я ее наизусть помню!

Себе записываю: «Булат – до-минор. Гори, гори, моя звезда, 3 куплета».

– Что на банкете будешь петь?

Булат отмахнулся:

– А! Чего-нибудь спою!

Начался концерт. Пение артистов чередовалось танцами под фонограмму. Я сидел за роялем и смотрел в зрительный зал. Как мне показалося, там были «тёти Маши», видом смахивающие на уборщиц, и «дяди Вани» – местные пожарные. Рядом три занимали солдатики. Никого из местного правитель-

ства, нашей правительственной делегации, Айтматова или Собчака я не заметил. У них были более важные встречи.

Концерт прошел хорошо. Зрители тепло встречали артистов, долго аплодировали.

В 18-00 начинался банкет. Он проходил тут же, в Таврическом дворце, в большом овальном зале. Поражала огромная высота зала, увенчанного куполом, который держали четыре монументальные арки. На стенах – великолепная живопись, на парусах сводов – овальные медальоны со скульптурами, паркетный дубовый пол – красота неопишная! А в центре зала – белый рояль!

Я, как его увидел, перепугался. Выгнутые ножки, юпитр с резным рисунком – это же девятнадцатый век! По опыту знаю, что они, как правило, «развалюхи», чистого звука от них не добьешься! На гнувшихся ногах подхожу к инструменту, открываю крышку, нажимаю на клавиши. Приличный звук! Ко мне подлетает человек, по виду – завхоз.

– Ну, как наш рояль? – любопытствует. – Мы постарались к вашему приезду.

– Хорош, – говорю. – Только почему он белый? Впервые вижу старый инструмент такого цвета!

Он мне на ухо доверительно:

– Мы его автомобильной краской экстра-класса покрасили!

К Купольному залу примыкала Большая галерея – парадный зал дворца. Два ряда многочисленных величественных колонн, за ними проход в Зимний сад, дальше – Таврический сад. Но меня, как и остальных артистов, эта красота не волновала так, как столы, ломившиеся от разнообразных яств. Правительственную делегацию в ресторанах кормили, а мы без обеда, да и завтрак был очень скромным. А тут запах сногшибательный кружит головы! Благо сразу за стол пригласили. Иначе бедные артисты лишились бы сознания. По крайней мере, ни о каком выступлении банкетном не могло быть и речи!

Я сел поближе к роялю, чтобы далеко не бегать. Артистов же посадили в дальний конец стола. Опять мы не вместе! За столом человек двести пятьдесят!

Начались речи, поздравления, доклады какие-то, я их плохо слышал, глаз не мог отвести от тарелок с едой. Наконец, слышу: «Выпьем за здоровье!». Все бокалы, рюмки подняли. Я на свою посмотрел: полная. Не заметил даже, кто мне

ее налил. Осмотрелся. Справа мой сосед: пожилой мужчина с приятным благообразным лицом мне улыбается.

– Это я за вами поухаживал, – говорит.

– Спасибо, – говорю. – Только мне сейчас нельзя. Мне еще за роялем работать нужно.

Он кивнул с пониманием, а я на закуски навалился. Сам думаю: где я этого дядьку видел? Лицо больно знакомое. Может, в кино или по телевизору?

Блюда были отменные – молодцы, повара, постарались!

Тут объявили наш выход: «Песня про тещу. Исполняет Эркин Касымов, партия фортепиано – Юрий Кузнецов». Эркин спел с задором. После выступления опять за стол, опять закуски. Звучат поздравления, тосты. Я жду своей очереди. «Джузеппе Верди «Застольная песня» из оперы «Травиата». Исполняют Эльвира Асанкулова и Керим Турапов». Рояль звучит ярко, выступление наших артистов прекрасное. Теперь можно выпить «за здоровье».

Сажусь за стол, обращаюсь к соседу:

– Давайте выпьем за знакомство! Меня объявляли, так что вы меня уже знаете, а вы... – тут я начал заикаться. Мужчина обернулся, я обомлел – у него на левой стороне пиджака светится Золотая Звезда Героя! Мать честная, с кем рядом сажу! Я аж подскочил:

– С таким человеком – только стоя!

Он меня усадил и представился:

– Дмитрий Сергеевич Лихачев.

Меня как молнией поразило. Эта же знаменитый академик, филолог и искусствовед! Его весь мир знает, а я запомнил!

– Сочту за счастье выпить за здоровье с вами! – говорю. Он со мной выпил и по второй налил. Подымает рюмку:

– За вас, Юрочка, вы замечательно аккомпанируете!

Я рассыпался словами благодарности.

Слышу: дали слово Булату. Он встал и долго что-то говорил, я особо не слушал – с соседом беседовал. Вдруг чей-то громкий голос:

– Ты не говори, лучше спой!

Я замер: не знаю, что он будет петь. Булат молчит, видимо, сам в растерянности. Заранее не подготовил ничего. Кто-то из сидящих предложил:

– «Русское поле»!

Булат кивнул и к роялю направился. Я тоже с места со-

рвался и бегом к инструменту. В голове крутится: «В какой тональности будет петь?!» Когда-то давно я аккомпанировал Булату эту песню, но из памяти выветрились детали.

Сел за рояль. Подходит Булат. Тихо мне говорит:

– Возьми пониже, – я догадался, что он тоже выпил «за здоровье».

Мысленно просольфеджировал, выбрал до-минор, там ми-бемоль первой октавы наверху, для Минжилкиева это очень скромно.

Сыграл вступление, зазвучал голос Булата. Его бархатный бас заполнил все пространство. Было такое впечатление, что только мы с ним вдвоем в этом огромном зале – рояль и голос. Смолкли все разговоры за огромным столом. В зале тишина, лишь музыка, песня и эхо отдается в глубине. Поле... а эхо вторит: – Поле-поле... Русское поле... Я твой тонкий колосок... колосок-колосок – затихает вдали.

После припева Булат начинает темп замедлять, на меня глазом косит. Понятно: не знает слов второго куплета. Я тоже начал замедлять и сыграл концовку. Бурные аплодисменты, Булат наклоняется ко мне:

– Молодец, Юрка! Спас меня.

Я сел на место, Дмитрий Сергеевич мне рюмку налил, выпили мы с ним, я бутербродом с черной икрой закусил и поднял глаза на гостей, сидевших за столом напротив нас, и встретился с призывным взглядом красивой дамочки. Я ее взгляды уже давно чувствовал и ловил на себе, а тут она «поймала» меня и просит:

– Подыграйте мне «Колокольчики»!

У меня бутерброд чуть поперек горла не встал, думаю, женушка какого-нибудь босса решила «выпендриться», а в голове профессионально мысли закрутились: «Какие такие «Колокольчики»? Их же много! Например, русская народная: «Колокольчики мои, цветики степные, что глядите на меня, тёмно-голубые?» Дамочка видит мое замешательство и говорит ласковым голосом:

– Однозвучно звенит колокольчик... – Так это же другое дело! В народной проигрыш совсем неудобный, его лучше на баяне исполнять. Дамочка продолжает, глядя на меня:

– В ре-миноре.

Я на нее смотрю обалдевший, а сам бутерброд доедаю.

– Там «ля» наверху, – говорю ей. Она головой кивает:– Знаю!

Я решил, что она все-таки «профессионалка».

Идем к инструменту, в микрофон объявляют:

– А сейчас будет сюрприз! Неожиданный номер! – кто поет, кто играет, ни единого слова.

Я иду вслед за дамочкой и спрашиваю ее:

– Сколько куплетов?

– Три.

– После каждого проигрыш?

– Да-да!

У меня хмель из головы разом вылетел. Играю вступление, с напряжением жду начала ее пения. И вдруг...

– Однотонно звенит колокольчик

И дорога пылится слегка,

И уныло по ровному полю

Разливается песнь ямщика.

Я ожидал чего угодно, но не такого чистого и замечательного голоса – лирического сопрано! Душу мою захлестнула волна неожиданного счастья и радости, меня охватил настоящий экстаз! С таким упоением сыграл проигрыш, словно музыка возносила меня прямоком в небеса! Второй и третий куплеты пролетели, как дуновение майского ветерка! Затих последний аккорд, и осталось лишь сожаление, что волшебство так быстро закончилось!

Аплодисменты, переходящие в овации! И следом голос ведущего:

– Трудно поверить, что знакомство состоялось только сейчас, за этим белым роялем! Заслуженная артистка России Марина Капура и наш любимый концертмейстер Юрий Кузнецов!

Я встаю из-за рояля, а Марина подходит ко мне и протягивает мне свой микрофон:

– Не уроните, пожалуйста!

Я его беру машинально, а она обняла меня, прильнула всем телом и в щеку поцеловала. Марина дамочка очень привлекательная, я и сам бы ее крепче к себе прижал, да микрофон помешал! Зато ее слова, словно бальзам на мою душу:

– Вы чудесно аккомпанируете, спасибо!

Тут народ из-за стола встал, в группки стал сбиваться, обсуждают чего-то оживленно. Я своих высматриваю. Вдруг от меня все в стороны стали отходить. Я даже испугался, может, случилось чего? Один стою, никого рядом! Поворачиваюсь,

прямо на меня идет Анатолий Собчак – мэр Санкт-Петербурга. Протягивает мне руку:

– Спасибо, Юрочка, вы украсили наш праздник!

Вот так и завершилось для меня празднование тысячелетнего юбилея эпоса «Манас» на берегах Невы!

Турист из Африка

Однажды я примерил на себя роль Великого комбинатора Остапа Бендера. Правда, герой романов Ильфа и Петрова выдавал себя за важных персон, коими на самом деле не являлся. А я представился самим собой, но при весьма необычных обстоятельствах, и наглость, с которой я это сделал, была сродни наглости бессмертного Комбинатора. Но давайте обо всем я расскажу по порядку.

Летом 1970 года я был в Москве на IV конкурсе имени Петра Ильича Чайковского. Конкурс проводился один раз в четыре года, и борьба шла на нем нешуточная. Исполнители показывали высочайший класс, повергая жюри в долгие споры. А в нем сидели такие гиганты, как Эмиль Гилельс, Арам Хачатурян, Леонид Коган, Тихон Хренников, Дмитрий Ойстрах, Мстислав Ростропович, Ирина Архипова, Александр Ведерников – все с мировыми именами. Я называю только некоторых советских членов жюри, а сколько было еще и иностранных представителей! Взять хотя бы Марию Каллас из Италии. И даже таким людям было трудно определить лучших!

Первое место по фортепиано поделили между собой Владимир Крайнев из СССР и Джон Лилл из Великобритании, вторая премия досталась Гутьересу из США, третью присудили Морейра-Лиму из Бразилии и Виктории Постниковой из СССР. Вторую премию по скрипке завоевали Владимир Спиваков и Фудзикава из Японии, а первая досталась Гидону Кремеру из СССР. По виолончели лидировал Герингас из СССР. Представляете, какие страсти кипели на конкурсе?! Я старался не пропускать выступления конкурсантов и, правдами и неправдами, пробираться без билетов в концертный зал. Я пребывал в нирване! Где еще я мог услышать столько великолепных исполнителей мирового уровня?

Как-то раз, просочившись в зал, я присел на ступеньках

прохода на балконе, подстелив себе программку конкурса. Оглядевшись, я заметил стоящую неподалеку девушку, которой тоже не досталось места. Я, как галантный джентльмен, тут же предложил ей устроиться рядом со мной, развернув программку. Проход был настолько узок, что нам пришлось прижаться друг к другу. Так мы и сидели, наслаждаясь густым меццо-сопрано очередной конкурсантки. Выступала Елена Образцова – будущая звезда мировой оперы. Восхищенный ее пением, я обернулся к соседке, чтобы поделиться своим впечатлением. И тут же узнал ее.

– Вы же только что были на сцене! У вас прекрасный голос!

Это была Тамара Синявская! Будущая народная артистка Советского союза. Она с Образцовой поделила первое место на том конкурсе. И с таким человеком мы сидели рядом, прижавшись к друг другу пятыми точками!

Но это только прелюдия к моему рассказу. После конкурса я поехал в Псков к своему давнему другу, моему однофамильцу Владимиру Владимировичу Кузнецову, которого я по-дружески звал просто ВВ. Мы с ним учились в Ташкентской консерватории, и он давно звал меня навестить его.

Володя встретил меня на вокзале. Оказалось, что я не единственный его гость. Со мной в поезде приехала еще одна сокурсница Володи, как и он, искусствовед, Рамела Айриева.

ВВ показывал нам старинный русский город, обнесенный мощной каменной стеной. Мы любовались золочеными куполами храмов и деревянными крышами сторожевых башен, блестящих на солнце, словно настоящее серебро.

Я же, все еще находясь под впечатлением от музыкального конкурса, без устали рассказывал о нем своим спутникам, которые весело смеялись над моими байками о том, как я умудрялся без билетов проникать в концертный зал.

В какой-то момент окружающая красота древней старины настолько поразила меня, что я забыл о недавнем конкурсе и с благоговением ходил по узким извилистым улочкам Пскова, ведущим к реке Великая. В душе появился такой восторг, что я не удержался и схватился за карандаш. Хотя у меня не было художественного образования, я с вдохновением делал зарисовки разных уголков старинного русского города, «младшего брата» Великого Новгорода. Теперь на прогулки я прихватывал с собой листы бумаги и картона, карандаши и уголь. Твор-

ческий настрой был таков, что порой я исписывал весь запас карандашей и тогда хватался за уголь.

Однажды я так увлекся зарисовками, что напрочь забыл о том, что вечером мы с Рамелой и ВВ договорились пойти в Русский драматический театр. Постановка начиналась в семь часов, а когда я вспомнил об этом, было уже начало восьмого. Я сломя голову понесся напрямик к театру, переживая, что билеты у ВВ и меня просто не пустят внутрь. Но дежурная у дверей, увидев меня, бегущего по лестнице, тут же окликнула:

– Вы, Юрий? Проходите скорее, спектакль уже начался! Ваши друзья предупредили меня о вас.

Я, радостный, как можно тише пробрался на свое место, ловя на себе недовольные взгляды не только других зрителей, но и моих друзей. В антракте я показал им свои зарисовки, и они дружно простили меня за опоздание.

Вот теперь я, наконец, добрался до начала моей истории. Все предыдущее было лишь введением к ней.

И так, однажды утром ВВ говорит мне:

– Юра, как тебе нравится Прибалтика?

Я удивленно пожал плечами.

– Я там ни разу не был!

– Юра, это не вопрос, а предложение! Как тебе нравится проехать Прибалтику на велосипедах?

Я опять пожал плечами.

– Я – за. Но у тебя ведь только один велосипед. Где мы найдем второй? У меня с собой его нет.

ВВ улыбнулся.

– Не переживай! Второй я одолжу у соседа. У него – дорожный.

– Но я буду отставать от тебя! – сразу предупредил я, готовый тут же отправиться в путешествие.

Уже на следующий день мы погрузили свои велосипеды в багажный вагон поезда «Псков – Рига», а на утро вышли на перроне столицы Латвии.

Оставив свой нехитрый скарб и рюкзаки в камере хранения вокзала, мы начали велосипедные прогулки по городу и окрестностям.

Узкие улочки, мощенные каменной брусчаткой, средневековая архитектура, готические храмы – все увлекало меня, и я опять почувствовал вдохновение. Слава богу, я захватил с собой карандаши и бумагу, теперь часами я мог любоваться понравившимся пейзажем, перенося его на бумагу.

Однажды, пообедав в каком-то кафе, мы решили прогуляться по городу пешком.

Пристегнув велосипеды к дереву напротив кафе и дав рубль официантке, чтобы она приглядывала за нами, мы отправились на прогулку. И тут же наткнулись на афишу, которая гласила, что сегодня в Домском соборе состоится концерт, на котором исполнят «Реквием» Верди. Исполнители: Большой симфонический оркестр Всесоюзного радио и телевидения, Государственный академический хор Латвийской ССР, дирижер – народный артист РСФСР, лауреат Госпремий СССР Борис Хайкин, солисты – народные артистки СССР Жермена Хейне-Вагнере и Ирина Архипова и прочие и прочие. Надо быть музыкантом, чтобы понять наши чувства при чтении состава концерта. Сказать, что мы стояли перед афишей обалдевшие, значит ничего не сказать. «Реквием» Верди величественное, потрясающее произведение, написанное композитором в память о великом поэте Александро Манцони. Произведение очень редко исполнялось в нашей стране. А услышать его в стенах Домского собора сродни счастью для любого любителя музыки, я уже не говорю о музыкантах. Кроме того, в программе значился орган: фантазия и fuga Ференца Листа на тему Мейербера. Исполнительница – лауреат конкурса имени Чюрлёниса – Евгения Лисицина. Наши музыкальные души задрожали и не могли устоять перед таким искушением. Мы просто обязаны были быть на этом концерте!

Мы бросились бегом в театральную кассу – билетов там не было. Мы в другую – и там ничего не осталось! Третья, четвертая – увы! Билетов нет нигде!

Мы были в шоке. Что же делать? Пропустить такое событие мы не могли!

Я задумался. И в памяти всплыл образ Великого комбинатора. Вот кто достигал цели несмотря на все препятствия! Остап Бендер шел на всякие ухищрения, говоря, что существует четыреста сравнительно честных способов отъема денег у населения. Нам нужны были не деньги, а билеты на концерт. Я вспомнил о брони, которую имело министерство культуры на случай непредвиденного визита высоких гостей, и решил, на манер Остапа, идти напролом.

Мы вернулись в камеру хранения, откуда я извлек свой парадный костюм, в котором был на конкурсе имени Чайковского. Белая капроновая рубашка, тогдашний «крик моды», известная тем, что ее не нужно было гладить после стирки:

взмахнул в воздухе – и она, как новая; брюки с лавсаном, так же «немнущиеся», и белые туфли-мокасины. Жаль, тогда у меня не было галстука.

Узнав, где располагается Министерство культуры Латвийской ССР, мы с ВВ возникли у здания министерства.

Было уже три часа дня, концерт в 20.00, времени у нас в обрез!

У входа нас ждало первое препятствие в виде швейцара. Взглянув мельком на моего спутника, он грудью встал перед входом. ВВ был в синем тренировочном костюме, рубашке в клеточку и на ногах простенькие, выдавшие виды, советские кеды. В общем, вид не представительный. Меня швейцар пропустил, посторонившись, а потом молча указал ВВ на стул в вестибюле. Пришлось мне идти одному.

Я еще раз вызвал в памяти образ Остапа и распахнул первую попавшуюся дверь.

Солидный кабинет. За письменным столом мужчина вопросительно смотрит на меня.

Я вдохновенно начинаю:

– Здравствуйте! Мы – музыканты из Средней Азии, путешествуем по вашей стране. У вас удивительно интересная и красивая страна. Какая богатая культура, древняя архитектура, мы поражены! и так далее и тому подобное – меня понесло. И в заключение:

– Хотелось бы дополнить впечатление, побывав на сегодняшнем концерте в Домском соборе, – я затих, ожидающе глядя на чиновника.

Надо отдать ему должное: он молча и внимательно выслушал мою тираду. Потом ожил:

– О-о-очень приятно, что вам у нас понравилось. Пройдите в кабинет № 2.

Я откланялся, отворяю дверь в названный кабинет:

– Здравствуйте! Меня направили к вам из первого кабинета, – говорю и следом повторяю слово в слово свою речь.

Опять внимание, потом слышу:

– О-очень приятно! Пожалуйста, пройдите в третий кабинет.

Оттуда меня послали на второй этаж. Только теперь я оглядел интерьеры здания, до этого мое внимание было занято репетированием моей выдающейся речи. Поднимаясь по шикарной винтовой лестнице, разглядываю бронзовые статуи, держащие в руках светильники. Лестница и коридоры устланы

шикарными ковравыми дорожками. Я был в настоящем дворце!

Опять кабинет, я завожу свою пластинку – и меня отправляют на третий этаж. По мере моего подъема обстановка вокруг становилась все роскошнее. Позолоченные статуи, картины на стенах, дубовые двери, ноги утопают в ворсе ковра. Я гляжу на часы: мать честная, уже 17.45! Я уже почти три часа гуляю по кабинетам и никакого результата!

Уже без вдохновения открываю дубовую дверь и начинаю свою «лебединую песнь».

В кабинете скромная мебель, на столе у молодого человека нет никаких бумаг. Он внимательно слушает мою «заезженную пластинку», потом начинает двигать ящиками стола и что-то искать. Прошло довольно много времени, когда он наконец нашел искомое и протянул это «что-то» мне.

Это был небольшой клочок бумаги! «Визитная карточка!» – с ужасом подумал я, и у меня упало сердце. Неужели мои многочасовые походы по кабинетам прошли даром! Я машинально взял клочок в руки.

– Это контрамарка, – объяснил он мне. – Я буду рад, если вам понравится концерт.

Я обомлел от счастья, но все же нашел в себе силы сказать:

– Нас двое!

– Это на двух персон, – кивнул мне молодой человек. Я готов был целовать ему руки!

– Что я вам должен за нее? – спрашиваю и лезу в карман.

– Что вы, что вы! Когда я буду у вас во Фрунзе, вы покажете мне ваши достопримечательности.

Поблагодарив его, я вылетел за дверь и понесся к лестнице. Подбежав к ней, я перегнулся через перила и посмотрел в лестничный проем. На первом этаже одиноко сидел на стуле мой друг. По его позе я понял, что он вконец измучен ожиданием и неизвестностью.

Я громко позвал его. ВВ вскинул голову и зло посмотрел на меня. Я помахал контрамаркой. Но она была столь мала, что ВВ ее не заметил и только устало махнул рукой.

И вот, окрыленные успехом, мы спешим к Домскому собору.

Должен вам сказать, что в Риге тогда царили строгие порядки. Даже в ресторан швейцары не пускали мужчин без галстуков, что тут говорить о концертных залах!

Чем ближе мы подходили к Домскому собору, тем тяжелее становилось у меня на душе. Я бросал взгляды на ВВ. Он три дня не брился, на темном загоревшем лице борода уже кудрявилась, волосы на голове, словно у негра, в кругляшках, оттянутые треники на коленках вытянуты, на ногах драные кеды, да и я без галстука! А впереди очередь на концерт. Мужчины в черных костюмах, галстуки, бабочки, женщины в роскошных вечерних нарядах, такие прически, мама дорогая, которые я только на картинах восемнадцатого века видел, драгоценности сверкают, и мы – два «бомжа»!

Люди из очереди пялят на нас глаза, словно мы два половумных, сбежавших из сумасшедшего дома. Мы пристроились в конце очереди. Я опять Остапа вспомнил и говорю тихо ВВ:

– Молчи, как рыба! Ни единого слова по-русски и штаны подтяни!

Сам мысленно легенду придумываю.

Подходит наша очередь. Это надо было видеть!

На входе стоит пара: мужчина и женщина. Оба одеты с иголки – темно-синий костюм с золотыми пуговками, погончики золотом расшиты, на фуражках золотые кокарды.

Я протягиваю контрамарку женщине-контролеру. А у нее ужас в глазах. Она смотрит на ВВ, словно он выходец с того света! Я спешу на помощь, говорю, ломая речь:

– Турист из Африка! Мыныстэрство культур, контрамарка, двэ персон!

Она крутит контрамарку и так, и сяк, слова вымолвить не может. Потом ткнула контрамарку мужчине-контролеру. Тот глянул на ВВ и тоже впал в ступор. Затем вернул контрамарку женщине, буркнул ей что-то по-латвийски, и она скрылась где-то в глубине вестибюля. Мужчина отодвинул нас в сторону: «Пардон, месье!» и продолжил пропускать зрителей.

Мы стоим, как два тополя на Плющихе, а каждая пара, проходя в собор, оглядывает нас надменными взглядами. Мол, не прошел номер, невежи! ВВ сник, а я – морду кирпичом и сам их меряю с головы до ног снисходительно.

Из полумрака вестибюля возникла мужская фигура и направилась к нам. Невысокого росточка, очки в золотой оправе, улыбка на всю физиономию, «шесть на девять», как в народе говорят. Заметил ВВ, и улыбка сползла с его лица. Вытаращив глаза, он долго изучал контрамарку, хотя читать там было особенно нечего. Но там была подпись и печать министерства культуры! Наконец он кивнул, и нас пропустили.

Перед входом в собор был маленький дворик, где мы с ВВ прогуливались, пока зрители проходили внутрь.

– Зайдем после третьего звонка, – прошептал я другу.

И вот последний звонок. Мы подходим к входу и заглядываем в зал. Там стоят столы и скамейки, вроде школьных парт, как и во всех католических соборах. Все места заняты, и все зрители, как по команде, повернули головы в нашу сторону.

К нам подошла дежурная, и я спросил, где наши места. Она указала направо. Я посмотрел туда. Все места были заняты, кроме двух роскошных мягких кресел, которые стояли на подиуме, возвышаясь над всем остальным залом. Я вопросительно посмотрел на дежурную.

– Это ваши места, – повторила она, показывая на кресла. Мы шли под взглядами зрителей, словно приговоренные к казни под дулами наведенных ружей. Когда мы опустились в кресла, по залу пронесся изумленный вздох.

– У-у-у-х-х-х! – заметалось по залу, отдаваясь эхом.

И тут с небес полилась божественная музыка. Мощно заиграл орган и, казалось, колоны собора завибрировали вместе с ним. Зазвучали верхние регистры органа и словно птички защебетали под сводами древнего собора.

Это было чудо! Мы с ВВ забыли обо всем на свете, и музыка поглотила нас. И нельзя передать словами то, что мы испытали, слушая «Реквием» Верди. Звуки оркестра и хора буквально взрывали наши души, и мы были счастливы!

Я думаю, что зрители тут же забыли о странном «туристе из Африка» и его не менее странном сопровождающем. Осталась только музыка, открывающая лестницу на небеса, и ничего кроме музыки.

Лишь бурные аплодисменты в конце концерта вернули нас на нашу грешную землю, и мы с ВВ первыми поспешно покинули зал.

Зайнидин КУРМАНОВ

О КУЛЬТЕ ПРЕДКОВ

Статья

В свое время, сохранив и усовершенствовав свои культурные традиции, японцы сотворили чудо, добились невозможного, за короткий исторический срок перейдя от аграрного общества к современному. Демонстрируя при этом недюжинную энергию и такие высокие качества своего народа, как целеустремленность, решительность, изобретательность, единство, сплоченность, самоотверженность, дисциплинированность и трудолюбие. Без этого японские реформы вряд ли достигли бы своей цели.

В годы революции Мэйдзи (1868), чтобы стать сильным и современным государством, они позаимствовали у Запада лучшие и наиболее приемлемые для японцев политическую и военную системы, судоустройство. У англичан они скопировали государственное и судебное устройство. Армию построили по германскому образцу, флот – по британскому.

Произошли события, резко изменившие ход исторического развития этой страны. Была восстановлена императорская власть. Ликвидирована система сегуната, просуществовавшая в Японии почти 700 лет.

Радикал-реформаторы хотели пойти еще дальше – отказаться от буддизма и поголовно перейти к христианству, от японского языка к английскому. Правда, буддизм был немного реформирован – добавлением к нему тенгрианского культа Неба. Появилась новая модификация религии – синтоизм, главой которой стал император – Сын Неба. Идея с англий-

ским у них отпала сразу, японцы и сейчас в своей массе почти не говорят на нем.

Хребтом, идеологической базой реформ стала национальная культура и японские национальные ценности. Важным ресурсом для развития Японии также были признаны и западные демократические ценности, немного подкорректированные под местные особенности и менталитет. За менее, чем полстолетия Япония, не имея никаких природных ресурсов, стала самой развитой страной, прорвалась в круг крупнейших мировых держав, и сейчас является третьей по масштабу экономикой мира, пропустив недавно вперед КНР.

Нет смысла говорить обо всех нюансах и трудностях реформ – их было немало. Например, японский обычай трайбализма не был отменен (мы всегда кричим об отмене и запрете), а искусство трансформировано в идею преданности своей компании, пожизненного найма на работу и заботу компании о каждом сотруднике, что привело к другому мультипликативному эффекту – высокому качеству производимой продукции и высокой социальной защищенности японских работников.

Второй пример касается нашей общей с японцами традиции - культа предков (арбактар), восходящего к тенгрианству. Каждый год три дня с 13 по 15 августа (в некоторых местах в середине июля) они проводят праздник поминования предков (обон). Согласно традиции считается, что в это время года души усопших возвращаются к живым и посещают своих родных.

Согласно этому обычаю, становясь предком, покойник, таким образом, продолжает свое бытие в составе семьи. Но теперь оказывается ее членом, находящимся в другом состоянии, достигшим высшей ступени семейно-родовой иерархии и наделенным новыми возможностями. Почитаемый предок обеспечивал также самоидентификацию, систематизацию разных семейных групп в крупной общине.

Предки никогда не спят, они все видят, от них не спрячешься ни в этом, ни в другом мире. Поэтому люди боялись совершать плохие поступки, чтобы тем самым не опозорить своих предков и свой род, не быть проклятыми. Чтобы снять позор с себя и своего рода, японец должен был покончить с жизнью. Сейчас, чтобы смыть позор, они уходят в отставку, хотя бывают и случаи самоубийства. Нынешний премьер Японии Синдзо Абэ, например, занимает эту должность во второй раз. Премьером был его дед Нобусукэ Киси, его отец Синта-

ро Абэ был министром иностранных дел. Потомственная династия слуг государства. В первый раз он ушел в отставку в связи с коррупционным скандалом, в котором подозревался министр сельского хозяйства. Возможно ли у нас такое?

У кыргызов позор был несмываем! Сын вора, даже если он был хорошим человеком, навсегда оставался в общественном мнении «сыном вора», его сын – «внуком вора», а его семья - «семьей воров». Позор падал на весь род и даже племя! И не было в этом никакой героики и почета, как сейчас. Такой статус навсегда закрывал членам опозорившегося рода, где доминировал принцип коллективной ответственности, доступ к управлению и общественной жизни на века. А скрыться от позора не давала санжыра. По нему можно было определить каждого - кто его предки и какими делами они занимались.

Известный своей справедливостью Шабдан-батыр изгнал из рода своего близкого родственника, хулиганистого и невероятно амбициозного Рахманкула Худайкулова - сына родового муллы лишь за то, что он опозорил его род кражей 2-х лошадей у крестьянина Пахотина. Рахманкул после Октябрьской революции стал видным деятелем советской власти и до конца жизни мстил потомкам Шабдана, организовывая против них политические репрессии.

Но кыргызская традиция недопущения позора с введением рыночных отношений забылась по вине манкуртов-рвачей, дорвавшихся до власти. И коррупция, преступность и прочие негативные деяния захлестнули теперь всю страну от мала до велика (даже женщин и детей) и до такой степени, что серьезно встал вопрос о дальнейшем существовании нашей государственности и способности нынешнего поколения политиков сохранить ее. Слишком уж они увлечены собственным обогащением. А государственные меры, взятые из опыта европейских стран, не дают нужного эффекта. Поэтому не пора ли начать сознательно бороться с пороками современного общества, взяв на вооружение наши выстраданные временем обычаи и традиции, продумав механизмы их реализации, которые восстановят нравственную и моральную чистоту в обществе?

***ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.
КУЛЬТУРА***

ГЛАВНОЕ – ЖИТЬ, ТРУДИТЬСЯ И БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

Ей дали непривычное для Северного Тянь-Шаня, где она родилась, имя – Лайли, которое переводится с арабского – «ночь». Видимо, это имя было взято ее образованными, интеллигентными родителями из истории трагической любви Лейли и Меджнуна, которая волнует всякого, кто прикоснется к ней. Удивительно, но здесь есть определенные совпадения: как и Лейли, Лайли встретила свою судьбу в школе – видного и способного юношу, и навсегда связала с ним свою жизнь.

Сегодня Лайли Укубаева – доктор наук, профессор, академик Международной общественной академии Ч. Айтматова, лауреат Государственной премии по науке и технике КР, лауреат Международной премии Ч. Айтматова, заслуженный работник образования КР, победитель конкурса научных статей по номинации «Вечная кыргызско-казахская дружба», декан гуманитарного факультета Кыргызско-Турецкого университета «Манас» и проч. Согласитесь, это дается не просто, это результат неустойчивого, беспрепятственного труда. В отличие от многих других ученых женщин, она не кичится своим положением, не выпячивает свои достоинства. Ее сила в ее компетентности, бескорыстии, открытости и интеллигентной скромности. Это человек редких качеств, в котором собраны такие творческие способности, о которых можно было бы только мечтать. В любой компании на нее устремлены все взгляды, она привлекает всеобщее внимание не только замечательной внешностью, но и тем, что может поддержать разговор на любые темы, подхватить куплет какой-либо песни и с удовольствием прочитать

стихотворение наизусть. В ней развит талант поэта и публициста, общественного деятеля и ученого, мастерицы по рукоделию и кулинарии.

Считается высокой честью, если кто-то называет своего новорожденного твоим именем. Когда к Лайли в разное время обратились родители трех новорожденных девочек с просьбой разрешить назвать их ее именем, объясняя эти просьбы тем, что хотели бы видеть их такими же умными, самостоятельными, сильными и талантливыми, как она, Лайли, она была тронута. Это заставило ее еще раз задуматься о том, какая ответственность лежит на каждом человеке за свою судьбу.

Ей также свойственно равнодушие ко всему, что происходит вокруг. Это началось еще в школьные годы, когда Лайли выступила в айльской газете с заметкой о том, что дети, школьники и в дождь, и в снег вынуждены преодолевать пешком долгий путь по горной местности, чтобы добраться до школы, а потом возвращаться назад. Поскольку в те незапамятные советские времена ко всему, что печаталось, относились серьезно, обычно по выступлениям прессы принимались меры, то и на эту статью реакция со стороны властей была соответствующей: специально выделили арбу, которая отвозила и привозила детей. Безусловно, этот успех положил начало такому жизненно важному пониманию, что если бороться, то это может привести к победе. И так всю жизнь: борьба – успех, борьба – победа. Тот, кто находился в состоянии борьбы, знает, что при этом могут быть трудности, неудобства, потери. Выстоять может только тот, кто верит, что, в конце концов, добьется своего. Она выстаивала множество раз, преодолевая невообразимые препятствия, и всякий раз побеждала – это может подтвердить любой, кто трудится рядом с ней.

В одном из своих пятистиший Исикава Такубоку, поэт, имя которого японский народ бережно хранит в своем сердце, высказал мысль, которая заставляет задуматься о тех людях, которые бились за то, чтобы мир стал человечнее. Вот эти стихи:

«Пусть будет
То, что будет!» –
Таким
Я стал теперь.
И это страшно мне...

Равнодушие для этого поэта смерти подобно. Равнодушные для Лайли Укубаевой так же неприемлемо, как предатель-

ство и ложь. Это знают ее коллеги, друзья, многочисленные аспиранты, которые с полным на то основанием видят в ней великолепного, порядочного ученого и заботливого наставника. По долгу служб ею прочитаны и выправлены сотни научных работ – диссертаций, монографий, статей, даны справедливые отзывы, порой нелицеприятные – здесь, во время оценки чьего-либо труда, она остается самой собой – отмечает положительные стороны, строго указывает на недостатки и дает рекомендации. Ее оценкой дорожат достойные люди, потому что она далека от пустых похвал и всегда умеет все расставить по своим местам.

Такому человеку не совсем комфортно жить среди тех, для кого деньги и власть являются первостепенными, для кого духовность и нравственность – пустые слова. Может быть, поэтому из ее вечно болящего за людей сердца вырвалось наружу небольшое стихотворение под названием «Парадокс» о людях и нелюдях, смысл которого захотелось передать в следующем переводе с кыргызского:

Нелюди живут себе как люди,
Нелюди смеются над людьми.
Нелюди, обхватив руками огромный стол,
Оскаливаются на людей.
Нелюди решают судьбы людей,
К нелюдям присоединяются другие нелюди.
Если нелюди заполонят страну,
Что станется с людьми?

На этот горький вопрос, звучавший множество раз в ее душе, она отвечала тем, что с головой погружалась в работу, служебную и общественную, в семью, и делала все возможное, чтобы все было по справедливости, по чести, чтобы кому-то стало лучше, легче.

К счастью, а может, нет, ей выпала доля быть причастной к литературной судьбе Чингиза Айтматова. Как ученый-литературовед, критик, она часто находилась рядом с ним, принимала участие во многих встречах, круглых столах, конференциях, симпозиумах, посвященных творчеству писателя, писала монографии, статьи о его произведениях, о его литературно-эстетических взглядах, его гражданской позиции. Творчество Ч. Айтматова – это ее главное вдохновение, которому она служит, не уставая. Конечно, если окинуть взором все ее многочисленные труды, то окажется, что ее интересует все в

отечественной литературе – от фольклора до произведений последних дней. Она откликается статьями, выступлениями на все, что кажется ей важным для общества сегодня. Особенно, когда речь идет о чем-то незаслуженно забытом. В этом видится мощнейшее влияние Чингиза Айтматова, который считал своим святым долгом проявлять заботу о каждой личности, внесшей вклад в развитие кыргызской литературы и культуры. То, что Чингиз Айтматов является ее духовным наставником, видится как в ее исследованиях, где она самоотверженно трудится в поисках научной истины, так и в ее вузовской и общественной деятельности. Айтматовское выражение: «Самое трудное для человека – оставаться им каждый день» – это лозунг каждого ее дня, и она признается, что жить, трудиться и быть человеком в полном смысле этого слова – радостно, но нелегко.

Лайли Укубаева – крупный литературовед, который откровенно признается в том, что художественное творчество Ч. Айтматова изучено не в достаточной мере, а публицистическое – только на подступах. Это довольно смелое заявление, поскольку творчество Ч. Айтматова, как нам известно, являлось темой номер один в кыргызском литературоведении с самого его начала и всегда привлекало внимание литературоведов и критиков всего Союза. Однако данное утверждение обосновано ею тем, что на самом деле многие глубинные пласты творчества писателя изучены поверхностно, поэтому, как говорит она, настоящее Слово об Айтматове еще впереди – в устах и трудах нового поколения литературоведов. А свои научные труды «Чингиз Айтматов: эстетика и национальная основа» и «Кыргызская литература: размышления и критика», которые были удостоены Государственной премии им. К. Тыныстановы, и другие научные труды по творчеству выдающегося писателя она скромно называет небольшим вкладом в отечественное айтматоведение.

Иногда за многочисленными научными трудами трудно увидеть самого человека. В 2009 году вышла небольшая книжечка Лайли Укубаевой «Көңүлүргактары» («Ритмы настроения»), в которой автор делится с читателем своими переживаниями обо всем, что ее тревожит и волнует. Здесь есть и романтика, и ирония, и сарказм, и гнев и многое другое, и эти настроения выражены в лирических и сатирических стихотворениях и рассказах, маленьких эссе. Хотя многие из про-

изведений заканчиваются многоточием или вопросом, в них чувствуется несогласие с существующим положением вещей. Вот зарисовки под рубрикой «Жизнь – телега, запряженная ослом».

«Лучше бы мы не пели эту песню:
В пятнадцать наступает полнолуние,
Свет луны освещает землю.
Будто с рассветом прорывается солнце,
Разбрызгивая золотые лучи.
Походка изящна, как у маралихи,
О-о, девушки нашего Ала-Тоо!

Разве эта песня о наших девушках, работающих на базарах, с обветренной, загрубевшей кожей лица и рук, таскающих мешки величиной больше их самих, проклинающих от отчаяния и безысходности эту жизнь? Разве потеря нами этих Айпери, нежных девушек Ала-Тоо, не вызывает жалости у молодцев, возглавляющих народ?»

Или:

«Народ с терпением относится ко всему: к обману, к грабёжам, к голоду, к нищете, к подлостям, к лицемерию, к пустым обещаниям, к подношениям власть имущим, к проведению тоев, к поручительствам, к мучениям, к осуждению без вины, к издевательствам, к давлению до изнеможения...

Наступит ли такой день, когда со стороны властей будет поставлен памятник народу за долготерпение, произнесены молитвы?»

Или:

«Старикам с такого-то дня нет пенсий, многодетным нет пособий, рабочим задерживается зарплата, студенты никак не могут получить стипендию – это постоянно звучит со всех сторон. Однако мы ни разу не слышим, что из-за отсутствия денег в казне или из-за недобора налогов запаздывает зарплата акимам, губернаторам, что несвоевременно выплачиваются деньги депутатам. И после этого можно ли считать, что закон один для всех?»

Или:

«Наши девушки годами мучаются, маются, занимаются торговлей, чтобы свести концы с концами... Молодухи уезжают в другие края, несмотря на размеры заработка и на оставленных детей своих, уезжают и что-то приносят в своем клюве, и бьются таким образом, чтобы сохранить свой очаг... А наши джигиты живут, не печалься о том, чтобы посадить на родине

дерево и вырастить его, от безделья окунаются в водку, или, гонимые ветром жизни, не могут остановиться на одном месте... Как может сохраниться очаг и состояться семья?.. При виде того, как наши сыновья и дочери из-за хлеба насущного бродят по свету, возвращаются и опять покидают свою землю, вспоминается древнее народное выражение, которое встряхивает душу: «Нет березы, из которой кыргыз бы не сделал топорщица, нет, края, где не были бы схоронены останки кыргыза». Это что, повторение истории?»

Обличающий публицистический пафос звучит в этих коротеньких, риторически вопросительных замечках.

Когда-то на одном из писательских собраний видный ученый, поэт и общественный деятель Салижан Жигитов выступил с резкой критикой общества, досталось и малограмотным писателям, и политикам, и простому народу. Когда его обвинили в отсутствии патриотизма, он ответил, что он – чистокровный кыргыз, поэтому он, как никто другой, имеет право осуждать свой народ за его нелюбимые черты, ибо он болеет и переживает за него как сын и хочет, чтобы народ стал лучше.

Так и Лайли Укубаева, она бьет в колокола, вскрывает нарывы на теле общества, режет по больному, и это должно заставить задуматься о том, куда несется мир, утрачивая в себе все человеческое.

Вот некоторые из ее дневниковых записей:

«Умные головы, не оцененные и не востребованные государством, властью, вынуждены продавать себя тупоголовым, чтобы поднимать их авторитет и престиж».

«После того, как девять месяцев проносил в чреве дитя, испытывая при этом боли в позвоночнике и адские муки при родах, слышишь его крик при рождении, разом забываешь о страданиях, затем наслаждаешься его чудным детским лепетом, но ничего нет хуже того, когда дитя становится взрослым и отказывается общаться с тобой...»

А вот ее размышления под рубрикой «Беспокойные мысли»:

«Бедные коммунисты бились над тем, чтобы устранить различия между городом и деревней, довести деревенскую жизнь до уровня городской. Демократы же, наоборот, в быстром темпе превратили город в деревню».

«Больше стало людей, закутанных с ног до головы. Невозможно разглядеть их лиц. Они – самые талантливые актеры нашего времени...»

«Самое страшное для меня – предстать лицемером перед своим учеником».

«Однажды на улице я встретила одну из своих бывших лучших студенток, подававшую большие надежды. Она толкала перед собой тележку с полиэтиленовыми пакетами. Увидев меня, она почувствовала неловкость и растерялась. Потом нагнулась, достала из-под рулонов пакет с изображением ярких цветов и протянула его мне.

– Эже, в свое время мы не додумались подарить вам цветы. А сейчас с учительской зарплатой я не могу прокормить детей... Извините...

В ту ночь мне не давала покоя мысль о будущем моих нынешних выпускников, которым сегодня днем в торжественной обстановке мы вручали дипломы...»

Эти мысли – отражение сути души Лайли Укубаевой, они свидетельствуют о том, что есть еще настоящие люди, способные страдать, переживать, бороться, чтобы мир стал чище и лучше.

Она широко известна в литературоведческих и вузовских кругах республики, но из-за того, что лишь один из ее научных трудов был переведен на русский язык, в русском литературоведении и критике нет ссылок на ее суждения. А жаль... Ее труды содержат так много смелых, неожиданных и глубоких мыслей, что понимаешь, сколько было потеряно времени у русскоязычного исследователя творчества Ч. Айтматова на поиски того, что уже есть в кыргызстанской науке. В настоящее время идет работа по переводу ее трудов, и дай бог, чтобы ее находками, суждениями воспользовались многие, кто ищет ответы на вопросы, связанные с кыргызской литературой.

ВОССТАНИЕ 1916 ГОДА. ВЗГЛЯД ИЗ НАСТОЯЩЕГО

Кыргызский народ в своей истории пережил множество значительных событий. С течением времени некоторые из них были подзабыты. Но что-то из прошлого сегодня вызывает интерес у общества и вновь заставляет думать, вспоминать, переживать о прошедших событиях, вносить поправки, обращает внимание общества на то, на что следует взглянуть по-новому. Одним из таких исторически значимых событий является национально-освободительная борьба кыргызского народа, 100-летие которой широко отмечается общественностью в нынешнем году и которая вошла в историю под названием «Национально-освободительное движение» или «Уркун» («Смятение»).

Национально-освободительная борьба кыргызского народа – одна из основных тем кыргызской литературы. Она и в советскую эпоху получала свое художественное отражение в творчестве мастеров слова. Ныне наше внимание привлекает то, что эта тема с момента обретения нашей страной независимости не была вынута из повестки дня, мало того, к ней усилился интерес писателей. Объяснение тому, по нашему мнению, кроется в следующем. Во-первых, крутые перемены в общественно-исторической, политической и экономической жизни, вызванные в государстве переходом к самостоятельности, заставляют вновь обращаться к прошлому, требуют его пересмотра в силу создавшихся условий открытости и демократии, его оценки, установления реального положения

происшедших событий, необходимости глубокого изучения их значения. Во-вторых, объясняется, начиная со времен «перестройки», «нового мышления» М. Горбачева (80-е годы XX в.), широким распространением принципа гласности во всех сферах жизни, в том числе в художественной литературе. Добавлением к этому явилось изъятие социалистической цензуры из искусства, следовательно, обретение нашими писателями полной творческой свободы. Эти перемены в общественной жизни стали предпосылкой к новому подходу для раскрытия темы восстания 1916 года.

Если обратить внимание на то, как отражается тема национально-освободительного восстания 1916 года в кыргызской прозе в годы независимости, то здесь можно обнаружить, что изображение ведется в двух направлениях.

Во-первых, в произведениях, посвященных жизни исторических личностей, их деятельности данная тема встречается лишь косвенно, в связи с биографическими сведениями личности или ее делами, или же для изображения берется лишь одна ее сторона. К примеру, это произведения Э. Эгембердиева «Канат хан», Ж. Токтоналиева «Шабдан баатыр» и др.

Во-вторых, создаются произведения, в которых непосредственно раскрывается тема восстания 1916 года. Это: продолжение тематики «Сломанного меча» Т. Касымбекова в его историческом романе «Баскын» («Захват») (2000) о том, как вначале половинная часть всех кыргызов, называющая себя северянами, подверглась колонизаторскому захвату и, имея для отпора ни единства в своих рядах, ни сил, ни помощи со стороны, была вынуждена прийти к соглашению, далее, тема восстания отразилась в его другом историческом романе «Кыргын» («Истребление») (2004), в котором были «отражены итог борьбы и безмерная трагедия немногочисленного кыргызского народа»¹; повесть Бактыбека Максутова «Кызыл кыргын, кандуу кармаш» («Красная бойня, кровавая схватка», 2009); роман народного писателя Кыргызстана Калканбая Ашымбаева «Азат көчү» («Кочевье свободы», 2012); роман Арслана Капай уулу Койчиева «Мисмилдирик» («Беделдеги каргыш») [«Уничтожение» («Проклятие на Беделе») 2009].

Естественно, пространство небольшой статьи не дает

---

¹ Даутов К. Жазуучу жөнүндө кыска сөз. / Т. Касымбеков. Баскын. – Бишкек: Шам. – 2000. С. 397- 398.

возможности глубокого анализа любого из названных произведений, и, по моему мнению, данная тема требует специального фундаментального исследования. В настоящей статье внимание будет уделено лишь последним трем из названных произведений, чтобы поделиться небольшими впечатлениями о творческих поисках писателей в деле отражения национально-освободительной борьбы 1916 года.

Самым крупным по объему и широким по эпическому масштабу среди названных произведений является роман К. Ашымбаева «Азат көчү» («Кочевье свободы»). Свое обращение к историческому событию, которому был посвящен писателями ряд произведений в советскую эпоху, автор объясняет во вступительной статье к своему роману «Мысли, желанные перу» следующим образом: «Будем считать положительным то, что об историческом событии 1916 года создаются произведения в различных жанрах. Однако вместе с правдивой передачей различных сторон национального духа, традиций, мужества следует избегать ошибок, недостаточного понимания положения дел, ложной гордости.

Те, кто пишет о восстании 1916 года, даже не упоминают о том, что сохранению кыргызского народа способствовала Великая Октябрьская революция. А ведь существуют исторические записи о том, что в 1917 году для безопасного возвращения кыргызов из Китая Временное правительство России выделило Китаю золото монетами. А то, что при возвращении кыргызов на родину, чтобы их не расстреляли на местах русские националисты, были высланы для охраны военные отряды, которые преграждали путь местным богатеям и мстителям со словами: «Кто тронет кыргызов, будет расстрелян», нигде не упоминается. Мало того, не принимаются во внимание случаи того, что, когда богатеи устроили беспредел, совершив захват земель, территории были возвращены с помощью декрета Ленина о земле. Кроме того, напрочь забыто то, как некоторые добросердечные русские прятали кыргызов от своих же. Зарубежные нюхачи натравливали кыргызов на русских, партию эсеров на нацменьшинства. Мало того, во время восстания, к концу Уркуна, были ли это жители каракольской территории или Чуйской долины, они замысливали против беженцев недоброе и даже были случаи убийств. Тем, кто в советский период пытался разобраться в этих событиях, были предъявлены политические обвинения.

Эти явления заставили меня взяться за перо и обратиться к событиям Уркуна»¹.

Автором романа «Азат көчү» было потрачено много творческих сил на его создание. Это роман широкого эпического масштаба. Он начинается произведение с изображения социальной и политической жизни кыргызов до 1916 года, проводя всесторонний анализ внутренних противоречий действительности в период русской колонизации. Причина восстания 1916 года, его трагический исход, дни страдания, пережитые напуганным народом, лишение Николая II трона, возвращение кыргызов из Китая на родину в период деятельности Временного правительства во главе с Керенским, историческое состояние кыргызского общества во время гражданской войны, когда происходила борьба за укрепление Советской власти и др. – все эти события легли в основу романа. Масштаб изображенных в романе событий дает нам основание назвать его романом-эпопеей, определив тем самым его жанровый характер.

Автор начинает свое неторопливое повествование с описания далеких времен. Он уверенными штрихами рисует условия быта кыргызов, живущих вокруг озера Иссык-Куль, их социально-историческое положение до 1916 года в мозаике различных событий. Первая часть романа посвящена именно этому и состоит из нескольких небольших рассказов.

На фоне различных жизненных обстоятельств раскрываются образы Сансызбая и Салымбека, опирающихся на власть царского самодержавия и беспощадно издевающихся над людьми, безжалостного уездного начальника Иванова, который возомнил себя господином над всем кыргызским народом, гнусные делишки его единомышленников, представителей партии эсеров Овчинникова, Королькова, а также ставших опорой народу в то суровое время Андаша молдо и Балпанова Кадыра, печальные судьбы подневольных бедняков Карыбая, Кожокана, Кулдурбая и др. Кроме того, в романе показаны теплые отношения между местным коренным населением и русскими мужиками, гуманные поступки и действия доктора Шеленина.

Можно считать, что К. Ашымбаев в своем повествовании достиг правдивого воспроизведения причин восстания 1916 года, раскрыв его социально-политические предпосылки.

---

¹ Ашымбаев К. Азат көчү. – Бишкек, 2012. – С. 5-6.

Жусуп Абдрахманов, написавший труд «О восстании кыргызов 1916 года», останавливаясь на причинах восстания, отметил: «Когда мы начинаем вести речь о восстании трудовых масс Средней Азии и Кыргызстана 1916 года, нам кажется, что оно возникло неожиданно, из-за недовольства местного трудового населения тем, что их забирают на тыловые работы. На самом деле причины восстания 1916 года кроются глубоко, имеют социально-экономические корни, вызванные положением Средней Азии и Кыргызстана на правах колоний царской империалистической России»¹. Именно эти социально-экономические причины восстания, обозначенные Жусупом Абдрахмановым, нашли свое художественное отражение в романе Ашымбаева, и это, безусловно, является его авторским достижением.

В романе «Азат көчү», как и в других ранее написанных произведениях писателей о восстании 1916 года, также показано нарастающее недовольство местного населения царским указом о наборе в солдаты в возрасте от 19 до 43 лет. В произведении описывается, как Андаш-молдо, увидев у Кучука-молдо бумагу со списком новобранцев, вырывает ее из рук и рвет в клочья, что накаливает обстановку. Подобные события происходят и в Оше и Чуе, откуда поступают вести. Местная родовая знать действовала в сговоре с царскими властями, что вызывало негодование народа, который решил, что единственным выходом из положения является бунт, и принес клятву отомстить русским. К. Ашымбаев видит причины бессмысленной гибели народа в том, что тщеславные манапы, подобные Батыркану, не способные глубоко вникнуть в суть положения народа, не считались с мнениями мудрых людей, одним из которых был Кадыр-аке.

В романе реалистически описывается то, что восстание начиналось неорганизованно, разбросанно, в различных местах, дается информация об оснащенности народа оружием. Началось все с поджога русских сел. Их жители не остались в накладе. Партия эсеров во главе с Овчинниковым, пользуясь обстановкой, ставит цель полного уничтожения кыргызов и полновластного овладения территорией. К ним на помощь приходит из Каркыра карательный отряд Кравченко.

К. Ашымбаев далек от одностороннего изображения трагедии восстания 1916 года. Это могут подтвердить следующие строки из романа: «Беда мятежного народа в том, что он нанес

¹ Үркүн. Тарыхый-даректүү очерктер // «Ала-Тоо» журналынын реестри. – Б., 1993. – 4-б.

вред таким же, как и он сам, безропотным людям, старикам, вдовам, сжег их жилища. Кыргызы поклялись не трогать сирот и вдов тех, кто ушел на войну. Но и среди них находились такие, которые, рассуждая, «мол, они неверные, пусть хоть один или тысяча», сжигали их дома». Ошибочность, безосновательность тех рассуждений, которые звучат сегодня в обществе, о том, что только кыргызы подверглись уничтожению, что был геноцид, подтверждается авторской позицией в отношении к изображаемому, т.е. автор не скрывает несправедливого отношения кыргызов к русским переселенцам, и такое правдивое отношение к описываемым событиям можно считать успехом в его художественном исследовании действительности. С другой стороны, и среди лиц, относящихся к представителям царской власти, были такие, как Корольков, кто сочувствовал кыргызам.

К. Ашымбаев в качестве ядра сюжетного действия обозначил деятельность партии эсеров, основная политическая задача которых на тот момент заключалась в жестоком истреблении кыргызов, сделавших много доброго русским переселенцам, а также латентном и открытом стремлении эсеров завладеть кыргызскими землями.

Жусуп Абдрахманов в своей аналитической статье «О восстании кыргызов в 1916 году» тоже несколько раз упоминает, что у русского самодержавия это было главной целью политики колонизации. По его глубокому убеждению, русские помещики и русская буржуазия, после того, как добились создания генерал-губернаторства Туркестана, в целях подчинения себе этой местности поставили следующую задачу: для возведения поселков для русских переселенцев осуществить практический захват земель и водных ресурсов кыргызов¹.

Так, Ж. Абдрахманов пишет: «На отнятых у кыргызов землях вначале были построены русские поселки, таким образом, аграрная колонизация туркестанской земли началась с колонизации кыргызских территорий»². Именно этой исторической правде в романе уделено много внимания. В отдельных материалах истории восстания 1916 года царский указ о наборе солдат на тыловые работы, ускоривший возникновение причин восстания, на самом деле оценивался в некоторых случаях как «пасквиль, открыто призывающий к восстанию». Об этом открыто говорилось в показаниях Г.И. Бройдо о восстании

---

¹ Там же. С.9.

² Там же.

кыргызов в 1916 году следователю Палаты Суда г. Ташкента, данных 3 сентября 1916 года. В них говорилось: «Истребить кыргызов, оставшихся гнать в сторону Китая, завладеть их землями – это входило в злые намерения царского правительства». «Поэтому, чтобы подтолкнуть народ к восстанию, нужно было придумать план для этого злого умысла – план призыва в солдаты», – отмечается далее¹.

События, описанные в романе К. Ашымбаева «Азат көчү», подтверждают правдивость отмеченных выше рассуждений. В романе читатель может получить полное представление о том, как кыргызы были вынуждены в смятении бежать прочь, как русские богачи завладевали лучшими плодородными землями Жети-Суу, Тюпа, южной стороны Иссык-Куля.

В романе, не оставляя читателя равнодушным, во всей полноте передаются картины того, как кыргызы, получившие поражение в восстании, бежали в Китай, испытывая в пути адские страдания и невзгоды, особенно на перевалах Музарт и Кёк-Бель, как недружелюбно встретили их кытай-калмаки, как пришла весть о свержении Николая и кыргызы вернулись на родину, на Иссык-Куль.

Наступившая новая эпоха принесла с собою новые противоречия, которые привели к концу Овчинниковых и Ивановых, однако новое время устанавливалось не так просто, и об этом широко повествуется в третьей части романа. Как и отмечалось К. Ашымбаевым во введении к роману, забота нового русского правительства о благополучном возвращении кыргызов из Китая, его организация, прославление исторического значения ленинского декрета, предусматривавшего возврат кыргызам отнятых русскими богатыми земель, получило достаточное освещение в романе.

Конечно, все эти исторически значимые вопросы при освещении восстания кыргызов 1916 года рано ли, поздно должны были привлечь внимание. Будет верным отметить, что своевременное художественное решение этих вопросов нашим аксакалом-писателем, представление романа читательской общественности является крупным литературным событием, которое следует поддержать. И на самом деле, «Азат көчү» – роман-эпопея, этапное произведение в кыргызской прозе, по-

¹ Брайдо Г.И. 1916-жылдагы кыргыз көтөрүлүшүнүн тарыхына материалдар. Китепте. Үркүн. Бишкек. – 1993, 61-б.

новому осветившее историческое событие 1916 года и занявшее тем самым свое место в истории кыргызской литературы.

Такое крупное произведение невозможно написать на одном дыхании. В отдельных случаях автор увлекается событиями настолько, что замедляет динамику сюжета. Места, требующие глубокого психологизма, драматического накала, временами даются в описательно-повествовательном стиле (сцены схваток кыргызов с русскими, рассказ «Кочевье Кадар-аке», краткое упоминание об избрании Каната ханом и др.). Много незначительных, не запоминающихся персонажей. Конечно, думаю, что автор при переиздании романа поработает над обозначенными недостатками и еще раз подумает над рассказами.

Еще одно произведение последнего времени о восстании кыргызов 1916 года – повесть Бакытбека МаксUTOва «Кызыл кыргын, кандуу кармаш» («Красная бойня, кровавая схватка»). В этой повести автор попытался осветить историческое событие, опираясь на исторические документы и используя их, приводя в тексте.

В теории литературы есть выражение о том, что «правда жизни одинакова для всех, однако всякий отражает эту правду жизни по-разному». Конечно, это зависит от авторских задач (что именно он хочет показать), от особенностей индивидуального стиля автора. Если рассматривать идейное, художественно-эстетическое содержание повести А. МаксUTOва сквозь эту призму, то видим, что писатель ставит задачу изображения правды жизни во взаимодействии художественного и документального.

В начале повести, до освещения основного события, дается краткая экспозиция. В ней говорится о том, как веком раньше 1916 года впервые из Верного на Иссык-Куль (1856 г.) отправилась в путешествие русская экспедиция под руководством Петра Петровича. Второй раз экспедиция отправляется по просьбе полковника Хоментовского и возвращается, широко ознакомившись с социально-исторической обстановкой местности, с чудесными землями кыргызов. Конечно же, это была не научно-исследовательская экспедиция, а скорее, она носила разведовательный характер.

В те времена происходили межродовые распри, между кыргызами не было согласия. Петр Петрович докладывает генералу Госфорту об обращении к нему Боромбая, главы племени бугу, с просьбой о русском подданстве, и поясняет,

что при условии принятия кыргызов под свою власть велика возможность завладения их землями. После этого, считает он, можно легко прибрать к рукам и другие племена во главе с племенем сарбагыш с их землями. Таким образом, начинается осуществление плана овладения земель и самих простых кыргызов.

В экспозиции автор излагает мысли о будущем истории кыргызов, делится переживаниями, в метафорическом плане мастерски передает схватку охотников с тигром и зверское отношение членов экспедиции к иссык-кульской рыбе.

В повести «Кызыл кыргын, жандуу кармаш» А. МаксUTOва, как и в романе К. Ашымбаева «Азат көчү», сюжет развивается последовательно, в ней нет персонажей, которые бы принимали участие в историческом событии с начала и до конца. Если в «Азат көчү» дается широкая художественная панорама событий 1916 года озерного края с самого начала и до их исхода, то в повести А. МаксUTOва делается попытка передача картины событий на севере Кыргызстана, раскрывается характер и особенности восстания в каждой местности. Свидетельством этого могут служить и сами названия глав: «Кровопролитие в Ак-Суу», «Схватка в Кемине», «Резня на берегу Иссык-Куля». К примеру, причиной аксуйского восстания обозначен царский указ о призыве на окопные работы, вызвавший протест народа, после чего Грибановским был обманом собран народ и уничтожен на месте, и восстание закончилось гибелью в Ак-Суу и Белогорке невинных мужественных, подобных Эгемберди, людей. В Сосновке повторяется то же самое. В Кемине, в селе Шабдана, восстали атаке-сарыбагыши, они избрали сына Шабдана Мёкюша ханом и схватились с русскими. Хотя какое-то время они имели успех в сражении, все же не смогли дать отпор хорошо вооруженным солдатам и потерпели поражение. В итоге, сын Шабдана, Кемель, посчитал «лучшим выходом перебраться к китайским землям», и, чтобы уберечь себя от полного уничтожения русскими, они двинулись в сторону Китая.

На Иссык-Куле местные кыргызы, не желая далее терпеть притеснений, отняли свои земли у переселенцев и, не послушав предостережений Кадыр-аке о том, что «если кыргызы и смелы, но все же русских много, как волос в шерсти коровы», поднялись на восстание.

Поступил приказ генерал-губернатора «не щадить кыргызов вплоть до их детей в люльке», и началось истребление

народа, восставших топили в озере. Уничтожение 500 торговцев, описанное в романе «Азат көчү» К. Ашымбаева, получило отражение и в повести А. Максутова. В этом страшном погроме около 300 юрт остались опустевшими, разграблен без числа весь скот, «не было свободного от трупов места, чтобы поставить ногу». Об этом с бахвальством докладывает Иванову начальник карательного отряда Волков, – отмечает автор повести.

В главе «Жертвы свободы» описывается народное восстание при волостных Абайылде, Темире и Болоте. Канат-хан со своими вооруженными джигитами решает присоединиться к роду тынаев и направляется в сторону Токмока, чтобы «отомстить русским за своих родных, за пролитую кровь, готовясь к решительной кровавой схватке». Не достигнув успеха в Токмоке, Канат-хан отправляется в Кочкор, но и там он сталкивается с карательным отрядом. В итоге – горы убитых, в Кара-Коле, Ак-Беле, перевале Бедель горами лежали мертвые тела восставших.

Таким образом, в этом произведении повествуется о том, как претворялась в жизнь русская колониальная политика, о том, как «царским наместникам бог дал открыто получить то, о чем он только мечтали – опустевшие территории Кыргызстана, о том, как они начали осуществлять давно задуманные злые намерения».

В главе «В Петрограде» говорится о том, как в августе 1916 года депутат Государственной думы России А. Керенский изучил, исследовал кровавые столкновения, происходившие в Средней Азии, и потребовал проведения специального следствия по делу об ошибках, допущенных царской администрацией.

Повесть Б. Максутова написана в очерковом стиле. Автор в каждой главе повести при описании тех или иных событий для подкрепления собственных мыслей обращается к архивным материалам. При знакомстве с архивными документами, данными в повести, приходит мысль о том, что эти фактические материалы были положены автором в основу событий. Кроме того, повесть малохудожественна, а образы персонажей статичны. Как бы писатель ни брал во внимание остроту народного бедствия, все же в повествовании не чувствуется драматизма, не уделяется авторского внимания психологическому состоянию персонажей. Поэтому весьма печально, что страшные события, которые должны потрясти весь мир, опи-

санные в главах «Побег в Китай», «Среди чужого народа, на чужой земле», «Дни, равные аду», не производят на читателя должного эффекта.

Можно было бы посчитать главным героем произведения весь кыргызский народ, однако досадно то, что монументальный образ народа, представший в историческом восстании 1916 года, вызывающий своим бесстрашием и мужеством сильное биение сердца, в повести не достиг необходимого уровня изображения.

Для сотворения превосходного художественного произведения мало учета происшедших в реальности событий, его реального изображения. В первую очередь, чтобы привести в движение эти события, следует создать человеческие образы, способные вдохнуть в них жизнь. Образы этих людей, их неповторимые характеры окажут на читателя неизгладимое впечатление, способствуя глубокому пониманию особенностей тех прошедших времен. В таких образах, характерах можно будет уловить дух времени, его атмосферу. Можно сказать, что в романе Арслана Койчиева «Мисмилдирик» эти требования на определенном уровне были учтены и выполнены автором.

В романе события даны в ретроспективном плане. Однажды Мукай, бывший в подростковом возрасте непосредственным участником восстания 1916 года, вспоминает об этом событии в застенках НКВД. Он был репрессирован властями из-за того, что записывал на бумагу рассказы очевидцев восстания о том, что «видели своими глазами и слышали своими ушами», «чтобы не было забыто». Таким образом, события в произведении передаются из воспоминаний Мукая.

В отличие от К. Ашымбаева, А. Койчиев в романе «Мисмилдирик» путем описания событий, пережитых одним из кыргызских родов – родом кудаян, делает попытку обобщения, типизации изображаемого народного бедствия. Отсюда и ограниченное количество персонажей, принимавших участие в восстании. Это волостной кудаянов Камбар, его мужественный младший брат Нарбото, его сын Мукай, мать Карагыз, аильный аксакал Калыбек, пристав и его окружение. Каждый названный здесь персонаж индивидуализирован, в них обнажены противоречия времени. Закрыв последнюю страницу книги, чувствуешь, что в памяти продолжает оставаться облик этих персонажей, которые заставляют задумываться, беспокоят душу.

Хотя роман «Мисмилдирик» является первым художественным опытом автора, его творческие поиски в изображении характера привели к положительному результату.

От начала до конца романа в реалистическом плане раскрывается социально-историческая и политическая обстановка в кыргызском обществе в период до начала восстания 1916 года, в течение этого процесса и после окончания восстания. В начале романа, описывая то, как Нарбото из рода Кудаян со своими джигитами перешли русско-кыргызскую границу и напали на табун лошадей калмаков, автор делает акцент на том, что это не привычное, а вынужденное поведение кыргызов, «которые, уплачивая непомерные налоги русским, остались без скота и прочей живности». Автор в романе описывает захват русскими колонизаторами кыргызских земель, самых лучших и удобных для существования, через изображение схватки на Чонташе. Волостной Камбар, прижатый приставом вопросом о том, что следует построить русский хутор в местности, важной для племени кудаян, не знает, как быть, что делать. До этого момента он безоговорочно выполнял все требования пристава, был его единомышленником. Мало того, он выступил против своего младшего брата, храброго Нарбото, который проявлял заботу о кудаянах и был агрессивен с русскими, занес его первым в список призывников и думал о том, как избавиться от него. Он также мечтал приблизить своего сына Мукая к русским и пристроить его к ним толмачом.

Волостной Камбар – самый противоречивый образ в романе. Писатель, желая показать, как главы родов, служа насильственной царской политике, находились меж двух огней, дает глубокое и многостороннее освещение трагического образа Камбара.

В романе «Мисмилдирик» возникновение восстания связано со списком в солдаты. Начинается наступление на русских. Озлобленные джигиты нападают на русских пчеловодов, пасеки которых располагались у входа на Боомский перевал. В этом произведении передается мысль о том, что кыргызы наступили первыми и первыми начали истреблять русских. По мере развития событий в произведении представляется, как были злы кыргызы на русских, а также то, что большинство народа до конца не понимало сути происходящего. Даже волостной Камбар, находясь в растерянности, отправляется со своими джигитами в Кемин, чтобы понять, что происходит.

Автор описывает, как Камбар, узнав, что в Кемине объ-

единяются все кыргызские племена, что установлена связь с алматинскими казахами, был вынужден перейти на сторону народа. Раньше готовый строго наказывать бунтовщиков, теперь он сам должен поддерживать их. В произведении принятие им такого нелегкого решения показано посредством передачи его психологического состояния. В конце концов, он пишет просьбу об отставке, отправляет ее через старика Калыбека вместе со значком волостного.

В 1916 году некоторые предводители родов и племен, подобно Камбару, вначале верой-правдой служившие царю, в связи с изменением обстоятельств переходили на сторону народа, и такие факты известны истории. Оказывается, такие поступки имели основания. Об этом было сказано Жусупом Абдрахмановым: «В Кыргызстане, в отдельных местах участие некоторых манапов в восстании и даже попытки руководить восстанием не должно вызывать ошибочного мнения. Это не является правилом, и не следует забывать то, что манапы, не нашедшие согласия с царской администрацией или недостаточно договорившиеся с ней в деле ограбления трудовых масс, «обиженных» царизмом, это лишь редко встречающееся явление. Они примкнули к восставшим для борьбы с царской властью не из-за сострадания к народу, оказавшемуся в безвыходном положении, не ради идеи национального освобождения, а в страхе за то, что народное движение получило такой широкий размах, что способно было и их подмять под себя».

Камбар, персонаж А. Капаева, тоже относится к этому типу манапов. Мы приходим к такому заключению, исходя из описания его физического состояния перед повешением, когда он попал в руки пристава. «Он искоса посмотрел на пристава поверх головы Мукая, стоявшего с опущенными плечами и в застывшем виде перед ним. Ему хотелось выдернуться из петли, поползти на коленях к пристава. «Бристаб-бай! Я ошибся, я виноват! Пусть я умру, но оставь жизнь моему сыну! Прощу тебя!»¹.

Это напоминает сцену из романа Т. Касымбекова «Сломанный меч», когда происходит казнь сына Курманжан-датки. Но вместо того, чтобы поклониться палачам, Курманжан-датка ободряет сына: «Сынок, смотри прямо в глаза смерти!». А все потому что она была непримиримым врагом кокандской власти. А волостной Камбар?

¹ Койчиев А. Мисмилдирик. – Б.: Бийиктик, 2009. – 230-б.

Да, он не предал брата своего Нарбото, однако, если подумать над его последними действиями, то ради кого он пошел на это? Ради сына своего, Мукая. По приказу пристава он послал Мукая на поиски Нарбото, и это было последним шансом спасти жизнь своего сына... И здесь он воспользовался хитростью. Как бы то ни было, образ Камбара свидетельствует о наличии у автора писательского таланта. Посредством передачи этого полнокровного образа, несущего на себе печать времени, была типически представлена родовая знать того времени со всеми имеющимися противоречиями.

С таким же замечательным мастерством А. Капаев создал и образ Нарбото. Это мужественный, не сходящий с намеченного пути храбрец, иногда безалаберный, представитель народа, вступавший в борьбу со старшим братом волостным Камбаром за власть. Он был недоволен тем, что русские переселенцы то и дело отхватывали земли кыргызов. Он абсолютно не похож на своего брата, который и скрытно и открыто раболепствовал перед приставом. В произведении он показан как вольнолюбец, джигит с горячим сердцем, который всегда находится среди народа.

Первое наступление кыргызов на русских в Токмоке отличалось особой жестокостью, это видно в картине их уничтожения в церкви, куда устремились русские, не зная, где им укрыться. Особенно выразительны эпизоды, передающие горькую правду жизни, когда Нарбото топором отрубает голову попу Михаилу, когда происходит грабеж в доме пристава, и бахвальство кыргызов о том, что они, мол, разгромили русских. Далее писатель с большим мастерством описывает то, как карательные отряды русских безжалостно убивали оставших, как продолжалась кровавая расправа. Каждый эпизод произведения жизнен и подвижен. Желание и старание обеих сторон отомстить друг другу чувствуется в каждом их движении, дыхании и особенно в картинах схваток. Здесь есть нечто, связанное с родовой психологией кыргызов и привлекающее наше внимание. После поражения в сражении в Токмоке волостной Камбар думает: «Ежедневно по пять-десять человек погибают от пуль огнестрельных орудий, и придет конец всем кудаянам из-за того, что хотели сравняться с многочисленными сарыбагышами» (С.212). Он даже задумывает, повесив камчу на шею, явиться к русским с повинной. Психология кыргызского народа, обладающего не национальным, а

родовым сознанием, таким образом нашла свое выражение в раздумьях Камбара.

Согласно сюжету, Мукай, бывший в 1938 году в заключении, является живым свидетелем этих событий. Он, не позволив догнать себя русским, устремившимся за ним в погоню, нашел своего дядю Нарбото и передал ему слова своего отца: «Бегите вместе!».

Нарбото, его бабушка Карагыз встретились на перевале Бедель с другими измученными страданиями людьми. Слово шум ветра здесь, на перевале Бедель, звучало проклятие Карагаз-апа: «Пусть те, кто истребил потомков Кудаяна, не найдут покоя ни в этом, ни в том мире!»...

Так заканчивается история «проклятия на Беделе».

«В чем моя вина, что я написал, что кыргызы священны, что непутевы те, кто оскорбляет кыргызов, что царь, нанесший оскорбление кыргызам, сам был истреблен со своим потомством? Что в написанном такого, что меня назвали контрой?». Этот вопрос Мукай остался без ответа. СССР, который уничтожил столько славных людей, теперь и сам уничтожен.

Люди, не забудьте слова крика-проклятия, произнесенные замерзшей на перевале Бедель и погибшей от холода Карагыз-апа! Идеиный пафос произведения, заключенный в ее крике, словно обращен ко всему человечеству.

Как только был опубликован роман, первой, кто откликнулся на него, написав рецензию, была молодой ученый Н. Казакова, которая, исследуя этимологию слова «мисмилдирик», говорит о том, что нашла значение этого понятия в «Толковом словаре кыргызского языка». Она отмечает, что в слове есть понятие не «мисмилдирик», а «миспилдирик», что означает «бесследное уничтожение», «истребление», «ликвидация», «убийство», и добавляет: «Как бы то ни было, автор своим романом обогатил новым словом словарный запас современного поколения». В рецензии ей дана высокая оценка содержанию романа.

И на самом деле роман «Мисмилдирик», написанный в годы независимости, по праву занимает место в первых рядах произведений, посвященных изображению национально-освободительного восстания. В нем обнаруживается высокая культура работы писателя со словом, сюжетно-композиционная структура произведения также создана с большим профессионализмом. Нет лишнего, незначительных событий. Напрашивается лишь одно замечание. Художественно-эстетическое

воздействие романа было бы еще значительнее, если бы А. Койчиев придавал большее значение и сделал бы более сильный акцент, добавив красок, на изображение соглашательских отношений местных предводителей с русскими властями и кулаками за спиной простого народа, доведенного из-за нужды до крайнего отчаяния.

Таким образом, если окинуть взглядом художественное отражение национально-освободительного движения 1916 года в современной кыргызской прозе, созданной в годы государственной самостоятельности, то можно сделать следующее заключение.

1. В наши годы наблюдается усиленный интерес писателей к названной теме.

2. Произведения на названную тему, написанные в последние годы, возникают на основе новых, свободных взглядов на прошлое; встречаются попытки новой интерпретации многих исторических вопросов.

3. Появление большего количества подобных попыток исходит из требования времени.

4. Авторы, обратившиеся к данной теме, добьются успеха при условии, если будут достаточно осведомлены об исторических событиях 1916 года и ими будет освоен этот материал, что позволит сделать шаг в то время, и изнутри изобразить его.

5. В национальной литературе достаточно произведений, в которых в художественном плане изучена данная тема и которые нуждаются в научном исследовании.

*Перевод с кыргызского
Дарии Буржубаевой*

Кратко об авторах

БАШМАНОВ Юрий

Родился в городе Фрунзе в 1962 г. Получив средне-специальное образование, отправился служить в Советскую Армию. Будучи совсем юным, он стал мастером спорта по альпинизму и получил спортивное звание «снежный барс», покорив все семитысячники Советского Союза.

В 1995 году, когда в сфере альпинизма в Киргизии был совершенный упадок, Юрий организовал экспедицию на вершину 5 категории трудности, дав ей название «Манас-1000». А в 1999 году также стал организатором и руководителем экспедиции на безымянную вершину, посвятив ее памяти киргизского поэта Алыкула Осмонова.

В настоящее время является основателем и руководителем Бишкекской кровельной компании. Женат, имеет двух дочерей.

Тонкий внутренний мир, богатый и яркий жизненный опыт Юрия Башманова нашли свое отражение в сборнике рассказов «Момент истины» (2015).

БОНДАРЕНКО Олег

Родился в 1960 году на Украине. Окончил Донецкий госуниверситет, работал в системе Госбанка СССР на Сахалине и Южных Курилах. С начала 1990-х постоянно проживает в Бишкеке. Сотрудничал с газетами и радио, был менеджером ряда частных компаний. С 2010 года — исполнительный директор Ассоциации издателей и книгораспространителей Кыргызстана. Параллельно разработал и запустил проект www.literatura.kg – цифровой многоязычной библиотеки произведений отечественных авторов, является ее главным редактором. Член Национального Союза писателей КР. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Зарубежные записки», «LettresRusses», «Новая литература» и др. Автор книг: «Неизвестные Курилы», «Философия выживания этноса», «Однажды во Вселенной», «Одни» и др.

БУРЖУБАЕВА Дария

Родилась в 1952 году в селе Боконбаево Тонского района. Среднюю школу закончила в селе Кочкор и поступила в КГУ им. 50-летия СССР на филологический факультет. После окончания университета работала научным редактором в Главной редакции КСЭ, а после годичной научно-педагогической стажировки в МГУ им. М.В.Ломоносова занялась вузовской педагогической деятельностью. Работала в БГУ им. К. Карасаева, Международном университете «Алатоо-Ататюрк», ныне доцент кафедры теории и истории русской и зарубежной литературы КНУ им. Ж. Баласагына. Помимо преподавания в вузе занимается научной, переводческой и редакторской деятельностью. Автор учебно-методических пособий по зарубежной литературе, литературе Центральной Азии, ряда научных статей по проблемам развития киргизской литературы. Отличник образования Кыргызской Республики.

ИВАНОВ Александр

Прозаик, член Союза писателей СССР с 1976 года. Заслуженный деятель культуры Кыргызской Республики.

Родился в 1938 году в г. Чимкенте. Окончив школу, учился на филологическом факультете Киргосуниверситета. Работал в газетах «Комсомолец Киргизии», «Комсомолец Таджикистана», на республиканском телевидении, в ЦК Компартии Киргизии. С 1984 года – главный редактор журнала «Литературный Кыргызстан». Оставаясь в этом качестве, был с 1988 по 1998 год корреспондентом Всесоюзной «Литературной газеты», а с 2003 – главным редактором издательства «Жизнь замечательных людей Кыргызстана».

Первая книга прозы выпущена им в 1969 году – «Памирские были». С тех пор издано четырнадцать книг, в том числе – «Эдельвейсы остаются внизу», «Флаг над перевалом», «Не жди, когда уснут боги», «Маленькое чудо под ногами», «Снег в сентябре», «Верхом на облаке», «Чужой крест» и другие.

Автор увлекается всем, чем увлекаются герои его произведений.

ИМАНБЕКОВА Алтынай

Родилась в 1974 году. По специальности – экономист. Работает в Чуйском областном театре им. Ш. Термечикова, заведующей литературной частью. Пишет стихи со школьных лет. Жанр – любовная, философская и социальная лирика. Участница Литературного Фестиваля молодых писателей в Кыргызстане 2013 г., участница Форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья, проводимом Фондом СЭИП 2014 г.

Публикации: Альманах «Мозаика-1» г. Бишкек-2013 г., сборник «Новые писатели» г. Москва-2014 г., Альманах «Мозаика-2» г. Бишкек 2015 г., сборник «Новые писатели» г. Москва-2015 г., сборник «Поэтическая нотка» г. Москва-2015 г., журнал «Литературный Кыргызстан» №1 Бишкек-2015 г.

КАДЫРОВ Виктор

Кадыров Виктор Вагапович – родился в 1955 году в городе Бишкеке (Фрунзе). Окончил Политехнический институт, специальность – инженер-электрик. С 1992 года работает в книжном деле. Им создана книготорговая сеть «Раритет». С 1988 года возглавляет издательство «Раритет». Кадыровым подготовлено и издано более 60 книг по природе, истории и этнографии Кыргызстана. С 2003 года издательство выпускает сборники сказок и сказочные повести, написанные Кадыровым на основе киргизских народных эпосов. Им также изданы прозаические сборники – «Коровы пустыни», «Золото Иссык-Куля», «В поисках дракона», «Иная планета», «Знаки неба», «Родиться в небесах», «Тайны Иссык-Куля».

КУЗНЕЦОВ Юрий

Музыкант – пианист. Родился в 1940 г. в городе Фрунзе. Окончил музыкальное училище им. Куренкеева, затем ташкентскую консерваторию.

Посвятил себя педагогической и концертмейстерской деятельности.

Гастролировал с народными артистами СССР, певцами А. Мырзабаевым, Б. Минжилкиевым, К. Сартбаевой, Х. Мухтаровым, с балериной Б. Бейшеналиевой.

С 1975 г. преподавал в Институте искусств, с 1993 г. и по сегодняшний день – в Национальной консерватории им. К. Молдобосанова. Заслуженный деятель культуры КР. Профессор. В ЛК печатается впервые.

КУРМАНОВ Зайнидин

Заведующий кафедрой международных отношений Кыргызско-Российского Славянского университета, доктор исторических наук, профессор. Закончил ЛГУ и аспирантуру Института истории СССР АН СССР в Москве. Работал ректором Киргизского государственного педагогического института, дважды избирался депутатом Жогорку Кенеша, избирался спикером Жогорку Кенеша 4-го созыва. Опубликовал свыше 220 научных работ, в т.ч. автор и соавтор 36 книг и брошюр. Лауреат многих международных конкурсов. Заслуженный работник образования КР. Государственный советник Кыргызской Республики 2-го класса.

ПЯТИБРАТОВА Алла

В 1974 году окончила филологическое отделение Ошского пединститута. Работала в газетах «Эхо Оша» (ранее – «Ленинский путь»), «Аргументы и факты – Кыргызстан», в других областных и республиканских изданиях. Лауреат международной журналистской премии «Серебряное перо».

Ее стихи публиковались в «Литературном Кыргызстане».

РОГОЖИН Михаил

Родился в городе и в стране, которых уже нет. Киргизская ССР и г. Фрунзе. «Детсад на Краснооктябрьской, в который я ходил, во времена приватизаций захватили мытари, а во время очередной бузы – сожгли. После 37 школы, в которой выработали стойкое отвращение к английскому языку – последовательно закончил Машиностроительный техникум, армейскую учебку при Тульском оружейном заводе – и неожиданно поступил в ПИРЯЛ. В числе 5-ти человек из первой команды запускал ТРК «ВОССТ», работал в международных проектах в направлениях журналистики, рекламы и связей с общественностью. В настоящее время воспитываю жену и двух сыновей».

СУСЛОВА Светлана

Родилась в Забайкалье, с 1952 г. живет в Киргизии. Окончила филфак Киргосуниверситета. Автор 15 оригинальных поэтических сборников и более 20 переводных. Лауреат Всесоюзной премии Ленинского комсомола, кавалер Ордена Дружбы и Ордена «Данакер». Заслуженный деятель культуры КР. Заместитель главного редактора “ЛК”, ведущий специалист НЦ «Перевод» КРСУ.

УКУБАЕВА Лайли

Литературовед, педагог, член Национального союза писателей и Союза журналистов КР, д-р филологических наук, профессор КТУ «Манас». Заслуженный работник образования КР, академик Международной общественной айтматовской академии, лауреат Государственной премии имени К. Тыныстановы в области науки и техники, лауреат Международной премии Ч. Айтматова.

Родилась в селе Ак-Жар Кочкорского района. После окончания школы училась на филологическом факультете КГУ им. 50-летия СССР, который закончила с отличием. Работала заведующей кафедрой, деканом факультета тюркологии БГУ им. К. Карасаева, в настоящее время руководит гуманитарным факультетом КТУ «Манас».

Автор более 300 научно-публицистических статей, 13 научных, учебно-методических и публицистических трудов, посвященных вопросам кыргызской литературы, а также творчеству Ч. Айтматова.

*Корректурa Инны Пешехоновой
Компьютерная верстка и дизайн Светланы Терезуловой*

Подписано в печать 30.09.2016 г.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура Arial. Заказ 95.
Тираж 300 экз.